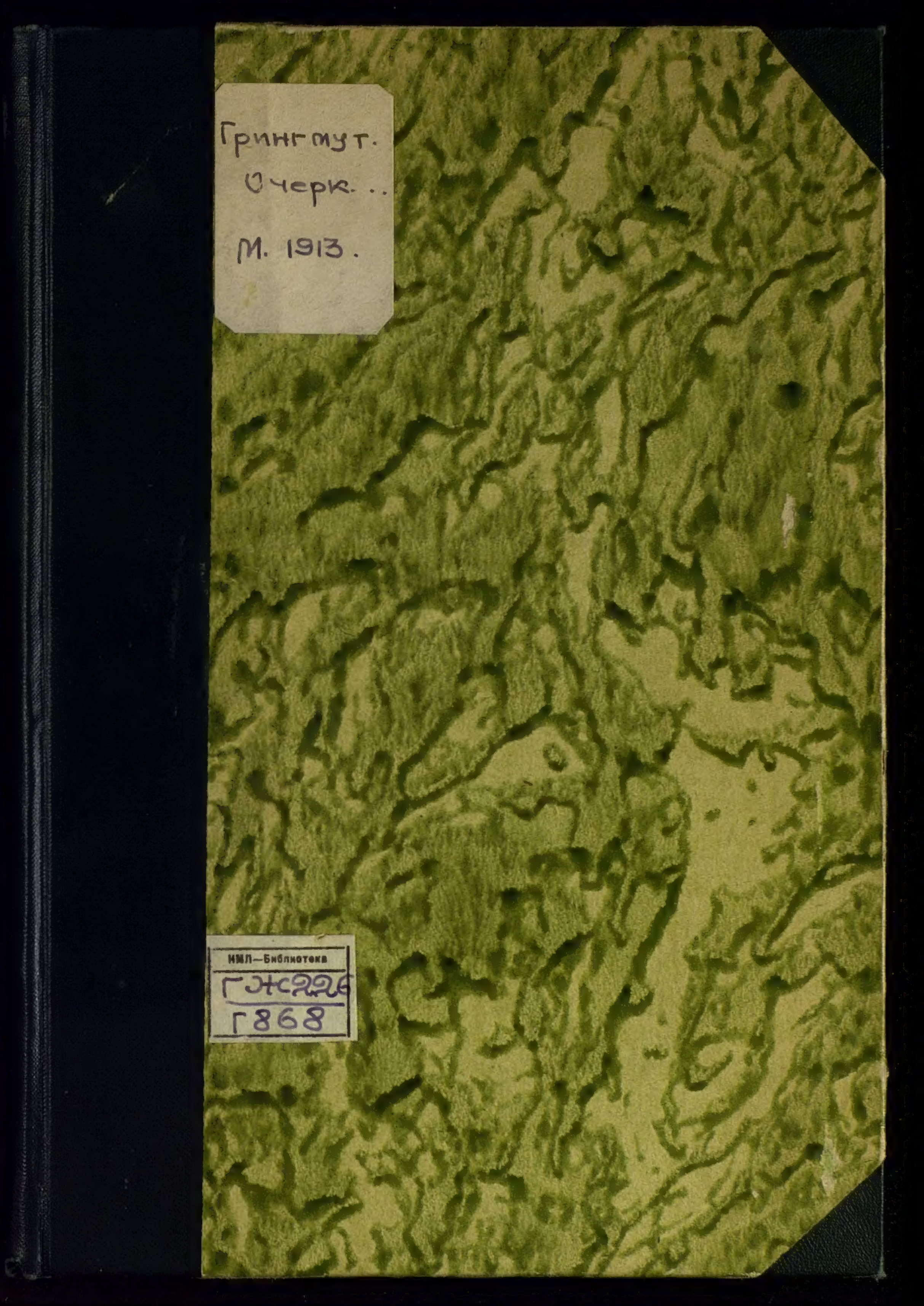

Грингмут.
Очерк...
М. 1913.

ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ГРИНГМУТЪ

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

МОСКВА
1913

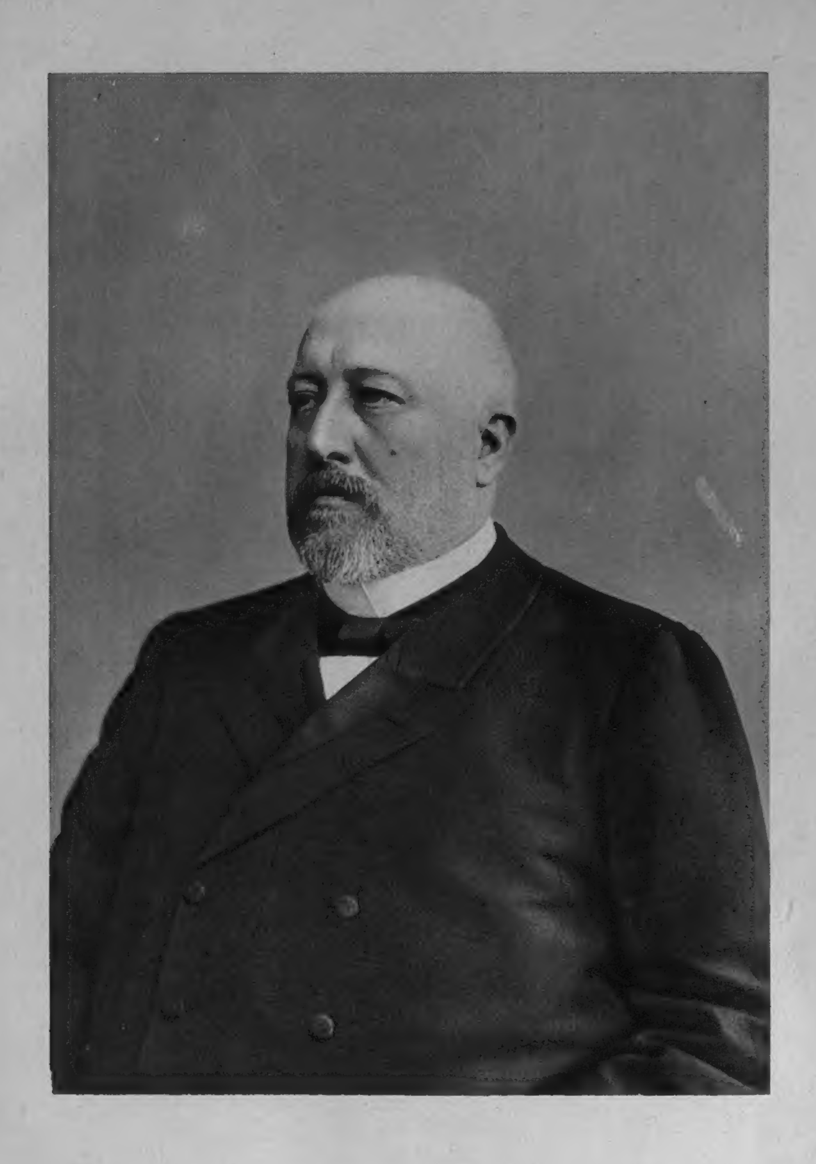
ВЛАДИМІРЪ АНДРЕЕВИЧЪ ГРИНГМУТЪ

ОЧЕРКЪ ЕГО ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

МОСКВА
1913

поставщикъ двора Его величества т-во скоропечатни А. А. Левенсонъ Москва
Трехпрудный пер. собственный домъ
1913

В Грингмут

«Почтимъ память патріота, который при жизни своей «являлъ собою великій примѣръ самоотверженнаго служенія «Богу, Царю и Отечеству,—примѣръ, сіяющій путеводною «звѣздою Русскимъ людямъ и послѣ его кончины».

Эти слова написаны о Катковѣ В. А. Грингмутомъ, но они, по справедливости, могутъ относиться и къ нему самому, какъ достойному преемнику знаменитаго московскаго публициста.

I.

Изъ семейной хроники Владиміра Андреевича.

Въ жизни русскаго общества нерѣдко замѣчалось одно интересное явленіе: нѣкоторые иностранцы, преимущественно нѣмцы, покинувшіе свою родину и промѣнявшіе ее на Россію, такъ тѣсно сживались со своимъ новымъ отечествомъ, что не разставались съ нимъ до конца жизни и, умирая на чужбинѣ, оставляли потомковъ, которые съ теченіемъ времени становились вполнѣ русскими по убѣжденіямъ и чувствамъ, даже православными по своимъ вѣрованіямъ. Подтвержденіемъ этого любопытнаго явленія можетъ служить рядъ нѣсколькихъ всѣмъ извѣстныхъ дѣятелей, въ родѣ переводчика-поэта Н. В. Берга, археолога Востокова-Остенека, лексикографа В. И. Даля, этнографа А. Ѳ. Гильфердинга, филолога Н. И. Греча, драматурга Фонвизина и др., но самый яркій примѣръ такого же обрусѣнія представляетъ судьба иностранца Грингмута и его семейства.

Нѣмецкая фамилія Грингмутъ (Gringmuth) принадлежала извѣстному старинному славянскому роду, происходившему изъ Прусской Силезіи и давшему на родинѣ нѣсколькихъ замѣчательныхъ дѣятелей.

Такъ, одинъ изъ нихъ—дѣдъ Владиміра Андреевича Грингмута—долго состоялъ членомъ Королевскаго совѣта и бургомистромъ въ городѣ Лигницѣ; за свою продолжительную и благотворную дѣятельность онъ былъ почтенъ отъ благодарныхъ гражданъ поднесеніемъ золотого кубка, до сихъ поръ сохранившагося въ рукахъ его позднѣйшаго потомка. Еще болѣе въ XIX столѣтіи выдѣлился сынъ названнаго дѣятеля, Вилибальдъ-Генрихъ Грингмутъ. Даровитый отъ природы, онъ блистательно окончилъ курсъ въ одномъ изъ Германскихъ университетовъ со степенью доктора философіи и, какъ знатокъ древнихъ языковъ, занялъ каѳедру классической филологіи въ Бреславльскомъ университетѣ. Громкая слава о немъ, какъ о выдающемся филологѣ и талантливомъ преподавателѣ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія долетѣла и до Россіи. Тогдашній попечи-

тель Московскаго учебнаго округа, извѣстный графъ С. Г. Строгановъ, искавшій лучшаго воспитателя для своихъ подроставшихъ сыновей, обратилъ вниманіе на восторженные отзывы о профессорѣ Грингмутѣ и лично отправился въ Бреславль; послѣ прослушанныхъ лекцій и ближайшаго знакомства графъ Строгановъ предложилъ ему мѣсто домашняго наставника въ своей семьѣ; тотъ, хотя и не безъ долгихъ колебаній, выразилъ свое согласіе и вмѣстѣ съ графомъ прибылъ въ Москву.

Переселившись изъ небольшого городка въ обширную русскую столицу, иностранецъ Грингмутъ былъ охваченъ старо-дворянскою обстановкою и особымъ складомъ московской жизни. Сначала заинтересованный, а потомъ очарованный и видами Москвы съ ея Кремлемъ, и своеобразнымъ, оригинальнымъ бытомъ, онъ мало-по-малу такъ сроднился со всѣмъ московскимъ обиходомъ, что по окончаніи воспитанія дѣтей графа Строганова, когда тѣ съ отцомъ переѣхали въ Петербургъ, рѣшилъ остаться навсегда въ полюбившейся ему первопрестольной русской столицѣ.

Педагогъ по призванію, Грингмутъ и здѣсь, въ Москвѣ, продолжалъ свою преподавательскую дѣятельность: онъ состоялъ учителемъ нѣмецкаго, латинскаго и греческаго языковъ въ мужскомъ пансіонѣ Циммермана (позднѣе Цима), въ женскомъ учебномъ заведеніи госпожи Брокъ, а также во многихъ аристократическихъ домахъ. Напримѣръ, къ числу его позднѣйшихъ учениковъ, между другими, принадлежалъ графъ П. А. Капнистъ (впослѣдствіи попечитель Московскаго учебнаго округа), съ восторгомъ вспоминавшій во всю жизнь о прекрасныхъ педагогическихъ пріемахъ своего наставника.

Съ теченіемъ времени, оставаясь безвыѣздно въ Москвѣ, прежній иностранецъ-педагогъ сталъ «обрусѣвать» и даже вмѣсто своего нѣмецкаго имени началъ прозываться «Андреемъ Ивановичемъ».

Тутъ же, въ новомъ своемъ отечествѣ, ему пришлось испытать и тихое семейное счастье. Онъ вступилъ въ законный бракъ съ Бертой Петровной фонъ-Соколовской, дочерью Виленскаго дворянина и директора Прохоровской Трехгорной мануфактуры, женатаго на уроженкѣ Швеціи, а 3 марта 1851 года былъ порадованъ рожденіемъ первенца-сына. Ясно сознавая, что будущность его семьи неразрывно связана съ Россіей, заботливый отецъ пожелалъ, чтобы малюткѣ при крещеніи было дано русское имя—Владиміръ, что и было исполнено лютеранскимъ пасторомъ*).

*) То же повторилось и при рожденіи 10 марта 1852 года другого сына, названнаго, по желанію отца, Димитріемъ.

Такимъ образомъ Владиміру Андреевичу, потомку онѣмеченнаго славянскаго рода по отцу, суждено было родиться въ «сердцѣ Россіи»—Москвѣ и получить имя въ честь великаго «Просвѣтителя

Родители
Владиміра Андреевича.

Руси». Поэтому онъ самъ по праву считалъ себя истиннымъ москвичомъ, а по искренней любви къ своей милой и дорогой родинѣ всегда признавалъ себя вполнѣ русскимъ человѣкомъ.

II.

Воспитаніе Владиміра Андреевича.

Немногія свѣдѣнія дошли до насъ о первоначальномъ воспитаніи Владиміра Андреевича, но и то, что сохранилось, въ привлекательномъ видѣ обрисовываетъ даровитаго сына и заботливаго о немъ отца.

По воспоминаніямъ лица, въ то время близко знавшаго семейство Грингмутовъ, Владиміръ Андреевичъ былъ живой, необыкновенно смышленый ребенокъ, «bon enfant»—какъ обыкновенно называлъ его Андрей Ивановичъ. Возвратясь съ уроковъ и отобѣдавъ, отецъ

въ халатѣ и ермолкѣ садился въ большое глубокое кресло среди своего кабинета, а на колѣни сажалъ къ себѣ маленькаго сына и начиналъ съ нимъ занимательныя бесѣды преимущественно на французскомъ языкѣ, тогда какъ мать, прекрасно владѣвшая русскимъ и иностранными языками, въ отсутствіе мужа на урокахъ, разговаривала съ «милымъ Володей» главнымъ образомъ по-нѣмецки, а затѣмъ постепенно пріучила его къ русскому чтенію и письму. Такимъ образомъ, по педагогической системѣ отца, Владиміръ Андреевичъ съ дѣтскихъ лѣтъ практически усвоилъ три языка, которыми мастерски владѣлъ потомъ во всю остальную свою жизнь.

Но прошло «золотое дѣтство». Наступила пора систематическаго образованія. Когда сыну исполнилось восемь лѣтъ, отецъ методически приступилъ съ нимъ къ изученію грамматики, географіи, краткихъ разсказовъ по исторіи и т. д., при чемъ на ряду съ французскимъ говоромъ мало-по-малу началъ употреблять латинскій языкъ, такъ что, наконецъ, бесѣды ихъ напоминали, по словамъ домашнихъ, «разговоръ двухъ римлянъ», какимъ-то чудомъ перенесенныхъ изъ античной древности въ русскую обстановку XIX вѣка. Подобная «разговорная практика» съ теченіемъ времени такъ усовершенствовала передачу мыслей мальчика по-латыни, что онъ не находилъ никакихъ затрудненій подолгу бесѣдовать на этомъ языкѣ съ отцомъ и съ другими знакомыми педагогами, посѣщавшими гостепріимный домъ Грингмутовъ. Эти уже «закаленные учителя» послѣ такихъ бесѣдъ не иначе называли «юнаго латиниста», какъ «das classische Wunderkind», потому что онъ на 11-мъ году жизни, когда другіе съ грѣхомъ пополамъ осиливаютъ Корнелія Непота, свободно читалъ и понималъ Юлія Цезаря.

Равнымъ образомъ, по той же «отцовской методѣ», рано открылась «практика» и изученіе греческаго языка; здѣсь успѣхи одинаково были поразительны: четырнадцатилѣтній Владиміръ Андреевичъ настолько легко освоился съ произношеніемъ и грамматическими тонкостями эллинской рѣчи, что уже въ 1865 году ради лучшей педагогической практики началъ давать уроки по-гречески сыну профессора Московскаго университета—Лясковскому.

Наконецъ, также рано началось изученіе англійскаго языка у преподавательницы-англичанки, приходившей разъ въ недѣлю, чтобы въ теченіе цѣлаго дня исключительно говорить только на этомъ языкѣ. Здѣсь повторилось то же, что было раньше съ другими языками, т.-е. успѣхи росли быстро, точно Владиміръ Андреевичъ отъ природы былъ предназначенъ стать полиглотомъ.

Но знаніе языковъ явилось лишь одною частью въ воспитаніи Владиміра Андреевича. Была еще другая, не менѣе важная и—по-

жалуй—наиболѣе необходимая для развитія метóда, разумно осуществленная отцомъ. Самъ Андрей Ивановичъ, человѣкъ недюжиннаго ума, обширнаго, разносторонняго образованія, былъ энциклопедистомъ въ полномъ значеніи этого слова: онъ привыкъ уча воспитывать. Его поучительныя бесѣды съ сыновьями велись преимущественно во время ежедневныхъ прогулокъ, которыя въ лѣтнее время нерѣдко продолжались даже цѣлыми днями. На пѣшеходныя экскурсіи отецъ съ сыновьями выходилъ изъ Москвы въ одну заставу, напримѣръ, Дорогомиловскую или Прѣсненскую*), а возвращались домой черезъ другую заставу, напримѣръ, Калужскую или Серпуховскую. При этомъ брались съ собою тетради-гербаріи для сбора растеній и рыболовныя снасти для пополненія акваріума пойманными рыбками. Во все время долгаго пути тянулась безпрерывная бесѣда отца съ сыновьями: тутъ говорилось и о жизни разнообразныхъ птицъ, и о мгновенномъ существованіи нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, и о разныхъ породахъ лѣса, и объ атмосферѣ, и о земной корѣ,—словомъ обо всемъ, что̀ окружало юныхъ экскурсантовъ. Чаще всего эти прогулки направлялись въ Кунцово, всѣ уголки котораго были знакомы и любимы Андреемъ Ивановичемъ, жившимъ тамъ ранѣе нѣсколько лѣтъ съ семействомъ графа Строганова. Дѣти не утомлялись этими занимательными и поучительными экскурсіями: напротивъ, среди бесѣдъ незамѣтно проходило время, и вся окружающая подмосковная природа доставляла имъ полное наслажденіе послѣ шумнаго столичнаго движенія.

Зимою, за прекращеніемъ загородныхъ прогулокъ, совершались осмотры Румянцовскаго музея, Чертковской библіотеки, галлереи князя Голицына (на Волхонкѣ) и только что зарождавшихся передвижныхъ выставокъ. Осмотръ художественныхъ произведеній былъ самымъ любимымъ удовольствіемъ для Андрея Ивановича, который тогда бралъ съ собою и своихъ сыновей, даже съ самаго ранняго возраста. Цѣлыми часами, переходя отъ одной картины къ другой, объяснялъ онъ достоинства и недостатки каждой изъ нихъ, напримѣръ, поразительную экспрессію Перова, удивительную передачу воды Айвазовскимъ, необычайныя достоинства картины Иванова «Явленіе Христа народу», только что привезенной тогда въ Москву, и многія другія. Эти «художественныя истолкованія» несомнѣнно положили основу для эстетическаго образованія Владиміра Андреевича: на ряду съ науками онъ еще въ юности полюбилъ искусство, знако-

*) Это были двѣ заставы, ближайшія къ квартирѣ Грингмутовъ: они жили тогда во флигелѣ дома Брокъ (нынѣ Рукавишниковскій пріютъ) при самомъ началѣ Смоленскаго бульвара.

мился съ эстетикой, и позже, какъ увидимъ, охотно отдавалъ свое время для обзора и описанія художественныхъ выставокъ въ Москвѣ.

Въ зимнее же время,—какъ вспоминаетъ уже знакомый намъ современникъ,—совершались раннія прогулки по улицамъ Москвы. Сыновья Андрея Ивановича имѣли обыкновеніе почти ежедневно сопровождать отца на уроки въ гимназію Циммермана, которая сначала помѣщалась противъ Городского Манежа (гдѣ нынѣ гостиница «Петергофъ»), а потомъ была переведена на Петровку, въ домъ Самарина, противъ Петровскаго монастыря. Хотя такія частыя прогулки направлялись по однѣмъ и тѣмъ же мѣстностямъ—Арбату, по Никитскому, Тверскому и Страстному бульварамъ, тѣмъ не менѣе Андрей Ивановичъ всегда находилъ матеріалъ для интересныхъ собесѣдованій съ своими любознательными сыновьями. Такъ однажды, въ 1863 году, отцу пришлось объяснять сыновьямъ одно странное для нихъ явленіе: на правой сторонѣ Страстного бульвара, у нижняго этажа большого каменнаго дома, возлѣ запертой желѣзной двери, каждое утро гуськомъ стояла большая толпа подростковъ; одни изъ нихъ, очевидно, были «мальчики» изъ лавокъ, другіе, какъ ни странно, стояли съ намотанными на шеѣ полотенцами вмѣсто шарфовъ. Отецъ объяснилъ, что вверху въ этомъ «домѣ съ тринадцатью окнами» живетъ «великій человѣкъ»—М. Н. Катковъ, котораго знаетъ «даже Бисмаркъ», а нѣмцы зовутъ его «Der Deutschenfresser»; это онъ издаетъ Московскія Вѣдомости, контора коихъ находится въ нижнемъ этажѣ того же дома; что же касается «мальчишекъ», то они, присланные изъ магазиновъ и трактировъ своими хозяевами, дожидаются выхода номера газеты, такъ какъ тогда (въ шестидесятыхъ годахъ) ее еще не разносили по домамъ при помощи разсыльныхъ, какъ теперь, а выдавали на руки посланнымъ отъ подписчиковъ. Разъясненіе Андрея Ивановича и ежедневное присутствіе малолѣтней толпы передъ редакціей Московскихъ Вѣдомостей такъ сильно заинтересовали обоихъ сыновей, что у нихъ явилось желаніе познакомиться хотя съ однимъ номеромъ газеты, издававшейся «пожирателемъ нѣмцевъ».

Однажды, проводивъ отца въ гимназію Циммермана, они на обратномъ пути зашли въ «контору» редакціи, купили свѣжій, еще непросохшій газетный листъ и дома съ большимъ вниманіемъ прочли его. Это было первое знакомство тринадцатилѣтняго Владиміра Андреевича съ тѣмъ Московскимъ органомъ печати, въ которомъ черезъ семь лѣтъ онъ былъ уже ревностнымъ сотрудникомъ, затѣмъ помощникомъ редактора и, наконецъ, редакторомъ-издателемъ на мѣстѣ Каткова.

Самъ Андрей Ивановичъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ еще

не состоялъ подписчикомъ Московскихъ Вѣдомостей. Интересовавшійся наиболѣе иностранною политикою, онъ выписывалъ лишь Берлинскія и Кельнскія газеты. По этимъ же періодическимъ изданіямъ знакомились съ ходомъ европейскихъ дѣлъ тѣ педагоги-товарищи старика Грингмута, обыкновенно по воскресеньямъ собиравшіеся къ обѣду въ его уютную квартиру.

Національность гостей ограничивалась нѣмцами, чехами и французами, разговоръ которыхъ всегда касался политики: здѣсь восхвалялись храбрыя дѣйствія Гарибальди и искусная дипломатія Бисмарка, осуждались происки Наполеона III, обсуждался также тогда разгорѣвшійся польскій вопросъ. Ко всѣмъ этимъ дебатамъ «домашнихъ» политиковъ внимательно прислушивались сыновья Грингмута, жадно слѣдившіе и сами въ иностранныхъ газетахъ, не сообщають ли онѣ что-либо новое объ «умномъ» итальянскомъ министрѣ Кавурѣ (физіономія котораго такъ поразительно была похожа на лицо самого Андрея Ивановича) или о злосчастномъ императорѣ Максиміліанѣ въ Мексикѣ, и на картѣ Шлезвигъ-Голштиніи отмѣчали красными и синими булавками передвиженія прусскихъ и австрійскихъ войскъ.

Юный Владиміръ Андреевичъ безъ особаго труда усвоилъ взгляды своего отца на ходъ европейской политики и по мѣрѣ ознакомленія съ иностранными газетами самъ началъ принимать участіе въ «домашнихъ спорахъ» съ сѣдовласыми педагогами объ иностранныхъ дѣлахъ.

Кромѣ газетъ, Андрей Ивановичъ, постоянно слѣдя за иностранною литературой, выписывалъ всѣ замѣчательныя новости заграничнаго книжнаго рынка и, сверхъ того, постоянно абонировался во французской библіотекѣ Madame Javialle, помѣщавшейся въ Чернышевскомъ переулкѣ, противъ канцеляріи генералъ-губернатора. Книги этой библіотеки, какъ и книжное собраніе отца, «прямо поглощались» обоими сыновьями Грингмута.

Наконецъ, вмѣстѣ съ чтеніемъ оба брата, по совѣту же отца, съ особенною любовію занялись одинъ—музыкою, а другой—искусствомъ пѣнія. Еще въ ранней юности они посѣщали хоровые классы, открытые отдѣленіемъ Русскаго Музыкальнаго Общества въ тогдашнемъ помѣщеніи Московской Консерваторіи (на Воздвиженкѣ, въ домѣ Армандъ), гдѣ К. И. Альбрехтъ обучалъ пѣнію по цифирной методѣ Шеве. Домашними концертами юныхъ братьевъ обыкновенно завершались воскресные рауты въ семьѣ Грингмутовъ, доставляя гостямъ истинное удовольствіе, а юнымъ исполнителямъ поощреніе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

III.

Конфирмація Владиміра Андреевича и его университетское образованіе.

Завершеніемъ семейнаго воспитанія и переходомъ къ дальнѣйшему внѣдомашнему образованію послужила для шестнадцатилѣтняго Владиміра Андреевича такъ называемая «конфирмація». Какъ принадлежавшій къ реформатской церкви, онъ вмѣстѣ съ другими юношами и дѣвицами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ посѣщалъ домъ тогдашняго пастора Нэфа. Тамъ они выслушивали его катихизическія толкованія, а сами отвѣчали наизусть заданные псалмы. Въ заключеніе такихъ подготовительныхъ занятій пасторъ за двѣ недѣли до конфирмаціи задалъ слушателямъ и слушательницамъ тему для домашняго сочиненія: «Семь послѣднихъ словъ Спасителя на крестѣ».

Въ то время, какъ для остальныхъ посѣтителей и посѣтительницъ пасторскихъ поученій данная тема рѣшалась легко на шести-восьми страничкахъ малаго формата,—для Владиміра Андреевича заданное сочиненіе представляло цѣлое событіе. Онъ подалъ пастору объемистую тетрадь, болѣе чѣмъ въ 150 листовъ, всю исписанную его характернымъ, мелкимъ, точно бисернымъ почеркомъ и испещренную многочисленными ссылками на Священное Писаніе, съ которымъ уже тогда, еще въ юности, освоился весьма основательно. Черезъ недѣлю юнымъ писателямъ и писательницамъ предстояло выслушать пасторскій отзывъ о представленныхъ трудахъ. Когда пасторъ Нэфъ явился, то онъ сразу повелъ такую рѣчь: «Сорокъ лѣтъ, какъ я покинулъ родной кантонъ Гларусъ и всецѣло отдался моей дорогой паствѣ въ Москвѣ, сорокъ лѣтъ я преподаю катихизисъ московскому юношеству, но ни разу не приходилось мнѣ столь сильно радоваться плодамъ моихъ бесѣдъ, какъ нынѣ, послѣ прочтенія письменной работы Владиміра Грингмута: такое добросовѣстное, благоговѣйное и прочувствованное изслѣдованіе можно найти только у совершенно зрѣлыхъ и опытныхъ богослововъ».

Обрадованный пасторъ, впрочемъ, не ограничился одною похвальною рѣчью. Въ слѣдующее же воскресенье онъ пріѣхалъ на квартиру Грингмутовъ и, повторяя лестный отзывъ о сочиненіи Владиміра Андреевича, убѣдительно совѣтовалъ отцу отправить «религіозно настроеннаго» сына за-границу на одинъ изъ богословскихъ факуль-

тетовъ. «Вы будете имѣть лучшаго молитвенника за себя»—прибавилъ старый пасторъ.

Андрей Ивановичъ, конечно, былъ очень радъ за успѣхъ первенца въ «богословской работѣ»; онъ даже въ тонъ Нэфа заявилъ, что «среди пасторовъ Силезіи весьма распространена фамилія Грингмутовъ» и что «недавно, какъ говорила Крестовая Газета, одинъ изъ нихъ выступилъ съ рѣчью, какъ депутатъ государственнаго совѣта въ Берлинѣ»; но, тѣмъ не менѣе, отецъ прибавилъ, что онъ не будетъ стѣснять стремленій сына къ избранію будущей жизненной карьеры.

В. А. Грингмутъ (въ 1868 г.).

Между тѣмъ завѣтнымъ предметомъ для самого Владиміра Андреевича, вмѣсто богословія, уже давно являлось изученіе языковъ и, взамѣнъ далекаго, заграничнаго богословскаго отдѣленія, его манилъ къ себѣ историко-филологическій факультетъ Московскаго Университета.

Дѣйствительно, этотъ старѣйшій разсадникъ русскаго просвѣщенія, въ 1866 году, могъ особенно притягивать къ себѣ учащуюся молодежь: только что улучшенный новымъ уставомъ (1863 г.), онъ славился именами многихъ знаменитыхъ профессоровъ. Особенно въ то время былъ богатъ ими историко-филологическій факультетъ, имѣя, напримѣръ, по классическимъ языкамъ такихъ представителей, какъ Г. А. Ивановъ и П. М. Леонтьевъ, а немного позже—Ѳ. Е. Коршъ, по санскриту—извѣстный «востоковѣдъ» П. Я. Петровъ, по русской исторіи—знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ, а по русской словесности—академикъ Ѳ. И. Буслаевъ и Н. С. Тихонравовъ.

Этотъ, блестящій научными силами, факультетъ Владиміръ Андреевичъ и выбралъ для своего высшаго образованія. Но, не имѣя аттестата объ окончаніи курса въ правительственной гимназіи, такъ какъ воспитывался и учился дома подъ руководствомъ отца, онъ не могъ зачислиться въ студенты и потому осенью 1866 года записался въ вольные слушатели для лекцій преимущественно по классическому отдѣленію.

Одинъ изъ тогдашнихъ товарищей Владиміра Андреевича сохра-

нилъ слѣдующій отзывъ объ университетскихъ занятіяхъ Владиміра Андреевича. «Рѣдко,—пишетъ онъ,—я въ то время встрѣчалъ между студентами такого занимающагося юношу, какъ Грингмутъ. Ни непогода, ни болѣзнь ни разу не остановили его отъ прихода на лекціи. Юный, жизнерадостный, но глубоко сосредоточенный въ себѣ, онъ почти первый приходилъ въ аудиторію, садился на свое обычное мѣсто (вторая скамья, съ праваго края), съ глубокимъ вниманіемъ выслушивалъ каждую лекцію, лишь изрѣдка занося въ изящную записную книжку какое-либо новое для него «научное открытіе» и, можно сказать, почти всегда послѣднимъ уходилъ послѣ лекцій. Этотъ поздній уходъ зависѣлъ отъ слѣдующаго обстоятельства: Владиміръ Андреевичъ, не посѣщая профессоровъ на дому, какъ дѣлали многіе (можетъ быть и съ хитрою цѣлію), нерѣдко заинтересовывался тѣмъ или другимъ научнымъ вопросомъ и жаждалъ подробныхъ разъясненій. Поэтому не разъ онъ подходилъ къ лектору по окончаніи лекцій и велъ болѣе или менѣе оживленныя научныя бесѣды, къ которымъ пріучилъ его отецъ. Даже, какъ многіе утверждали, этотъ любознательный юноша подкарауливалъ нѣкоторыхъ профессоровъ при выходѣ ихъ изъ дома, чтобы по дорогѣ въ университетъ поговорить съ ними о какой-либо научной новинкѣ и получить отъ нихъ разгадку того или иного лингвистическаго вопроса; не скрывая этого, онъ самъ называлъ такую прогулку не иначе, какъ «соединеніемъ пріятнаго съ полезнымъ».

Самъ же Владиміръ Андреевичъ и въ печатныхъ статьяхъ, и въ изустныхъ бесѣдахъ, не разъ вспоминалъ о своихъ университетскихъ занятіяхъ. По его словамъ, три профессора особенно оставили въ немъ сильное впечатлѣніе и благодарныя воспоминанія.

Прежде всего молодой «вольный слушатель» невольно остановилъ свое вниманіе на тогдашнемъ исполнявшемъ должность адъюнкта (позже — профессорѣ) — Гавріилѣ Аѳанасьевичѣ Ивановѣ, обычно преподававшемъ въ то время латинскій языкъ на двухъ младшихъ курсахъ факультета. «Трудно, — говорилъ Владиміръ Андреевичъ впослѣдствіи, — съ полною обстоятельностію изобразить высокія достоинства этого рѣдкаго лектора. Можно сказать лишь одно: превосходное знаніе предмета, необычайное умѣнье передать точно и изящно каждый оборотъ латинской рѣчи на русскій языкъ, весьма интересные комментаріи иногда даже къ самому мелочному факту, а главное—природный талантъ, невольно заставлявшій отъ сухой страницы переводимаго автора переноситься подъ чудесное небо Италіи, жить интересами великихъ людей древности и воспитывать въ себѣ гуманныя чувства,—все это необыкновенно гармонично въ каждой лекціи сливалось съ симпатичною личностью

самого лектора, скромнаго и простого по виду, высоконравственнаго по своей аскетической жизни, глубоко религіознаго въ тайникахъ своей души,—словомъ истиннаго учителя...»

Другимъ профессоромъ, сильно заинтересовавшимъ своими чтеніями молодого Грингмута, явился извѣстный оріенталистъ, знатокъ санскрита и многихъ восточныхъ языковъ—Павелъ Яковлевичъ Петровъ. Владиміръ Андреевичъ, какъ мы знаемъ изъ собственнаго его признанія, еще дома, подъ руководствомъ отца, впервые ознакомился съ санскритскою грамотою и, какъ при каждомъ любезномъ ему предметѣ, сильно заинтересовался языкомъ старой Индіи. Но это были только начатки изученія. Теперь же передъ нимъ стоялъ первоклассный ученый во всеоружіи лингвистическихъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ самый терпѣливый преподаватель труднаго предмета, готовый до вечера и даже позже заниматься со своими слушателями. «Чего, чего не зналъ, почтенный Павелъ Яковлевичъ? И всю обширную санскритскую литературу, и индійскія древности, и исторію царства Кашемирскаго, и до пяти восточныхъ языковъ,—притомъ не только теоретически, но и практически, т.-е. умѣлъ поговорить по-арабски, по-персидски, по-еврейски, по-турецки, по-татарски»... Но этого мало: «зная самъ хорошо Востокъ и его разноплеменныя рѣчи, Павелъ Яковлевичъ, «не жалѣя себя», съ большимъ удовольствіемъ дѣлился этими знаніями, необыкновенно умѣлъ пріохотить къ нимъ своихъ учениковъ и, дѣйствительно, достигалъ поразительныхъ успѣховъ въ своемъ преподаваніи. Многіе ученики Петрова и до сихъ поръ съ благоговѣніемъ вспоминаютъ своего «незабвеннаго руководителя». И Владиміръ Андреевичъ, можно сказать одинъ изъ самыхъ усердныхъ слушателей «дорогого оріенталиста», не разъ съ искреннею благодарностью обращался къ памяти того, «кто открылъ для него страницы санскритскихъ книгъ и ввелъ въ любопытный восточный міръ».

В. А. Грингмутъ
(въ 1869 г.).

Изъ-за этихъ двухъ ученыхъ наставниковъ, сильно повліявшихъ на университетскія занятія Владиміра Андреевича, предъ нимъ,

наконецъ, выступила третья авторитетная личность, которая оказалась не только его главнымъ руководителемъ въ изученіи древнихъ классиковъ, но, можно сказать, и «добрымъ геніемъ», открывшимъ ему педагогическую дорогу, и въ полномъ смыслѣ опытнымъ совѣтникомъ на жизненномъ пути. То былъ извѣстный защитникъ гуманитарнаго образованія въ Россіи, лучшій профессоръ римской литературы въ Московскомъ университетѣ—Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ.

Человѣкъ небольшого роста, горбатый, съ рыжеватой бородой и съ оливковаго цвѣта лицомъ, на которомъ сверкали черные глаза изъ-подъ золотыхъ очковъ, этотъ московскій ученый съ перваго взгляда не производилъ привлекательнаго впечатлѣнія. Не такимъ онъ являлся на университетской каѳедрѣ и въ обыденной жизни.

По словамъ одного изъ біографовъ, «Леонтьевъ всегда излагалъ свой предметъ съ достоинствомъ, умѣлъ оживить преподаваніе полнотою, глубиною и занимательностью содержанія, а порою и тронуть слушателей живымъ, задушевнымъ словомъ. При чтеніи писателей онъ съ замѣчательнымъ тактомъ касался наиболѣе жизненной стороны изучаемаго памятника, указывалъ на значеніе его для современнаго писателю общества и съ особеннымъ искусствомъ раскрывалъ смыслъ, таившійся иногда въ какомъ-нибудь съ виду незначительномъ и какъ бы ненарочно оброненномъ словѣ. Это свойство преподаванія Леонтьева относилось преимущественно къ объясненію его любимыхъ авторовъ—Тацита и Горація, при чемъ толкованіе обыкновенно сопровождалось стройнымъ, плавнымъ и даже, можно сказать, изящнымъ переводомъ на русскій языкъ...» «Но,—продолжаетъ тотъ же біографъ,—истиннымъ тріумфомъ П. М. Леонтьева, тѣмъ наиболѣе благодарнымъ поприщемъ, на которомъ всего ярче обнаруживались его и природная энергія мысли, и даръ точнаго, яснаго и занимательнаго изложенія, и пріобрѣтенное имъ въ заграничныхъ университетахъ основательное философское образованіе вмѣстѣ съ обширными свѣдѣніями по реальнымъ предметамъ классической старины, были его лекціи по миѳологіи, теоріи и исторіи античнаго искусства, вообще по римскимъ древностямъ».

Такой отзывъ профессора Г. А. Иванова, ученика и сослуживца Леонтьева, вполнѣ совпадалъ и съ собственными воспоминаніями Владиміра Андреевича, который нерѣдко повторялъ, что «незабвенный Павелъ Михайловичъ производилъ чарующее впечатлѣніе съ университетской каѳедры во время лекцій»,—дважды подтвердилъ свое высокое мнѣніе объ этомъ «дорогомъ учителѣ»—въ первый разъ на чтеніи о немъ въ Лицеѣ 24 марта 1885 года, а второй разъ—въ статьѣ «Опытъ характеристики П. М. Леонтьева» (Лицейскій Кален-

дарь на 1899—1900 г.),—и до конца жизни благоговѣйно чтилъ память своего «лучшаго руководителя».

Дѣйствительно, П. М. Леонтьевъ скоро, при такъ называемыхъ «практическихъ упражненіяхъ въ латинскомъ языкѣ», узналъ дарованія своего юнаго слушателя Грингмута (даже на первомъ году его университетскихъ занятій), высоко оцѣнилъ его научныя познанія и затѣмъ послѣ близкаго знакомства съ нимъ позаботился направить его на научно-педагогическую дорогу въ Москвѣ.

IV.

Начало педагогической дѣятельности Владиміра Андреевича.

Какъ извѣстно, 12 апрѣля 1865 года надъ Россіей разразилось страшное несчастье: во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ и въ блескѣ природныхъ дарованій неожиданно угасъ Наслѣдникъ Русскаго Престола, первенецъ Государя Александра II и Императрицы Маріи Александровны, Цесаревичъ Николай Александровичъ. Подъ впечатлѣніемъ сильнаго горя многіе города пожелали увѣковѣчить память Царственнаго юноши учрежденіемъ стипендій, школъ, пріютовъ и богадѣленъ. Особенно задушевно позаботилась о томъ Москва въ лицѣ извѣстнаго публициста редактора-издателя Московскихъ Вѣдомостей М. Н. Каткова и его друга профессора П. М. Леонтьева: они задумали устроить образцовое учебное заведеніе со строго-классической программой и навѣки соединить его судьбу съ именемъ въ Бозѣ почившаго Наслѣдника подъ названіемъ «Лицей въ память Цесаревича Николая», чтобы учащіеся тамъ и во время своихъ учебныхъ занятій, и въ частной жизни, и въ служебной дѣятельности, навсегда запечатлѣли въ душѣ высокій примѣръ любви къ отечеству и наукѣ, преподанный угасшимъ Царственнымъ Первенцемъ.

Занятый публицистикой и веденіемъ газеты, М. Н. Катковъ не могъ всецѣло отдаться практическому осуществленію задуманнаго предпріятія. Это выпало на долю, главнымъ образомъ, П. М. Леонтьева. Онъ съ обычною своею энергіей выработалъ планъ «примѣрнаго учебнаго заведенія», но, не полагаясь только на себя и своего друга Каткова,—болѣе знакомыхъ съ профессорскою каѳедрою, чѣмъ съ дѣятельностью гимназическихъ учителей, рѣшилъ обсудить уже

написанный уставъ съ опытными педагогами, близко знающими «среднюю школу»; къ числу такихъ лучшихъ экспертовъ Павелъ Михайловичъ причислялъ Андрея Ивановича Грингмута, какъ по отзывамъ директора пансіона Цима, такъ и по разсказамъ своего слушателя Владиміра Андреевича. Поэтому Леонтьевъ еще лѣтомъ 1867 года задумалъ ближе познакомиться съ семьею Грингмутовъ.

По словамъ еще живого свидѣтеля этой первой встрѣчи, «былъ знойный, пыльный іюльскій день, когда къ крыльцу флигеля, гдѣ жилъ Андрей Ивановичъ съ семействомъ, подъѣхалъ плохенькій извозчикъ, и изъ пролетки сошелъ низенькій горбатый господинъ въ фризовой шинели и высокомъ цилиндрѣ. Войдя въ квартиру Грингмутовъ, онъ съ необычайно свѣтлою улыбкою протянулъ свою худую руку съ длинными костлявыми пальцами Андрею Ивановичу и отрекомендовался его «коллегою—профессоромъ Леонтьевымъ». Оба съ большимъ удовольствіемъ познакомились другъ съ другомъ и скоро перешли на длинную бесѣду, сначала по-русски, а затѣмъ по-латыни. Съ первой же встрѣчи разговоръ коснулся главнаго предмета—устройства Лицея, и дебаты между старымъ Бреславльскимъ профессоромъ и русскимъ сравнительно молодымъ ученымъ продолжались до полуночи. Между прочимъ Леонтьевъ намекнулъ, что онъ не прочь пригласить Андрея Ивановича въ директоры новой, «образцовой классической школы», просилъ строго обдумать этотъ важный вопросъ и дать рѣшительный отвѣтъ».

Въ этотъ же пріѣздъ Павелъ Михайловичъ съ радостію встрѣтилъ уже знакомаго своего «вольнаго слушателя» Владиміра Андреевича и впервые познакомился съ его младшимъ братомъ Димитріемъ Андреевичемъ. Среди бесѣды съ отцомъ онъ какъ бы невзначай бросалъ греческія и латинскія фразы, обращаясь къ Владиміру Андреевичу и, къ своей отрадѣ, выслушивалъ отъ него быстрыя, прекрасно составленныя реплики. Разставаясь уже за полночь, Леонтьевъ обѣщалъ снова посѣтить Грингмутовъ въ возможно скоромъ времени.

Съ тѣхъ поръ визиты Леонтьева къ Грингмутамъ дѣлались все чаще и продолжительнѣе, особенно передъ открытіемъ Лицея въ 1868 году. Во время этихъ посѣщеній пунктъ за пунктомъ обсуждался его уставъ и большею частію одобрялся Андреемъ Ивановичемъ, пока собесѣдники не приблизились къ параграфу о лицейскомъ директорѣ. Тутъ, какъ выражается свидѣтель, «нашла коса на камень». По мнѣнію старика Грингмута, «директоръ лицея долженъ быть только административнымъ лицомъ и не числиться среди педагогическаго персонала»; по взгляду же Леонтьева, онъ обязанъ не только управлять заведеніемъ, какъ начальникъ, но и преподавать

одинъ изъ классическихъ языковъ, какъ образцовый педагогъ-практикъ. Въ этомъ вопросѣ оба собесѣдника не пришли къ соглашенію, и Андрей Ивановичъ категорически отказался принять мѣсто директора въ новомъ, любезномъ его сердцу, учебномъ заведеніи, ссылаясь, между прочимъ, на свои немолодые годы и ослабѣвающія силы.

Это несогласіе въ вопросѣ о лицейскомъ директорѣ, однако, не охладило Леонтьева къ старому, опытному филологу и его семьѣ. Онъ попрежнему даже и по открытіи Лицея продолжалъ пріѣзжать къ Грингмутамъ, велъ научныя бесѣды съ отцомъ, интересовался успѣхами его дѣтей, особенно обширными познаніями Владиміра Андреевича въ языковѣдѣніи, и однажды въ разговорѣ назвалъ обоихъ «дорогими молодыми друзьями»; прозваніе это такъ и осталось его любимымъ выраженіемъ по отношенію къ двумъ сыновьямъ Андрея Ивановича.

В. А. Грингмутъ
(младшій туторъ Лицея).

Но недолго П. М. Леонтьеву привелось «услаждаться» бесѣдами со старымъ Грингмутомъ. Переѣхавъ на новую квартиру, въ Девятинскій переулокъ, что у Горбатаго моста, Андрей Ивановичъ заболѣлъ и, скончавшись отъ грудной жабы, 6 сентября 1870 года, нашелъ себѣ могилу на Введенскихъ горахъ.

Можно легко понять, какъ тяжела была эта утрата для всего семейства Грингмутовъ. Умершій отецъ не оставилъ ни пенсіи, такъ какъ училъ въ частныхъ заведеніяхъ, ни скопленнаго капитала, не имѣя возможности что-либо отложить отъ своего скуднаго учительскаго заработка. Безъ всякаго обезпеченія оказались вдова, двое сыновей и двѣ дочери. Оставалась лишь одна надежда на сыновей и въ особенности на старшаго сына—Владиміра Андреевича. Онъ дѣйствительно свято выполнилъ эту миссію, благодаря поддержкѣ, оказанной «другомъ семьи»—Леонтьевымъ *).

*) Такимъ же помощникомъ осиротѣвшей семьѣ явился и второй сынъ Д. А. Грингмутъ, уже тогда зарабатывавшій средства своими уроками музыки.

По совѣту Павла Михайловича, Владиміръ Андреевичъ вышелъ изъ «вольныхъ слушателей» университета, чтобы всецѣло отдаться педагогической дѣятельности, по примѣру отца. Благодаря же Леонтьеву, онъ съ осени 1870 года получилъ мѣсто «младшаго туторскаго помощника» и уроки нѣмецкаго языка въ недавно открытомъ Лицеѣ Цесаревича Николая, тогда помѣщавшемся въ наемномъ домѣ, на Большой Дмитровкѣ,—притомъ съ небольшою, но удобною квартирой, гдѣ кромѣ самого Владиміра Андреевича могли помѣщаться и его родные.

Такъ девятнадцатилѣтній В. А. Грингмутъ началъ свою дѣятельность въ Лицеѣ Цесаревича Николая, какъ воспитатель и учитель.

«Въ это время, — вспоминаетъ одинъ свидѣтель, — прохожій по Большой Дмитровкѣ могъ ежедневно въ поздній часъ видѣть, какъ вдоль темнаго фасада дома Цыплакова (позднѣе Михайлова), гдѣ тогда помѣщался Лицей, свѣтилось лишь одно окно надъ воротами отъ лампы въ кабинетѣ директора Леонтьева. И если кто-нибудь изъ любопытства спрашивалъ у лицейскаго швейцара объ этомъ таинственномъ свѣтѣ, горѣвшемъ постоянно до двухъ часовъ, то получалъ отвѣтъ: это Павелъ Михайловичъ бесѣдуетъ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Леонтьевъ, дѣйствительно, еженочно (такъ какъ днемъ былъ занятъ Университетомъ, администраціею Лицея и Университетскою типографіей) выслушивалъ доклады молодого педагога Грингмута, давалъ совѣты, рѣшалъ недоумѣнія по воспитательской части и почти всегда сводилъ разговоръ на разнообразныя темы по классическому образованію. Это была для начинающаго воспитателя и учителя превосходная педагогическая школа, плоды которой легли въ основу всей дальнѣйшей учебно-воспитательной дѣятельности его въ Лицеѣ».

Уже въ теченіе одного перваго года Владиміръ Андреевичъ заявилъ себя искуснымъ воспитателемъ и, какъ выражается лицейскій лѣтописецъ, проявилъ «блестящія преподавательскія способности». Желая поощрить своего «молодого друга», Павелъ Михайловичъ повысилъ его съ 1871 года на должность «старшаго туторскаго помощника», а еще черезъ годъ выхлопоталъ ему заграничную командировку.

По порученію Леонтьева, въ 1872 году Владиміръ Андреевичъ отправляется въ Германію для ознакомленія съ постановкой преподаванія древнихъ языковъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ и въ то же время, по собственной любознательности, сильно заинтересовывается въ Берлинѣ и Лейпцигѣ изученіемъ египтологіи,—тою любопытною наукой, которая и позже, какъ мы увидимъ, являлась любимымъ

предметомъ его научныхъ занятій. По возвращеніи же изъ заграничнаго путешествія онъ сверхъ письменнаго доклада о своихъ впечатлѣніяхъ, напечатаннаго подъ заглавіемъ: «Двѣ недѣли въ Берлинской Софійской гимназіи» (Календарь Лицея Цесаревича Николая на 1872—1873 учебный годъ, М. 1873 г., отд. II, стран. 93—153), помѣстилъ въ этомъ же изданіи нѣсколько статей о постановкѣ учебно-воспитательной части въ средней школѣ Англіи и Германіи.

Но этого мало. По порученію же Леонтьева, Владиміръ Андреевичъ положилъ не мало труда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на пополненіе фундаментальной библіотеки Лицея книгами и иностранными журналами по классической филологіи; онъ же первый ввелъ образецъ правильнаго веденія каталога для лицейской библіотеки. Наконецъ, при живѣйшемъ же участіи Владиміра Андреевича, тогда устраивались ученическіе спектакли на латинскомъ и греческомъ языкахъ въ старомъ зданіи Лицея (до 1875 г.), что̀ было совершенною новостью въ русской средней школѣ: такъ были поставлены на сцену и разыграны учениками трагедія «Антигона» Софокла (два раза) и отрывки изъ комедіи «Captivi» («Плѣнники») Плавта.

Характеризуя пятилѣтнюю дѣятельность такого энергичнаго педагога (1870—1875 гг.), лицейскій лѣтописецъ говоритъ: «Владиміръ Андреевичъ, поступившій въ Лицей девятнадцатилѣтнимъ юношей, со всѣмъ пыломъ молодости отдается горячо любимому дѣлу преподаванія... Вездѣ онъ вноситъ присущую ему бодрость, жизнерадостность и любовь къ работѣ, которыя невольно передаются и дѣтямъ. Въ небольшіе сравнительно промежутки свободнаго отъ служебныхъ обязанностей времени Владиміръ Андреевичъ съ жаромъ работаетъ надъ своимъ самообразованіемъ въ различныхъ отрасляхъ знанія; днемъ, конечно, приходилось ему работать для себя мало, но ночью, когда вся жизнь въ Лицеѣ затихала, юный туторъ очень долго занимался въ своей комнатѣ любимыми предметами...»

Такія занятія, прибавимъ мы, завершились еще новымъ успѣхомъ: весною 1874 года Владиміръ Андреевичъ отлично выдержалъ экзамены въ Испытательномъ Комитетѣ Московскаго учебнаго округа и получилъ дипломъ на званіе учителя по классическимъ языкамъ. Чрезъ это онъ получилъ право преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и съ той же поры могъ расширить область своей педагогической дѣятельности.

И дѣйствительно, только что удостоенный преподавательскаго званія, Владиміръ Андреевичъ, съ осени того же 1874 года, кромѣ Лицея (гдѣ онъ былъ утвержденъ на службѣ 23 декабря того же года), поступаетъ учителемъ въ знаменитую и пока единственную

по своей организаціи школу—въ женскую классическую гимназію С. Н. Фишеръ. Здѣсь ему выпало на долю преподавать греческій языкъ въ теченіе почти двухъ десятковъ лѣтъ (1874—1882, 1883—1892, 1893—1894 гг.) и нѣмецкую словесность въ продолженіе ровно десяти годовъ (1883—1892 гг.). Благодаря необыкновенно успѣшному преподаванію и особенно усерднымъ занятіямъ ученицъ, молодому педагогу-классику удалось уже черезъ пять лѣтъ увидѣть отрадные плоды своего учительства. Это выразилось не только на первомъ «испытаніи зрѣлости» юныхъ классичекъ, но также и при первомъ выступленіи ихъ на школьномъ спектаклѣ 20 мая 1879 года, когда онѣ блестяще исполнили на греческомъ языкѣ Антигону Софокла. «Постановка этой пьесы,—говоритъ одно освѣдомленное лицо, — принадлежала завѣщанному школѣ П. М. Леонтьевымъ преподавателю В. А. Грингмуту: онъ въ 1879 году эту пьесу читалъ съ воспитанницами и настолько успѣлъ увлечь ихъ красотами Софокла, что къ концу учебнаго года онѣ безъ всякаго труда изучили всю пьесу» (см. Историческую Записку о 40-лѣтіи женск. классическ. гимназіи С. Н. Фишеръ, М. 1912 г., стр. 59—60). Спустя пятнадцать лѣтъ, 18 февраля 1894 года, точно также весьма удачно была поставлена Грингмутомъ трагедія Эврипида Ифигенія въ Авлидѣ, тоже исполненная его ученицами на греческомъ языкѣ, при чемъ главную роль Ифигеніи искусно играла дочь Владиміра Андреевича, Л. В. Грингмутъ (тамъ же, стр. 63—64). Самъ же Владиміръ Андреевичъ и въ изустныхъ бесѣдахъ, и въ собственномъ «Дневникѣ», не разъ выражался, что, при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, съ большимъ удовольствіемъ велъ уроки въ гимназіи С. Н. Фишеръ. «Тамъ,—говорилъ и писалъ онъ,—я почти не напрягаю своихъ силъ, а скорѣе, отдыхаю и часто восторгаюсь, слушая отличные отвѣты моихъ ученицъ».

Женская классическая гимназія
С. Н. Фишеръ.

Вотъ почему и позже, даже по прекращенiи своего преподаванiя въ этой любимой имъ гимназiи, Владимiръ Андреевичъ всегда интересовался успѣхами ея воспитанницъ, присутствовалъ на годичныхъ актахъ и, наконецъ, рельефно выразилъ свои чувства и мысли по поводу двадцатипятилѣтiя такой школы (1 сентября 1897 года) въ большой статьѣ, подъ заглавiемъ: «Праздникъ женскаго сердца и ума» (Московскiя Вѣдомости 1897 г., № 240). «Въ исторiи классицизма въ Россiи,—заключалъ онъ,—гимназiя С. Н. Фишеръ сыграла, несомнѣнно, выдающуюся роль, за которую ей должны быть глубоко благодарны всѣ радѣтели объ истинномъ научномъ просвѣщенiи Россiи»...

V.

Принятiе православiя Владимiромъ Андреевичемъ, его переходъ въ русское подданство и женитьба.

Весною 1875 года, наканунѣ Благовѣщенiя, неожиданно скончался Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ. Въ его лицѣ недавно возникшiй Лицей терялъ своего основателя и перваго директора, а молодой педагогъ Грингмутъ—своего опытнаго руководителя, замѣнявшаго ему дорогого отца. Опуская его прахъ въ могилу Алексѣевскаго монастыря, Владимiръ Андреевичъ невольно долженъ былъ задуматься надъ судьбою и близкаго ему учебнаго заведенiя, и передъ собственнымъ туманнымъ будущимъ иностранца-протестанта.

Къ счастiю, скоро передъ нимъ открылась свѣтлая, желанная дорога.

По словамъ одного изъ свѣдущихъ лицъ, «когда 24 марта 1875 года преждевременная смерть лишила Лицей своего вдохновителя и руководителя П. М. Леонтьева, то М. Н. Катковъ, посвящавшiй большую часть своего времени газетной и журнальной работѣ и вслѣдствiе этого не имѣвшiй возможности слишкомъ подробно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ осиротѣломъ Лицеѣ, вполнѣ естественно между старшими дѣятелями Лицея, какъ напримѣръ Г. А. Ивановъ, К. Н. Станишевъ, П. П. Пѣвницкiй и др., остановилъ свое особенное вниманiе на Владимiрѣ Андреевичѣ Грингмутѣ, такъ блестяще зарекомендовавшемъ себя при П. М. Леонтьевѣ. Благодаря своимъ выдающимся заслугамъ Владимiръ Андреевичъ сравнительно скоро былъ удостоенъ почетной должности въ Лицеѣ, званiя старшаго учителя».

Предъ этимъ быстрымъ повышеніемъ, однако, совершились въ жизни и дѣятельности Владиміра Андреевича еще три важныя событія, имѣвшія для него и свои глубокія послѣдствія.

Первымъ изъ такихъ событій явилось вступленіе молодого педагога въ тихую семейную жизнь: 2 іюля 1875 года, въ церкви св. Георгія Побѣдоносца, что́ на Всполье (близъ Малой Никитской улицы), гдѣ настоятельствовалъ законоучитель лицея—протоіерей Д. В. Разумовскій, онъ былъ обвѣнчанъ съ дворянкою Рязанской губерніи, Любовью Дмитріевной Зміевой. Въ лицѣ своей молодой супруги Владиміръ Андреевичъ пріобрѣлъ, по его собственному выраженію, «незамѣнимую подругу жизни». Это было необыкновенно доброе существо, готовое на всякое самопожертвованіе ради нѣжно-любимаго и высоко-цѣнимаго ею мужа. Она скоро и доказала это однимъ своимъ выдающимся поступкомъ. «Послѣ свадьбы,—такъ передавало намъ одно достовѣрное лицо,—молодые супруги уѣхали изъ Москвы съ двумя лицеистами во Владимірскую губернію, гдѣ для нихъ на лѣто былъ нанятъ въ деревнѣ небольшой домикъ въ 25 верстахъ отъ Владиміра. Скоро по прибытіи туда Владиміръ Андреевичъ неожиданно захворалъ воспаленіемъ легкихъ. Стояла рабочая пора, такъ называемая страда. Всѣ тамошніе крестьяне со своими лошадьми были въ полѣ днемъ и ночью. Между тѣмъ до врачебнаго пункта, гдѣ пребывалъ земскій докторъ, считалось десять верстъ. Не имѣя возможности ни послать кого-либо изъ окрестныхъ крестьянъ, ни отправиться самой на какой-нибудь подводѣ, Любовь Дмитріевна рѣшается оставить больного на попеченіе привезенной ею прислуги, а сама въ знойную лѣтнюю пору пѣшкомъ идетъ вмѣстѣ съ однимъ изъ лицеистовъ десятиверстное разстояніе проселочною дорогой, горячо убѣждаетъ врача тотчасъ же отправиться съ лѣкарствами на помощь заболѣвшему мужу—и тѣмъ спасаетъ жизнь Владиміру Андреевичу...» Но—прибавимъ мы—она и позже, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, являлась для своего дорогого мужа истиннымъ «ангеломъ-хранителемъ».

Спустя годъ, послѣ женитьбы совершилось второе важное событіе въ жизни Владиміра Андреевича—его переходъ въ русское подданство. Какъ внимательный наблюдатель и чуткій человѣкъ, Владиміръ Андреевичъ ясно понималъ, что и по мѣсту своего рожденія, и по характеру обстановки, которая окружала его съ колыбели, и—наконецъ—по дѣятельности въ русскомъ учебномъ заведеніи, онъ очень далекъ отъ родины предковъ—Силезіи и, напротивъ, ближе примыкаетъ къ Россіи, съ которою его роднятъ и внутреннія политическія убѣжденія. Вотъ почему онъ, безъ долгихъ колебаній и сомнѣній, 9 іюля 1876 года подписалъ «актъ» о своемъ присоединеніи

къ «гражданамъ Россійской Имперіи» и, какъ увидимъ, дальнѣйшею своею политическою дѣятельностью рельефно подкрѣпилъ искренность такого важнаго перехода, чтобы стать—по его выраженію—«полноправнымъ русскимъ человѣкомъ»*).

Наконецъ, черезъ два года послѣ описаннаго, въ жизни Владиміра Андреевича произошло еще болѣе важное событіе—принятіе имъ православія. Оно совершилось при весьма знаменательныхъ обстоятельствахъ.

В. А. Грингмутъ (въ 1875 г.).

По словамъ протоіерея I. И. Соловьева, Владиміръ Андреевичъ, еще будучи протестантомъ, какъ житель Москвы, постоянно вращавшійся и дѣйствовавшій на избранномъ и излюбленномъ имъ педагогическомъ поприщѣ въ православно-русской средѣ, какъ въ Лицеѣ, такъ и среди учениковъ своихъ въ частныхъ домахъ, съ дѣтства хорошо зналъ православіе съ его, разумѣется, внѣшней, обрядовой стороны; особенно же много способствовала ему въ этомъ сначала невѣста, а потомъ жена его—Любовь Дмитріевна, искренно и сердечно религіозная, православно-русская женщина, вмѣстѣ съ которой Владиміръ Андреевичъ въ воскресные и праздничные дни любилъ ходить въ православную церковь...

Въ половинѣ 1878 года молодые супруги были въ городѣ (т.-е. въ городскихъ торговыхъ рядахъ) за разными покупками и на возвратномъ пути, по желанію Любови Дмитріевны, зашли въ часовню Иверской иконы Божіей Матери. Любовь Дмитріевна горячо молилась во время совершенія молебна. «Какъ стрѣлой кольнуло совѣсть мою помимо воли моей возникшее и всколыхнувшее всѣ мысли и чувства мои сознаніе того, что я протестантъ и, какъ протестантъ, даже, такъ сказать, права не имѣю молиться такъ, какъ

*) Впослѣдствіи В. А. Грингмутъ получилъ потомственное дворянство и числился въ спискахъ Московскихъ дворянъ.

молится она; я, всѣмъ сердцемъ переживавшій всѣ страхи, опасенія и упованія жены, подъ давленіемъ этого сознанія, по окончаніи молебна вышелъ изъ часовни и былъ весь этотъ день самъ, что̀ называется, не свой»,—такъ приблизительно разсказывалъ объ этомъ о. Соловьеву самъ Владиміръ Андреевичъ.

«Видѣнное имъ,—продолжаетъ о. протоіерей,—въ эту ночь сновидѣніе еще болѣе усилило возбужденное въ немъ тѣмъ сознаніемъ настроеніе неудовлетворенности, недоумѣнія, нерѣшимости и т. п. Въ этомъ настроеніи онъ явился на уроки въ Лицей, и первый, кого онъ встрѣтилъ здѣсь, былъ тогдашній старшій надзиратель Иванъ Александровичъ Миловановъ. Поздоровавшись съ Владиміромъ Андреевичемъ и ничего не зная о разсказанномъ выше, онъ сказалъ: «Странный сонъ видѣлъ я сегодня, будто вы рѣшились принять православіе и просить меня быть крестнымъ отцомъ вашимъ и вообще руководителемъ или лучше распорядителемъ въ этомъ дѣлѣ». Какъ громомъ поразили меня,—передавалъ Владиміръ Андреевичъ,—слова эти, потому что точно такой же именно сонъ видѣлъ и я, засыпавшій съ мыслію о принятіи православія и недоумѣніями о томъ, какъ же устроить это дѣло... Принявъ все это—и случай въ часовнѣ, и совпаденіе сновидѣній—за указаніе Свыше, я тутъ же, безъ всякихъ колебаній, рѣшилъ волновавшій меня вопросъ и, спустя двѣ или три недѣли, я присоединенъ былъ къ православной церкви чрезъ таинство мѵропомазанія въ день своихъ именинъ, 15 іюля 1878 года, въ Георгіевскомъ на Вспольѣ храмѣ, о. протоіереемъ Дмитріемъ Васильевичемъ Разумовскимъ (бывшимъ тогда законоучителемъ Лицея).»

«Таковы,—заключаетъ о. Соловьевъ,—почти подлинныя слова самого Владиміра Андреевича о принятіи имъ православія; достовѣрность ихъ могутъ подтвердить и Любовь Дмитріевна, и здравствующій еще И. А. Миловановъ; цифровыя данныя можно провѣрить записями метрическихъ книгъ; значеніе же ихъ въ смыслѣ характеристики сознательной искренности православно-религіозныхъ убѣжденій Владиміра Андреевича можетъ уяснить себѣ каждый и самъ...»

VI.

Владиміръ Андреевичъ—преподаватель Лицея.

Уже семьяниномъ, русскимъ подданнымъ и сыномъ Православной Церкви, Владиміръ Андреевичъ принялъ съ 1879 года должность старшаго учителя въ Лицеѣ Цесаревича Николая, а также, кромѣ женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ (какъ указано выше), мѣсто преподавателя въ музыкально-драматическомъ училищѣ Филармоническаго Общества, гдѣ читалъ лекціи по эстетикѣ. Ему едва исполнилось 28 лѣтъ, и онъ попрежнему поражалъ всѣхъ своею кипучею энергіей.

В. А. Грингмутъ
(преподаватель Лицея).

Объ этой порѣ учительской дѣятельности Грингмута, его сослуживецъ В. В. Глазковъ написалъ подробную и интересную характеристику, изъ которой мы и приводимъ самыя рельефныя черты.

«Судя по живымъ воспоминаніямъ бывшихъ учениковъ Владиміра Андреевича, онъ былъ истиннымъ мастеромъ своего дѣла: въ его живомъ преподаваніи такой скучный, по мнѣнію большинства учениковъ и нѣкоторыхъ даже родителей, предметъ, какъ греческій языкъ, становился живымъ и одухотвореннымъ. Формы греческаго языка, столь разнообразныя и трудно поддающіяся воспріятію учениковъ, подъ мастерскимъ руководствомъ Владиміра Андреевича выступали, какъ живыя и не менѣе близкія, чѣмъ формы родного языка. Когда же доходило дѣло до чтенія греческаго писателя, то ученики, подъ волшебнымъ мановеніемъ своего талантливаго учителя, казалось, перевоплощали въ себѣ личность автора, произведенія котораго разбирались въ классѣ: читался ли Анабазисъ Ксенофонта, ученики вмѣстѣ со своимъ учителемъ переживали и радость, и горе легкомысленныхъ грековъ, увлеченныхъ въ далекую страну жаждой наживы и разнообразныхъ приключеній; предъ очами учениковъ воз-

ставали, какъ живые, и обаятельный по своему великодушію Киръ, и суровый, но любящій простыхъ солдатъ Клеархъ, добрый, мягкосердечный Проксенъ, и льстивый, коварный Менонъ и многіе другіе.

«Когда же наступало время чтенія Гомера, и ученики, легко освоившись, подъ руководствомъ В. А. Грингмута, съ трудной на первыхъ порахъ техникой іонійскаго діалекта и обиліемъ новыхъ для нихъ словъ, привыкали болѣе или менѣе бѣгло читать греческій текстъ древняго поэта,—какіе широкіе горизонты раскрывались предъ умственнымъ взоромъ учащихся, когда на ихъ глазахъ выступали со всѣми присущими имъ достоинствами и недостатками герои этой славной эпопеи! При талантливой декламаціи наставника, ученикамъ воистину слышались «божественные звуки эллинской рѣчи»; предъ ними, какъ живая, проходила галлерея вѣчно юныхъ, не умирающихъ древнихъ греческихъ царей и вождей... А когда ученики приступали къ чтенію Воспоминаній Ксенофонта о дорогомъ для него учителѣ Сократѣ,—сколько нравственныхъ уроковъ, въ простыхъ задушевныхъ бесѣдахъ древняго мудреца Эллады, почерпали ученики Владиміра Андреевича, который вдохновеннымъ словомъ своихъ объясненій умѣлъ соединять уроки прошлаго съ текущимъ настоящимъ... Можно безъ преувеличенія сказать, что ученики Владиміра Андреевича съ его уроковъ выходили не менѣе пропитанными нравственными принципами, чѣмъ ученики старца Сократа послѣ его бесѣдъ.

«Чтеніе Апологіи Сократа и діалога Критонъ (иногда и отрывковъ изъ Федона), подъ мастерскимъ руководствомъ Владиміра Андреевича, окончательно, можно сказать, на всю жизнь запечатлѣвало въ юныхъ сердцахъ учениковъ безхитростный образъ высоконравственнаго учителя эллинскаго міра. При чтеніи Одиссеи снова юные ученики Владиміра Андреевича, подъ его руководствомъ, переживали доисторическій періодъ эллинской жизни, ознакомясь съ ея внутреннимъ бытомъ. Неподражаемой высоты достигало преподаваніе Владиміра Андреевича въ VIII классѣ Лицея, гдѣ онъ прочитывалъ одну изъ трагедій Софокла, нѣсколько рѣчей Демосѳена и отрывки изъ исторіи Ѳукидида: здѣсь въ полномъ смыслѣ заканчивалъ Владиміръ Андреевичъ эстетическое и патріотическое развитіе своихъ учениковъ и выпускалъ ихъ на арену жизни подготовленными во всеоружіи на борьбу со всѣмъ темнымъ и невѣжественнымъ, что имъ можетъ встрѣтиться среди бурныхъ волнъ моря житейскаго»...

Еще живѣе, говоритъ г. Глазковъ, проходили уроки нѣмецкаго языка Владиміра Андреевича въ старшихъ классахъ Лицея. Для чтенія въ классѣ Владиміръ Андреевичъ обыкновенно выбиралъ или

одну изъ трагедій Шиллера (большею частію Wallenstein's Tod или Piccolomini), или разсужденіе Лессинга Laokoon. При чтеніи трагедіи Шиллера, подъ руководствомъ В. А. Грингмута, предъ глазами учениковъ, словно живыя возставали и лица, окружающія Валленштейна, и самъ несчастный герой, пропитанный, съ одной стороны, великимъ высокомѣріемъ, а съ другой стороны, весь находившійся во власти личнаго суевѣрія и ловкихъ людей, умѣвшихъ играть на слабыхъ струнахъ его сердца.

Владиміръ Андреевичъ среди лицеистовъ.

Силѣ и рельефности впечатлѣнія особенно помогало выразительное, высокохудожественное чтеніе самимъ преподавателемъ особенно выдающихся мѣстъ трагедіи. Много лѣтъ спустя по выходѣ изъ школы, бывшіе ученики Владиміра Андреевича неоднократно въ своихъ задушевныхъ бесѣдахъ вспоминали его, можно сказать, «огненное» чтеніе наиболѣе патетическихъ сценъ. Но особенно счастливы были тѣ ученики, которые имѣли случай читать въ классѣ вышеупомянутое сочиненіе Лессинга: здѣсь они не просто переводили текстъ нѣмецкаго автора; нѣтъ, они проходили цѣлый курсъ эстетики: не говоря уже о весьма цѣнныхъ и доселѣ имѣющихъ значеніе указаній самого автора, ученики изъ живыхъ бесѣдъ наставника, который самъ былъ человѣкомъ, въ высшей степени понимающимъ эстетику, пропиты-

вались такими высокими идеями, которыя ихъ дѣлали неуязвимыми противъ тлетворныхъ вліяній улицы и безсмысленной декадентщины. Воистину Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ воспитывалъ цѣлыя поколѣнія лицеистовъ, которыхъ не могла затронуть грязь «новой поэзіи...»

Таковъ былъ В. А. Грингмутъ, какъ преподаватель греческаго и нѣмецкаго языковъ: на ряду съ сообщеніемъ знаній того матеріала, который требуется по программѣ, онъ умѣлъ возбуждать въ ученикахъ и общіе, высокіе интересы.

Но, прибавляетъ тотъ же повѣствователь, очеркъ дѣятельности Грингмута, какъ педагога, былъ бы далеко не полонъ, если бы мы ограничились только вышесказаннымъ: Владиміръ Андреевичъ умѣлъ будить высокіе художественные интересы не только среди учениковъ своего класса, но въ извѣстные моменты жизни заведенія— и среди всѣхъ лицеистовъ.

Уже въ первый періодъ своей дѣятельности, во время директорства П. М. Леонтьева, В. А. Грингмутъ заявилъ себя, какъ мы видѣли выше, талантливымъ спеціалистомъ въ постановкѣ ученическихъ спектаклей на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Въ новомъ зданіи Лицея (съ 1875 г.) Владиміръ Андреевичъ развернулъ эту свою способность во всей широтѣ и полнотѣ: подъ его руководствомъ греческіе спектакли учениковъ Лицея снискали себѣ извѣстность не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ Россіи, напримѣръ, особенно блестящая постановка на сценѣ Лицея трагедіи Софокла Ф и л о к т е т ъ (1891 года).

Однако, прибавляетъ г. Глазковъ, широкій эстетическій интересъ В. А. Грингмута не могъ помириться съ узкою сферой ученическихъ спекталей на классическихъ языкахъ: онъ открылъ новую струю источника интересовъ для учащихся и въ этомъ отношеніи далеко поопередилъ начинанія другихъ среднихъ учебныхъ заведеній; онъ положилъ начало чтеній, посвященныхъ памяти дѣятелей русской школы (напримѣръ, его собственное чтеніе о П. М. Леонтьевѣ 24 марта 1885 года), и литературныхъ вечеровъ въ честь нашихъ корифеевъ поэзіи. Обыкновенно, послѣ очерка литературной дѣятельности поэта, составлявшагося однимъ изъ наставниковъ Лицея, исполнялись произведенія того же поэта учениками, по возможности, всѣхъ классовъ Лицея. Первый опытъ этихъ литературныхъ вечеровъ былъ посвященъ памяти графа А. К. Толстого и затѣмъ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, были устроены литературные вечера въ честь Фонвизина, Крылова, Пушкина, Лермонтова и др. Этотъ добрый починъ Владиміра Андреевича, обратившійся въ одну изъ завѣтныхъ традицій Лицея, исполняется неуклонно и до сихъ поръ въ томъ же учебномъ заведеніи.

Въ устройствѣ всѣхъ этихъ спектаклей и литературныхъ чтеній В. А. Грингмутъ не бралъ на себя легкой задачи—«приказать и распорядиться», чтобы подвѣдомственныя лица исполнили его предначертанія; нѣтъ; онъ самъ исполнялъ всю «черную» работу. Г. Глазкову живо вспоминается, какіе непосильные труды бралъ на себя Грингмутъ при постановкѣ греческихъ спектаклей: не говоря объ инсценировкѣ спектакля, Владиміръ Андреевичъ съ каждымъ персонажемъ терпѣливо проходилъ его роль во всѣхъ подробностяхъ, какъ въ отношеніи читки, такъ и жестикуляціи, такъ что каждый исполнитель, можно сказать, съ голоса Владиміра Андреевича разучивалъ и усваивалъ свою роль. То же нужно сказать и о литературныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ при Владимірѣ Андреевичѣ: онъ не ограничивался

Владиміръ Андреевичъ среди сослуживцевъ по Лицею.

тщательною работою туторовъ, которую они предварительно производили съ своими учениками надъ назначенными имъ произведеніями; нѣтъ, онъ своей живой декламаціей, съ которой исполнялъ избранныя стихотворенія, давалъ руководящія цѣнныя указанія не только для учениковъ, но и для самихъ туторовъ...

«Такъ,—по заключенію г. Глазкова,—сыпалъ щедрою рукою данные отъ Бога таланты Грингмутъ на благо не только учениковъ, но и самихъ учителей, особенно младшихъ сослуживцевъ, которые полу-

чили образованіе въ Лицеѣ, а иные были даже учениками самого Владиміра Андреевича».

Но не одною дѣятельностью блестящаго педагога сослужилъ великую службу Лицею В. А. Грингмутъ: въ тяжелую годину исторіи Лицея, когда послѣ смерти М. Н. Каткова въ 1887 году поднимался въ высшихъ сферахъ вопросъ о томъ, быть или не быть этому заведенію, онъ вмѣстѣ съ директоромъ К. Н. Станишевымъ мужественно выступилъ на защиту дорогой для него школы и доблестно отстоялъ ея существованіе съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей постановки учебно-воспитательнаго дѣла.

Точно также, немного позже, В. А. Грингмутъ, какъ опытный педагогъ, былъ приглашенъ въ особую комиссію по пересмотру учебныхъ плановъ и программъ преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ, а также по выработкѣ новыхъ правилъ объ испытаніяхъ учениковъ этихъ заведеній. Здѣсь его богатыя научныя знанія и большой учительскій навыкъ имѣли важное значеніе, такъ что за эти особые труды, 6 іюня 1891 года, ему было объявлено Высочайшее благоволеніе Государя Императора Александра III.

VII.

Владиміръ Андреевичъ — директоръ Императорскаго Лицея.

Почти пятнадцатилѣтняя служба Владиміра Андреевича въ должности старшаго лицейскаго учителя, съ 1 января 1894 года, была вознаграждена назначеніемъ его на мѣсто директора Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Казалось бы, такое высокое положеніе могло освободить его отъ нѣсколькихъ мелкихъ заботъ и прежнихъ многочасовыхъ учительскихъ занятій. Но не таковъ былъ закаленный и энергичный характеръ новаго директора: онъ положительно входилъ во всѣ стороны лицейской жизни и въ каждую даже, повидимому, ничтожную область заведенія вносилъ то или иное свое многоопытное знаніе.

Дѣятельность Грингмута, какъ директора, по выраженію В. В. Глазкова, въ полномъ смыслѣ слова явилась созидательной; время его директорства было эпохой приведенія въ стройный порядокъ всѣхъ

тѣхъ цѣлесообразныхъ педагогическихъ мѣръ, которыя постепенно вводились до него и успѣли уже принести хорошіе плоды.

В. А. Грингмутъ задался мыслью кодифицировать и закрѣпить для руководства будущимъ дѣятелямъ Лицея тѣ традиціи, которыя, составляя жизненный нервъ своеобразной жизни Лицея, должны преемственно передаваться въ неприкосновенной чистотѣ послѣдующимъ работникамъ на поприщѣ воспитанія молодыхъ поколѣній лицеистовъ.

Лицей въ память Цесаревича Николая.

Руководясь такими цѣлями, Владиміръ Андреевичъ, по словамъ того же повѣствователя, прежде всего возобновилъ изданіе «Лицейскаго Календаря», начатаго во время директорства П. М. Леонтьева, вышедшаго четырьмя книжками за 1869—1873 учебные годы и затѣмъ прекратившагося незадолго до его смерти.

Теперь, вѣрный «лицейскимъ традиціямъ», и своему дорогому руководителю, новый директоръ, уже черезъ два мѣсяца по вступленіи въ должность (16 марта 1894 г.), одобряетъ планъ возрождающагося «Календаря», самъ становится его редакторомъ и 24-го сентября того же года выпускаетъ книжку «на 1894—1895 годъ». На личномъ примѣрѣ онъ показалъ, какъ нужно вести это дѣло, продолжающееся и до нынѣшняго дня; онъ же былъ на первыхъ порахъ или авторомъ,

или вдохновителемъ педагогическихъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ.

Затѣмъ при Владимірѣ Андреевичѣ было установлено, чтобы на торжественныхъ актахъ Лицея, въ годовщину основанія заведенія, преподавателями произносились рѣчи на учебно-воспитательныя темы. Благой починъ и въ этомъ дѣлѣ сдѣлалъ самъ новый директоръ: на актѣ 4 декабря 1894 года онъ выступилъ съ рѣчью о томъ: «Чего въ правѣ требовать университетъ отъ гимназіи?» Этимъ Грингмутъ положилъ начало тѣмъ рѣчамъ, которыя и теперь раздаются на торжественныхъ лицейскихъ праздникахъ.

Также во время директорства Владиміра Андреевича, сообщаетъ г. Глазковъ, была учреждена въ Лицеѣ «педагогическая комиссія», которая «имѣетъ цѣлію разработку статей по учебно-воспитательной части, обмѣнъ педагогическаго опыта, болѣе близкое и разностороннее знакомство съ учениками лицъ учебнаго и воспитательскаго персонала, а также объединеніе дѣятельности главныхъ надзирателей и туторовъ» (§ 1 Положенія объ этой комиссіи). Своимъ живымъ примѣромъ беззавѣтной преданности горячо любимому дѣлу онъ сумѣлъ вдохнуть и всѣмъ сотрудникамъ бодрую энергію и вѣру въ осуществленіе высокихъ задачъ этой комиссіи. Въ засѣданіяхъ ея выработаны были слѣдующія положенія, которыя затѣмъ легли въ основу лицейской жизни: а) пересмотрѣны, со внесеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій, программы учебныхъ предметовъ во всѣхъ классахъ Лицея, при чемъ занятія новыми языками включены въ расписаніе денныхъ уроковъ, тогда какъ прежде они производились по вечерамъ; б) разработана въ деталяхъ инструкція туторамъ; в) выработаны правила о библіотекахъ, испытаніяхъ зрѣлости и о поведеніи учениковъ гимназическаго и университетскаго отдѣленій Лицея; г) установлены, съ надлежащей мотивировкой, традиціи Лицея по воспитательной, учебной и учебно-воспитательной частямъ; эти традиціи должны вѣчно напоминать всѣмъ дѣятелямъ Лицея о главныхъ устояхъ лицейской жизни, какъ, напримѣръ: школьная жизнь Лицея находится въ тѣсномъ единеніи съ Церковью; воспитаніе должно быть по возможности индивидуальнымъ; въ пансіонской жизни должны по возможности преобладать начала семейной жизни; на игры воспитанниковъ должно быть обращено особое вниманіе, какъ на важное педагогическое средство; туторская служба должна лежать въ основѣ всего учебно-воспитательнаго дѣла и др. (Подробнѣе о традиціяхъ см. въ «Календарѣ Лицея» 1894—1895 г., сер. II, кн. 1, ч. I, стран. 216—218).

Но, продолжаетъ г. Глазковъ, и этой разнообразной работы на благо Лицея было вообще мало для В. А. Грингмута. Дорожа крѣпкою связью, которая должна тѣсными узами объединять всѣхъ лицъ, кончив-

шихъ курсъ въ Лицеѣ, Владиміръ Андреевичъ явился горячимъ поборникомъ возникшаго, по его иниціативѣ, Общества бывшихъ воспитанниковъ Лицея; со свойственной ему кипучей энергіей онъ принималъ живое участіе въ засѣданіяхъ, посвященныхъ разработкѣ устава этого Общества, и не мало трудовъ положилъ онъ на осуществленіе этого добраго дѣла, продолжающаго и теперь благотворно процвѣтать подъ кровомъ Лицея. Также горячо радѣя о пользѣ своихъ сослуживцевъ, людей небогатыхъ, лишенныхъ, въ случаѣ нужды, возможности найти матеріальную поддержку, Владиміръ Андреевичъ съ жаромъ ухватился за предложенную нѣкоторыми изъ нихъ идею учрежденія ссудо-сберегательной кассы для лицъ, служащихъ въ Лицеѣ: работа, подъ руководствомъ Владиміра Андреевича, закипѣла, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ выработанъ и посланъ на утвержденіе подлежащаго начальства уставъ учрежденія, которое существуетъ и до сихъ поръ, не мало принося облегченія и поддержки лицейскимъ служащимъ, въ трудныя минуты ихъ жизни.

Этотъ подробный разсказъ о заботливой дѣятельности В. А. Грингмута въ должности директора Лицея В. В. Глазковъ заключаетъ необыкновенно привлекательною его характеристикою. «Можно съ увѣренностію сказать,—пишетъ онъ,—что рѣдкій наставникъ такъ горѣлъ душой о благѣ своихъ питомцевъ, рѣдкій начальникъ такъ горячо принималъ къ сердцу интересы, какъ служебные, такъ и личные, своихъ сотрудниковъ».

Въ отношеніяхъ Владиміра Андреевича къ людямъ,—по словамъ его,—всегда проглядывала такая простота, задушевность и горячее желаніе сдѣлать каждому добро, что у всякаго человѣка, имѣвшаго дѣло съ нимъ, на ряду съ глубокою симпатіею зарождалось и крѣпло въ душѣ чувство какого-то благоговѣнія предъ этой высокой личностію и опасенія огорчить его чѣмъ-нибудь или оказаться недостойнымъ его добраго расположенія.

Обаятельная ласковость Владиміра Андреевича,—говоритъ В. В. Глазковъ,—безъ всякихъ мѣръ взысканія съ его стороны, вызывали въ ученикахъ добросовѣстность въ занятіяхъ не изъ страха получить плохую отмѣтку, а изъ нежеланія уронить себя въ глазахъ любимаго наставника. На урокахъ Владиміра Андреевича, одухотворенныхъ его творческимъ талантомъ, учащимся было не до шалостей: не только шалить, но даже быть невнимательнымъ на урокахъ Грингмута было грѣхомъ для ученика; считалось преступленіемъ не готовить уроковъ любимому учителю, и нерадивому ученику самому было совѣстно предъ Владиміромъ Андреевичемъ и своими товарищами. «Однимъ словомъ, отношенія у Владиміра Андреевича къ ученикамъ напоминали семью, всѣ члены которой искренно относятся другъ къ другу,

гдѣ старшій проникнутъ горячимъ желаніемъ словомъ и дѣломъ приносить пользу младшимъ членамъ семьи, а эти послѣдніе платятъ ему искренней любовью и съ открытой душой идутъ къ нему со своими сокровенными недоумѣніями и тревогами...»

По воспоминаніямъ того же лицейскаго старожила, дружеское сердечное отношеніе къ ученикамъ осталось у В. А. Грингмута и тогда, когда онъ сталъ директоромъ Лицея: воспитанники въ немъ попрежнему видѣли не высшаго начальника, а сердечнаго педагога, отъ котораго каждый или получалъ исполненіе своей просьбы, или послѣ задушевной бесѣды самъ признавалъ неосновательность своего ходатайства. Осуществляя на личномъ примѣрѣ сердечность взаимныхъ отношеній между учениками и наставниками, Владиміръ Андреевичъ много способствовалъ упроченію взаимной близости семьи и школы: и самъ онъ постоянно входилъ въ непосредственныя отношенія съ родителями учениковъ Лицея, и особенно поощрялъ посѣщенія туторами своихъ приходящихъ учениковъ на ихъ квартирахъ: изъ бесѣдъ съ родителями о прошломъ въ жизни ученика, о его интересахъ въ настоящемъ, о его физическомъ здоровьѣ и состояніи умственныхъ способностей туторы могли почерпать для себя весьма цѣнныя указанія. Бесѣды съ родителями служили прекраснымъ матеріаломъ для характеристики учащихся, а эти характеристики, прочитываемыя на засѣданіяхъ конференціи, являлись полезнымъ пособіемъ для уясненія наставниками индивидуальныхъ особенностей каждаго изъ учениковъ и приносили большую пользу относительно правильной постановки учебнаго дѣла. «Такимъ образомъ,—основательно замѣчаетъ г. Глазковъ,—Владиміръ Андреевичъ, какъ талантливый педагогъ и сердечный человѣкъ, широко осуществилъ въ Лицеѣ сердечность отношеній между семьей и школой за много лѣтъ до того, какъ этотъ вопросъ сталъ серіознымъ предметомъ обсужденій въ другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Не менѣе привлекательными В. В. Глазковъ рисуетъ отношенія директора Грингмута къ своимъ сослуживцамъ. «Владиміръ Андреевичъ,—вспоминаетъ онъ,—былъ не суровымъ, требовательнымъ начальникомъ, а старшимъ товарищемъ-руководителемъ, всегда идущимъ навстрѣчу запросамъ и нуждамъ своихъ сотрудниковъ. Будучи самъ талантливымъ педагогомъ, онъ служилъ живымъ поучительнымъ примѣромъ для начинающихъ молодыхъ туторовъ Лицея. Нужно было видѣть, съ какимъ воодушевленіемъ Владиміръ Андреевичъ и въ интимныхъ бесѣдахъ, и въ засѣданіяхъ конференціи, сообщалъ руководящія указанія начинающимъ педагогамъ; онъ искренно радовался, когда видѣлъ задатки способностей и любовь къ дѣлу у своихъ молодыхъ сослуживцевъ; онъ умѣлъ вливать бодрость и пробуждать энер-

гію у своихъ сотрудниковъ, когда иной изъ нихъ, въ случаяхъ промаховъ и неудачъ, малодушно падалъ духомъ, терялъ увѣренность и чуть не готовъ былъ бросить любимое дѣло. Послѣ ободрительной бесѣды, иногда очень продолжительной, съ Владиміромъ Андреевичемъ молодой педагогъ съ обновленными силами приступалъ къ труду; онъ горѣлъ желаніемъ оправдать доброе мнѣніе своего начальника; однимъ словомъ, онъ работалъ съ удвоенной энергіей, «не за страхъ, а за совѣсть».

Владиміръ Андреевичъ—директоръ Лицея.

Стараясь установить близкія отношенія со своими сослуживцами, Владиміръ Андреевичъ устраивалъ довольно часто у себя по вечерамъ собранія, на которыхъ лицейскіе педагоги встрѣчались съ знакомыми Владиміру Андреевичу дѣятелями на поприщѣ публицистики, искусствъ и т. п.; здѣсь въ простой, непринужденной бесѣдѣ, за стаканомъ чая, они отдыхали отъ своей далеко не легкой, требовавшей большой затраты силъ, дѣятельности, почерпали для себя много назидательнаго и интереснаго,—однимъ словомъ, обновлялись духомъ и расширяли кругозоръ своего развитія, стараясь путемъ самодѣятельности пополнять потомъ оказавшіеся пробѣлы своихъ познаній по интересующимъ ихъ вопросамъ.

Но, заботясь о всестороннемъ развитіи и духовной бодрости своихъ сотрудниковъ, Владиміръ Андреевичъ не забывалъ облегчать

и матеріальныя затрудненія ихъ: онъ исходилъ изъ вполнѣ правильнаго разсужденія, что для успѣха постановки дѣла необходимо, чтобы матеріальное положеніе сотрудниковъ было вполнѣ хорошо, чтобы ихъ одухотворенная творческая работа не омрачалась грустными, тревожными мыслями о положеніи семьи. Въ виду этого Владиміръ Андреевичъ пользовался всякими случаями облегчать матеріальныя затрудненія своихъ сослуживцевъ и тѣмъ обезпечивать ихъ душевное равновѣсіе, столь необходимое въ преподавательской дѣятельности...

Къ этой многосторонней обрисовкѣ Владиміра Андреевича, въ должности директора Лицея, остается присоединить нѣсколько интересныхъ воспоминаній законоучителя той же школы, протоіерея І. И. Соловьева, характеризующихъ Грингмута, какъ ревностнаго православнаго человѣка, во время его директорства.

На первомъ же засѣданіи конференціи подъ предсѣдательствомъ Владиміра Андреевича, какъ директора (10 января 1894 г.), по его именно инціативѣ и согласно съ его разъясненіями, какъ уже сказано выше, постановлено было образовать особую педагогическую комиссію для разработки и урегулированія тѣхъ дидактико-педагогическихъ традицій, которыми живетъ и долженъ жить Лицей. Что особенно важно, говоритъ о. Соловьевъ, во главѣ этихъ традицій поставлена была традиція о единеніи школьной учебно-воспитательной жизни съ церковію. По словамъ названнаго лицейскаго законоучителя, «основная мысль этой традиціи была высказана, идейно обоснована и до пластичности точно формулирована Владиміромъ Андреевичемъ въ словахъ о томъ, что нужно воспитывать дѣтей не въ согласіи только съ ученіемъ церкви и не рядомъ съ церковью, а въ церкви. Эта традиція, поставленная во главу угла лицейскаго воспитанія, стала во всей своей полнотѣ и съ особенною ясностію проявляться въ школьной жизни Лицея при самомъ энергичномъ содѣйствіи именно Владиміра Андреевича, при чемъ самъ онъ былъ первымъ усерднымъ ея не только проводникомъ, но и исполнителемъ».

Почтенный о. протоіерей указываетъ цѣлый рядъ усердія Владиміра Андреевича къ лицейскому храму. Напримѣръ, по его словамъ, этотъ храмъ былъ возобновленъ и украшенъ благодаря Грингмуту, сумѣвшему воодушевить, сблизить и объединить нѣсколькихъ жертвователей: «въ этомъ дѣлѣ его сказывался не просто житейскій тактъ и умѣнье, а именно его нравственная сила—его личная любовь къ святому дѣлу». Такое качество сказалось и въ другомъ случаѣ.

По вступленіи Владиміра Андреевича на должность директора возникъ вопросъ объ уплатѣ за серебряный эмальированный окладъ на икону святыхъ угодниковъ, частицы святыхъ мощей которыхъ имѣлись во вставленномъ въ нее Святомъ Крестѣ. Окладъ сдѣланъ

былъ однимъ лицомъ на основанiи когда-то устно высказаннаго желанiя. «Многiе изъ участвовавшихъ въ обсужденiи,—говоритъ о. Соловьевъ,—настаивали на необходимости привлечь это лицо къ уплатѣ. Владимiръ Андреевичъ предложилъ, въ видахъ болѣе обстоятельнаго разслѣдованiя дѣла, отложить вопросъ до другого раза; на самомъ же дѣлѣ подъ этимъ «другимъ разомъ» разумѣлось не новое разслѣдованiе дѣла въ собранiи, а нѣчто совсѣмъ иное, именно онъ просто, послѣ частной бесѣды со мной, уплатилъ за окладъ изъ своихъ средствъ и притомъ такъ, что объ этомъ не узналъ никто: въ «Лицейскомъ Календарѣ» за слѣдующiй годъ сказано было лишь о пожертвованiи неизвѣстнымъ оклада на икону съ святыми мощами; изъ участвовавшихъ же въ обсужденiи никто даже не спросилъ составителя лѣтописи, кто это неизвѣстное лицо...»

Нельзя также не привести и другихъ случаевъ, которые ярко обнаруживали, какая набожность и любовь къ православному храму горѣли въ душѣ директора, прежняго приверженца протестантства.

При Владимiрѣ Андреевичѣ, повѣствуетъ о. Соловьевъ, у насъ завелся обычай приносить въ храмъ Лицея чудотворныя иконы Спасителя (въ началѣ учебнаго года), Божiей Матери (предъ экзаменами) и Св. Великомученика Пантелеимона (въ январѣ), и послѣ молебствiя предъ ними въ храмѣ обносить ихъ по всѣмъ жилымъ помѣщенiямъ Лицея. При немъ усилилось и улучшилось участiе въ богослуженiи чтенiемъ, пѣнiемъ и прислуживанiемъ въ алтарѣ воспитанниковъ; при немъ точно также точнѣе и полнѣе опредѣлился кругъ и порядокъ внѣбогослужебныхъ молитвъ воспитанниковъ предъ началомъ и по окончанiи уроковъ. Имъ же, какъ вспоминаетъ г. Глазковъ, были установлены и нарочитые дни, когда всѣ ученики Лицея, какъ члены единой семьи, должны были собираться въ родномъ храмѣ для молитвы едиными устами и единымъ сердцемъ.

«Владимiръ Андреевичъ, — продолжаетъ лицейскiй законоучитель,—привлекъ любовь къ Лицею со стороны, всей православной Россiей чтимаго, праведнаго пастыря-молитвенника, протоiерея Iоанна Ильича Сергiева-Кронштадтскаго, который, начиная съ 1895 до 1905 г. включительно, ежегодно и не по одному разу служилъ въ храмѣ Лицея, произносилъ свои духоносныя святоотеческiя поученiя и благословлялъ воспитанниковъ; именно Владимiру Андреевичу принадлежитъ первая мысль объ этомъ: о. Iоаннъ прибылъ въ Лицей въ первый разъ 22 февраля 1895 года именно по личной просьбѣ Грингмута».

Съ другой стороны, Владимiръ Андреевичъ пользовался всякимъ удобнымъ поводомъ благоукрасить лицейскую церковь. По словамъ почтеннаго законоучителя и настоятеля, достойно вниманiя, что только вслѣдствiе сочувствiя и прямого содѣйствiя Владимiра Андреевича

устроилось принесеніе въ даръ храму Лицея иконы Божіей Матери Скоропослушницы и Св. Великомученника Пантелеимона иноками Пантелеимонскаго монастыря на Аѳонѣ; при его личномъ содѣйствіи была написана также на Аѳонѣ икона Нерукотвореннаго Образа (копія съ чудотворной иконы въ городѣ Вологдѣ), «въ молитвенную память по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ». «Когда мною,—говоритъ о. Соловьевъ,—предложено было Владиміру Андреевичу на деньги, оставшіяся отъ вѣнка на гробъ Государя, устроить икону-копію, бывшую съ Августѣйшимъ Семействомъ при крушеніи поѣзда въ Боркахъ, то онъ принялъ на себя всѣ заботы объ этомъ и всю переписку, какъ съ г. Касаткинымъ, бывшимъ тогда губернаторомъ въ Вологдѣ, такъ и съ иноками-аѳонцами. Нужно было видѣть его духовную радость и усердіе въ церковно-богослужебныхъ торжествахъ по поводу принесенія въ храмъ всѣхъ этихъ иконъ, чтобы судить о томъ, какъ близко душѣ его это святое дѣло...»

«Да,—заключаетъ тотъ же высокоуважаемый повѣствователь,—именно въ директорство Владиміра Андреевича не только внѣшнее благоукрашеніе лицейскаго храма проявлялось особеннымъ обиліемъ жертвъ, объединивши въ этомъ дѣлѣ весь, можно сказать, Лицей въ одну семью, а и самый богослужебный строй церковной жизни Лицея усилился и оживился...» Даже и послѣ, по оставленіи директорской должности, онъ не порвалъ своихъ церковно-богослужебныхъ связей съ Лицеемъ: «на его личныя средства и по его рисункамъ, по словамъ о. Соловьева, устроены цвѣтныя съ изображеніемъ восьмиконечныхъ крестовъ стекла въ алтарныхъ окнахъ лицейскаго храма; до послѣдняго года своей жизни онъ въ храмѣ Лицея по разу, а иногда и по два раза въ годъ, приступалъ къ таинству покаянія и по большей части, когда въ храмѣ никого не было, позднимъ вечеромъ, при свѣтѣ лампады... Здѣсь же любилъ Владиміръ Андреевичъ, также ни для кого изъ живущихъ невѣдомо, молитвенно благословляться отъ своего духовнаго отца при началѣ или окончаніи тѣхъ или иныхъ изъ своихъ общественно-публицистическихъ, скажу такъ—подвиговъ. Не оттого ли такъ явно и почивало Божіе благословеніе на этихъ подвигахъ, такъ влекшее къ нему единомышленныхъ съ нимъ, которыхъ онъ умѣлъ такъ объединить и любить?..»

VIII.

Учено-литературные труды Владиміра Андреевича.

Педагогическая дѣятельность Владиміра Андреевича въ Лицеѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ теченіе цѣлой четверти вѣка (1870—1895 гг.), тѣсно соединялась съ учено-литературными занятіями, плоды которыхъ непрерывною вереницею появлялись на Божій свѣтъ то въ періодическихъ изданіяхъ, то отдѣльными книжками или брошюрами. Да это и весьма понятно: даровитый отъ природы педагогъ, съ лѣтами постепенно обогащаемый учительскимъ опытомъ, онъ естественно не могъ не откликаться на современные, послѣдовательно возникавшіе вопросы или въ области учебно-воспитательнаго дѣла, или въ сферѣ общественной русской жизни и мысли, или—наконецъ—въ кругу его любимыхъ двухъ предметовъ—языкознанія и искусства. Съ другой стороны, главные руководители Владиміра Андреевича—М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, часто дѣлая научныя или педагогическія порученія молодому преподавателю, а позже—талантливому сотруднику, гостепріимно открывали передъ нимъ свои органы печати и тѣмъ самымъ еще болѣе побуждали его развивать свою научно-литературную дѣятельность.

Появленіе первыхъ литературныхъ опытовъ Владиміра Андреевича въ московской печати относилось къ самому началу семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и совпало съ замѣчательною эпохою въ исторіи русскаго просвѣщенія. То была пора насажденія или—лучше сказать—полнаго возрожденія классическаго образованія въ Россіи, когда главнымъ дѣятелямъ этой замѣчательной реформы—Каткову и Леонтьеву—приходилось, съ одной стороны, проводить чрезъ разныя преграды проектъ преобразованія мужскихъ гимназій, а съ другой—разъяснять всю важность введенія истинно-классической системы въ обиходъ русскаго воспитанія. Тогда всѣ три изданія этихъ двухъ реформаторовъ, т.-е. ежедневныя М о с к о в с к і я В ѣ д о м о с т и, еженедѣльная С о в р е м е н н а я Л ѣ т о п и с ь и ежемѣсячный Р у с с к і й В ѣ с т н и к ъ, преимущественно наполнялись статьями о «классическомъ» и «реальномъ» образованіи молодого русскаго поколѣнія, полемизировали съ противниками «древнихъ языковъ» настолько страстно и неудержимо, что, по словамъ одного современника, «уподоблялись тремъ крѣпостямъ, которыя безъ отдыха громили выстрѣлами полчища враговъ». Въ этомъ-то походѣ пришлось принять участіе и начинающему педагогу—Вла-

диміру Андреевичу Грингмуту. Подъ непосредственнымъ руководствомъ своихъ меценатовъ онъ началъ выбирать изъ нѣмецкихъ педагогическихъ журналовъ наиболѣе рельефныя свѣдѣнія о состояніи и развитіи классицизма въ Германіи, и добытые такимъ путемъ факты сталъ постепенно обрабатывать въ формѣ «современной хроники заграничнаго образованія». Эти-то начальныя пробы его печатнаго слова впервые появились въ Московскихъ Вѣдомостяхъ весною 1871 года и затѣмъ отчасти въ Русскомъ Вѣстникѣ, какъ напримѣръ: «Иностранная литература» (1871 г., кн. 3, 5, 9), «О нашемъ классическомъ образованіи» (кн. 4) и «Г. Жюль-Симонъ о классическомъ образованіи» (1872 г., кн. 8).

Затѣмъ, какъ мы уже упоминали выше, чтобы нагляднѣе и ближе ознакомиться съ постановкою средняго научнаго образованія въ Германіи и въ частности съ нѣмецкими разсадниками классическаго воспитанія, Владиміръ Андреевичъ, по желанію П. М. Леонтьева, отправился за границу, провелъ тамъ почти одинъ семестръ и по возвращеніи въ Москву, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего «видѣннаго» и «слышаннаго», составилъ интересную статью: «Двѣ недѣли въ Берлинской Софійской гимназіи», тогда же напечатанную въ Календарѣ Лицея Цесаревича Николая (М. 1873 г., отд. II, стран. 93—152). Это былъ живо и серіозно написанный отчетъ молодого туриста, близко ознакомившагося съ солидной постановкой нѣмецкаго учебнаго дѣла: изъ такого доклада ясно открывалось, на какой высотѣ стоитъ преподаваніе древнихъ языковъ въ Германіи, объяснялись методы или научные пріемы, легко примѣнимые и къ русскимъ учебнымъ заведеніямъ, а въ заключеніе выражалась надежда на такое же широкое развитіе классицизма и въ нашихъ гимназіяхъ, только что преобразованныхъ съ 1871 года. Кромѣ названнаго «отчета», Владиміромъ Андреевичемъ въ томъ же Календарѣ, какъ мы уже упоминали, было помѣщено нѣсколько статей о постановкѣ учебно-воспитательной части въ средней школѣ Англіи и Германіи.

По возвращеніи изъ такой заграничной командировки Владиміру Андреевичу пришлось только три года продолжать свою педагогическую и учено-литературную дѣятельность подъ непосредственнымъ вліяніемъ своего главнаго ментора—П. М. Леонтьева. Этотъ «незабвенный для него руководитель» наканунѣ Благовѣщенія, 24 марта 1875 года, сошелъ въ могилу, и Владиміру Андреевичу выпало на долю выразить свое горе въ статьѣ: «Памяти П. М. Леонтьева», помѣщенной на страницахъ Русскаго Вѣстника (1875 г., кн. 4). Эта утрата, горькая для Владиміра Андреевича, еще болѣе тяжелой явилась для М. Н. Каткова, который въ лицѣ

Леонтьева терялъ не только вѣрнаго друга и главнаго помощника въ устройствѣ Лицея, но и неизмѣннаго сотрудника въ газетно-журнальномъ дѣлѣ. Поэтому теперь Владиміру Андреевичу выпало счастье еще ближе стать къ Каткову при своей педагогической лицейской службѣ и затѣмъ чаще участвовать своими трудами въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, руководясь темами, намѣчаемыми для него самимъ знаменитымъ публицистомъ. Такъ ему принадлежала статья о «Представленіи трагедіи Софокла Эдипъ въ Колонѣ на греческомъ языкѣ въ Московской гимназіи Фр. Креймана» (Московскія Вѣдомости 1875 года, № 149).

Но, одновременно съ сотрудничествомъ въ Катковской газетѣ, гдѣ, между прочимъ, за подписью Грингмута помѣщенъ обширный трудъ по египтологіи, подъ названіемъ: «Рамсесъ II и Рамсесъ III» (см. Московскія Вѣдомости 1886 г., №№ 201, 202, 203, 204 и 205), Владиміръ Андреевичъ, въ періодъ 1876—1887 гг., т.-е. при жизни Михаила Никифоровича принималъ живое участіе своими статьями въ иллюстрированномъ журналѣ Кругозоръ, издававшемся въ 1876—1877 годахъ В. П. Клюшниковымъ, сотрудникомъ Московскихъ Вѣдомостей и Русскаго Вѣстника,—а также въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, напримѣръ — въ Современныхъ Извѣстіяхъ — газетѣ Н. П. Гилярова-Платонова.

Особенно въ это время заинтересовала Владиміра Андреевича тогдашняя литература его излюбленнаго предмета—греческой словесности и языка. Ознакомившись съ цѣлымъ рядомъ изданій, онъ написалъ нѣсколько критическихъ статей, въ которыхъ, опираясь на свой педагогическій опытъ, далъ много существенныхъ замѣчаній. Наиболѣе важными въ этомъ отношеніи явились четыре его блестящія рецензіи: первая—на книгу М. Григоревскаго: «Сборникъ примѣровъ для перевода съ русскаго на греческій языкъ, на правила русскаго синтаксиса, приспособленный къ греческой грамматикѣ Курціуса»—въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (1876 г., ч. CLXXXIV, кн. 4, стран. 68—90); вторая — давала оцѣнку двумъ русскимъ изданіямъ Софокловой трагедіи «Филоктетъ» (тамъ же, 1877 г., ч. CLXXXIX, кн. 2, стран. 59—80); третья—знакомила съ «Новою исторіею культуры въ Греціи и Римѣ» на основаніи подробнаго анализа книги Jakob von Falke «Hellas und Rom, eine Kulturgeschichte des classischen Alterthums» (Русскій Вѣстникъ 1878 г., т. CXXXVIII, кн. 11) и четвертая—представляла критическій разборъ изданія А. О. Поспишиля: «Избранныя сочиненія Платона». I. «Апологія» Сократа и

«Критонъ» (тамъ же 1884 г., т. CLXXIII, кн. 10, стран. 817—830). Къ этой же вереницѣ рецензій примыкалъ еще одинъ небольшой, но замѣчательный опытъ Владиміра Андреевича: «Нѣсколько словъ о ритмическомъ строѣ Пиндаровыхъ одъ» (М. 1887 г.), сначала помѣщенный имъ при «Краткой греческой антологіи», изданной въ томъ же году извѣстнымъ филологомъ Г. И. Ланге.

Но, вмѣстѣ съ любимымъ предметомъ занятій—классическимъ міромъ, Владиміръ Андреевичъ, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, начинаетъ также интересоваться современными явленіями въ области русской литературы. Въ тѣ годы чрезвычайнымъ успѣхомъ какъ во Франціи, такъ и у насъ, пользовался извѣстный ультранатуралистическій писатель Эмиль Зола (1840—1902 гг.). Его произведенія — главнымъ образомъ романы — почти одновременно съ появленіемъ во французскихъ періодическихъ изданіяхъ переводились на русскій языкъ, печатались въ нашихъ журналахъ и расходились отдѣльными книгами. Русская читающая публика набрасывалась на эти произведенія. Успѣхъ ихъ породилъ и въ нашихъ писателяхъ стремленіе подражать французскому писателю, особенно въ изображеніи скабрезныхъ сценъ и вульгарныхъ типовъ. Это направленіе, такъ мало мирившееся съ эстетикой Владиміра Андреевича и его высоко педагогическими взглядами, обратило на себя вниманіе молодого публициста и вызвало изъ-подъ его пера большой «критическій этюдъ» подъ заглавіемъ: «Золаизмъ въ Россіи» (М. 1880 г., 146 стр.), напечатанный, однако, не съ подлинной фамиліей автора, а за подписью «С. Темлинскій». Книжка, написанная съ увлеченіемъ и знаніемъ дѣла, быстро разошлась, такъ что скоро потребовалось второе изданіе, которое вышло въ слѣдующемъ году со значительными дополненіями (М. 1881 г., 170 стр.) и вызвало критическій разборъ въ Отечественныхъ Запискахъ (1881 г., кн. 4, стр. 230—231). Надо прибавить, что, по отзывамъ многихъ лицъ, этотъ трудъ Владиміра Андреевича, основательно оцѣнившаго «Золаизмъ», до настоящаго времени не потерялъ своего значенія и является лучшимъ опытомъ русской критики по отношенію къ романамъ французскаго писателя.

Не менѣе заинтересовалъ нашего молодого критика и тогдашній русскій замѣчательный писатель Константинъ Николаевичъ Леонтьевъ (1831—1891 гг.), авторъ публицистическихъ трудовъ и беллетристическихъ произведеній изъ ново-греческой жизни. Близко ознакомившись съ сочиненіями этого «оригинальнаго» автора и публициста-консерватора, Владиміръ Андреевичъ пожелалъ установить свой критическій взглядъ на болѣе важныя черты его міровоззрѣнія и таланта. Съ этою цѣлію онъ напечаталъ сначала разборъ книги

К. Н. Леонтьева, вышедшей подъ заглавіемъ «Востокъ, Россія и Славянство»—въ Гражданинѣ (1885 г., №№ 42 и 59) и притомъ анонимно, но самъ же Леонтьевъ потомъ указалъ на Грингмута, какъ на автора этого «разбора» (см. Русское Обозрѣніе 1897 г., кн. 1, стран. 401—402),—а затѣмъ Владиміръ Андреевичъ помѣстилъ статью «К. Н. Леонтьевъ, какъ беллетристъ» (Гражданинъ 1887 г., № 11, за подписью *Р* (усскій) *К* (онсерваторъ). Есть указаніе, что обѣ статьи Владиміра Андреевича явились чуть ли не «гражданскимъ подвигомъ». Представители консервативнаго направленія относились въ общемъ равнодушно, а нѣкоторые даже отрицательно къ Леонтьеву. Напримѣръ, Катковъ, хотя и печаталъ художественныя произведенія его въ своемъ журналѣ, но, разойдясь съ нимъ во взглядахъ на греко-болгарскій вопросъ, считалъ К. Н. чуть ли не врагомъ своимъ, по поводу же его статьи «Византизмъ и Славянство» (Чтенія въ Обществѣ Исторіи 1875 г., кн. III) высказывался, что Леонтьевъ договаривается «до чортиковъ». Поэтому В. А. Грингмуту, вполнѣ зависѣвшему отъ Каткова, пришлось секретно отъ него напечатать въ Гражданинѣ сочувственныя Леонтьеву статьи (см. литературный сборникъ «Памяти К. Н. Леонтьева», С.-Пб. 1911 г., стран. 123).

Въ эту же пору своего писательства Владиміръ Андреевичъ отдалъ дань и «дѣтской литературѣ». Для своихъ подроставшихъ дочерей, а также для дѣтей родственныхъ ему семействъ, онъ написалъ рядъ стихотвореній и нѣсколько небольшихъ пьесъ, которыя декламировались и ставились на домашней сценѣ, главнымъ образомъ—въ святочное время, при чемъ самъ авторъ, какъ искусный режиссеръ, руководилъ малолѣтними актерами и актрисами. Особенно рельефными памятниками такой литературы для юныхъ подростковъ остались два его труда, напечатанные въ 1887 году, на страницахъ Друга Дѣтей—журнала, издававшагося К. Н. Цвѣтковымъ въ Москвѣ «для дѣтей средняго возраста»: это—«Уроки музыки въ разговорѣ отца съ дѣтьми» (кн. I-II, V-VI, и «Пирръ, царь Эпирскій», историческій разсказъ въ двухъ частяхъ (кн. III-XII)

Такъ постепенно развивалась учено-литературная дѣятельность Владиміра Андреевича до дня смерти М. Н. Каткова († 20 іюля 1887 г.). Кончина этого знаменитаго публициста, нисколько не мѣняя служебное положеніе Грингмута въ Лицеѣ, существенно повысила его значеніе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: изъ постояннаго сотрудника онъ сдѣлался членомъ редакціи и явился дѣятельнымъ помощникомъ С. А. Петровскаго, преемника Каткова по изданію этой газеты (съ № 239 отъ 31 августа 1887 г.). Такое весьма значительное повышеніе невольно дало ему возможность значительно расширить

свое вліяніе на направленіе и развитіе «Московскихъ Вѣдомостей». Такъ большая часть передовыхъ статей въ газетѣ, касавшихся политической дѣятельности правительства, внутреннихъ событій и реформъ, въ особенности вопроса о русскомъ образованіи и—въ частности—классицизма, принадлежали его перу.

Помимо этихъ главныхъ, иначе называемыхъ—руководящихъ статей, имъ печатались тогда въ другихъ отдѣлахъ Московскихъ Вѣдомостей замѣтки и сообщенія, преимущественно по современнымъ вопросамъ русской школы и искусства. Напримѣръ, въ девяностыхъ годахъ особенно заинтересовали Владиміра Андреевича такъ называемые «ученическіе спектакли», на которыхъ ставились античныя классическія пьесы и исполнялись на любезномъ ему греческомъ языкѣ. Этому новому явленію русскихъ классическихъ заведеній онъ сердечно сочувствовалъ и посвятилъ ему цѣлый рядъ статей, какъ показываетъ это слѣдующій ихъ списокъ: «Греческая трагедія въ русской школѣ» (Московскія Вѣдомости 1891 г., №№ 51, 69 и 72), «Антигона въ Императорской Царскосельской гимназіи и въ Императорскомъ Лицеѣ Цесаревича Николая» (тамъ же, № 151), «Троянки, трагедія Эврипида, на сценѣ Московской 5-ой гимназіи» (Московскія Вѣдомости 1892 г., № 15), «Царь Эдипъ, трагедія Софокла, въ Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи» (Московскія Вѣдомости 1893 г., № 99), «Троянки, трагедія Эврипида, въ женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ» (тамъ же, № 125), «Ифигенія въ Авлидѣ, трагедія Эврипида, въ женской классической гимназіи С. Н. Фишеръ» (Московскія Вѣдомости 1894 г., № 56). Да и вообще Владиміра Андреевича въ то время сильно привлекалъ къ себѣ театръ и—въ частности—античная сцена. Онъ даже самъ отдалъ дань драматической поэзіи, написавъ, подъ псевдонимомъ «Рулевъ» комедію подъ заглавіемъ «Дочь и падчерица» (М. 1890 г.), въ которой интересно сопоставилъ два характера— родной дочери, не любящей отца, и падчерицы, выказывающей горячія сердечныя чувства къ своему вотчиму. Тогда же онъ написалъ «предисловіе» къ трагедіи Софокла «Царь Эдипъ», переведенной съ греческаго стихами О. П. Вейсъ (Русское Обозрѣніе 1893 г., кн. 7 и отдѣльно: М. 1893 г., 27 стр.). Какъ видно, его особенно занималъ греческій трагикъ Софоклъ и, главнымъ образомъ, такія произведенія, какъ «Царь Эдипъ» и «Антигона». Напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ подробно разобралъ «Новыя книги по греческой драмѣ», появившіяся въ 1892 году, а именно: труды профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго: «Царь Эдипъ» и «Замѣтки къ трагедіямъ Софокла»; изданіе И. Иванова: «Царь Эдипъ» съ греческимъ текстомъ и коммента-

ріемъ для гимназій, и изслѣдованіе Степана Цыбульскаго: «Антигона Софокла», съ приложеніемъ указаній для постановки трагедіи на сценѣ (см. Филологическое Обозрѣніе 1893 г., т. IV; отдѣльный оттискъ, стран. 1—53); точно такъ же весьма детально онъ разсмотрѣлъ вышедшее въ 1893 году иллюстрированное изданіе «Антигоны» съ объясненіями профессора А. Н. Деревицкаго (Филологическое Обозрѣніе 1894 г., т. VII, стран. 46—61). Внимательно слѣдя за литературою о трагедіяхъ Софокла, Владиміръ Андреевичъ не могъ не обратить вниманіе на статью B. Nake напечатанную подъ заглавіемъ: «Die Schuld der Sophokleischen Antigone» въ Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik (1894 г., Heft IV, стран. 257 и слѣд.). Въ ней г. Наке «обвинялъ дочь Эдипа въ двухъ преступленіяхъ: во-первыхъ, она должна была бы сама признать свой поступокъ не только исполненіемъ долга по отношенію къ богамъ, но и нарушеніемъ долга по отношенію къ Креонту, и во-вторыхъ, она должна была бы удовлетвориться первымъ погребеніемъ своего брата, а не возобновлять его во второй разъ». На это Владиміръ Андреевичъ написалъ горячее «Слово въ защиту Софокловой Антигоны», въ заключеніи котораго заявлялъ: «Я совершенно понимаю, что найти «вину» Антигоны можно только тогда, когда станешь на точку зрѣнія Креонта, но нельзя идти въ этомъ отношеніи дальше Креонта и не взваливать на несчастную дочь Эдипа новыя «вины», о которыхъ ничего не знаетъ даже злѣйшій врагъ—Креонтъ». Эту свою живую апологію Антигоны онъ напечаталъ: на русскомъ языкѣ—въ Филологическомъ Обозрѣніи (1894 г., т. VII, стран. 109—112), а на нѣмецкомъ языкѣ въ журналѣ Neue Iahrbücher für klassische Philologie (1894 г., Heft IX, S. 600—602).

На ряду съ этими критическими этюдами объ античной трагедіи Владиміръ Андреевичъ, въ описываемую пору его дѣятельности, попрежнему касался и вообще какъ преподаванія древнихъ языковъ, такъ и античной литературы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ наиболѣе обширныя его статьи, помѣщенныя въ журналахъ: «Наши педагоги» (Вѣстникъ Воспитанія 1890 г., кн. 1—2), «Нашъ классицизмъ» (Русское Обозрѣніе 1890 г., кн. 4),—при чемъ, подробно развилъ, что «знакомство съ греческою и римскою культурою является одною изъ главныхъ цѣлей классической школы, которая должна постоянно выставлять на видъ своимъ ученикамъ какъ преимущества идеальной стороны этой культуры надъ современною европейскою, такъ и зависимость послѣдней отъ древне-классической, за исключеніемъ христіанства, которое составляетъ наше единственное, но и безконечно великое, идеальное преимущество

надъ древнимъ міромъ». Сюда же относились: разборъ двухъ книгъ трактующихъ о Гомерѣ, именно «Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ», Р. Джебба въ переводѣ А. Семенова (С.-Пб. 1892 г.) и «Введеніе къ чтенію Гомера», С. Радецкаго (М. 1892 г.)—въ Филологическомъ Обозрѣніи (1894 г., т. VI, отд. II, стран. 69—79) и докладъ: «Чего въ правѣ требовать университетъ отъ гимназій» (Календарь Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая на $189^4/_5$ годъ).

Съ другой стороны, какъ сказано выше, Владиміръ Андреевичъ сталъ увлекаться въ этотъ періодъ изученіемъ русскаго искусства. Художественныя выставки, иллюстрированныя изданія, новыя теченія въ живописи, выражавшіяся въ утрированныхъ тонахъ и уродливыхъ краскахъ,—все это занимало его вниманіе, и онъ, какъ тонкій эстетикъ, воспитанный на античныхъ образцахъ и шедеврахъ иностранныхъ галлерей, изданія которыхъ уже наполняли его замѣчательную библіотеку, не преминулъ чаще давать свой голосъ въ пользу «чистаго и высокаго искусства». Начавъ съ замѣтки: «Библейскіе мотивы въ русской школѣ», по поводу картинъ Полѣнова и Семирадскаго (Русскій Вѣстникъ 1887 г., кн. 9), Владиміръ Андреевичъ съ теченіемъ времени напечаталъ въ этомъ направленіи слѣдующія статьи: «Обзоръ XX-ой Передвижной выставки» (Московскія Вѣдомости 1892 г., №№ 100—102 и 105), «Живопись и фотографія» (тамъ же 1893 г., № 80), очерки: «Парижскій балаганъ, неизданный рисунокъ Перова» и «Гроза, надвигающаяся на русское искусство» (На память, художественно-литературный сборникъ, М. 1893 г., стран. 57—66). Эти (вторая и четвертая) художественныя критики скоро вышли и отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: Враги живописи (М. 1893 г., 95 стр.).

Съ такими работами о современномъ русскомъ искусствѣ одновременно соединялись занятія другимъ любимымъ предметомъ—египтологіей. Владиміра Андреевича, главнымъ образомъ, заинтересовалъ, такъ называемый, дипломатическій архивъ XIV вѣка до Рождества Христова, относящійся къ эпохѣ фараона восемнадцатой династіи Амельхотена IV и пролежавшій подъ землей три тысячи лѣтъ. Онъ найденъ былъ въ 1887 году на восточномъ берегу рѣки Нила и заключался въ трехстахъ табличкахъ изъ жженой глины, исписанныхъ не египетскими іероглифами, какъ можно было ожидать, а вавилоно-ассирійскою клинописью. Пользуясь уже изданнымъ матеріаломъ (подъ руководствомъ берлинскаго египтолога Гуго Винклера), Владиміръ Андреевичъ изложилъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ данныхъ, касающихся указанной весьма отдаленной

эпохи и бросающихъ совершенно новый свѣтъ на исторію Египта и сосѣднихъ съ нимъ государствъ. Онъ выяснилъ отношенія между египетскими и месопотамскими государями, далъ яркую психологическую картину двухъ названныхъ народовъ и удостовѣрилъ важный фактъ существованія вавилонской письменности въ Палестинѣ до Моисея. Этотъ замѣчательный рефератъ прочтенъ имъ 20 февраля 1896 года въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (см. Московскія Вѣдомости 1896 г., № 53), а затѣмъ, въ наиболѣе полномъ видѣ, напечатанъ на страницахъ Русскаго Обозрѣнія (1896 г., кн. 4), подъ заглавіемъ: «Дипломатическій архивъ XIV вѣка до Рождества Христова».

Какъ видно изъ описаннаго, Владиміръ Андреевичъ, кромѣ Московскихъ Вѣдомостей, чаще всего отдавалъ свои труды въ сейчасъ названный журналъ—Русское Обозрѣніе. Но этого было мало: онъ являлся тамъ не только болѣе частымъ сотрудникомъ, а также наиболѣе виднымъ руководителемъ самыхъ важныхъ отдѣловъ.

Дѣйствительно, почти съ самаго начала изданія этого Московскаго журнала, появившагося съ января 1890 года, Владиміръ Андреевичъ сталъ вести постоянный отдѣлъ «Текущихъ вопросовъ международной политики», прикрываясь своимъ обычнымъ псевдонимомъ: «Spectator». Въ теченіе почти цѣлыхъ двухъ лѣтъ (съ апрѣля 1890 г. и кончая октябремъ 1891 г.) онъ успѣлъ коснуться своимъ бойкимъ перомъ самыхъ животрепещущихъ явленій иностранной жизни въ связи съ русскими политическими отношеніями.

Всего нагляднѣе это можно видѣть даже изъ простого перечня такихъ его ежемѣсячныхъ обозрѣній: «1 мая 1890 г.» (1890 г., кн. 4), «Вильгельмъ II» (кн. 5), «Третья республика во Франціи» (кн. 6), «Наши братья—славяне» (кн. 7), «Татищевъ и г. Стамбуловъ» (кн. 9), «Россія и политическіе союзы» (кн. 10), «Лазуревыя фантазіи», относительно Италіи (кн. 11), «Гордый Альбіонъ» (кн. 12), «Восьмидесятые годы» (1891 г., кн. 1), «Враги по-неволѣ» (кн. 2), «Сербскіе скандалы» (кн. 3), «Quieta non movere» (кн. 4), «Японская цивилизація» (кн. 5), «Вооруженіе или разоруженіе» (кн. 6), «Дипломатическія путешествія» (кн. 7), «Реабилитація Марсельезы» (кн. 8), «Быть или не быть Туркамъ?» (кн. 9) и—особенно интересная по взглядамъ статья—«Гдѣ наша будущность: въ Европѣ или въ Азіи?» (кн. 10).

Слѣдуетъ прибавить, что на эти статьи обращалось большое вниманіе за-границею, особенно въ Германіи и Франціи; что же касается взглядовъ Владиміра Андреевича на сербовъ и бол-

гаръ, то ему возражалъ извѣстный генералъ-славянофилъ А. А. Кирѣевъ въ своемъ отвѣтѣ Spectator'у подъ заглавіемъ: «Россія и славяне» (Русское Обозрѣніе 1891 г., кн. 3).

Немного позднѣе Владиміръ Андреевичъ завелъ въ томъ же Русскомъ Обозрѣніи другой отдѣлъ, подъ заголовкомъ «Лѣтопись современной беллетристики», за подписью W, и аккуратно велъ его съ октября 1894 года до іюля 1895 года.

За эти девять мѣсяцевъ онъ разсмотрѣлъ всѣ главныя беллетристическія произведенія, помѣщенныя въ тотъ же періодъ на страницахъ русскихъ журналовъ, удѣливъ особенное вниманіе тогдашнимъ сочиненіямъ П. Д. Боборыкина, Д. В. Григоровича, В. Г. Короленко, И. Н. Потапенко, И. А. Салова, графа Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Евг. Чирикова, І. І. Ясинскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей (см. Русское Обозрѣніе 1890 г., кн. 10—12; 1891 г., кн. 1—6).

Эта «Лѣтопись» можетъ служить самымъ лучшимъ примѣромъ критическихъ взглядовъ Владиміра Андреевича на тогдашнюю изящную русскую литературу: онъ цѣнилъ высоко не «фотографію дѣйствительности», а умѣнье писателя «возвести фактъ въ перлъ созданія», интересовался «психологіею» выведенныхъ героевъ и героинь, но строго осуждалъ «тенденціозность взглядовъ автора», внимательно слѣдилъ за «органическимъ развитіемъ фабулы» и естественностью діалоговъ; наконецъ одобрялъ или порицалъ «манеру» вызвать въ читателяхъ то или другое «настроеніе» отъ цѣлаго прочитаннаго произведенія. Такой вполнѣ эстетическій разборъ, можно сказать, былъ одинокимъ въ тогдашней журналистикѣ, руководившейся въ своихъ сужденіяхъ взглядами либеральныхъ критиковъ, страстно осуждавшихъ извѣстный принципъ: «искусство ради искусства»...

Но наиболѣе блестящимъ представлялся третій отдѣлъ Русскаго Обозрѣнія, открытый Владиміромъ Андреевичемъ и доставившій ему имя лучшаго русскаго публициста, «достойнаго ученика и преемника Каткова», хотя онъ скрывался подъ обычнымъ забраломъ «Spectator'a». Еще съ 1893 года, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, изрѣдка появлялись бойкія статьи на выдающіяся общественныя темы того времени. Нѣкоторые изъ такихъ этюдовъ затѣмъ вышли и отдѣльными брошюрами, какъ напримѣръ: «Сила печати», «Свобода, равенство и братство» (два выпуска, М. 1893 г. 69+62, стр.). Но со слѣдующаго года, послѣ кончины Императора Александра III, Владиміръ Андреевичъ перенесъ эти яркіе опыты своего публицистическаго пера на страницы Русскаго Обозрѣнія, подъ общимъ заголовкомъ: «Современные вопросы» и въ продолженіе почти двухъ лѣтъ не пере-

ставалъ приковывать къ нимъ вниманіе со стороны вдумчивыхъ читателей. Это были то радостные, то негодующіе отклики публициста-патріота на окружающую русскую дѣйствительность, переданные на журнальные листы, какъ выразился одинъ внимательный читатель, «огненнымъ стилемъ».

Чтобы дать хотя общее понятіе объ этихъ замѣчательныхъ «отголоскахъ», перечисляемъ слѣдующія ихъ темы: «Россія на распутіи» (1894 г., кн. 10), «Грозитъ ли соціализмъ Россіи?» (кн. 11), «Ближайшая будущность Россіи» (кн. 12; отдѣльный оттискъ: М. 1895 г.), «Провозвѣститель нашей новой эры» (1895 г., кн. 1), «Пробные шары либерализма» (кн. 2), «Что означаетъ для Россіи слово д о м о й?» (кн. 3), «Законность и сердечность» (кн. 4), «Мнимая и истинная соціологія» (кн. 5), «Наши націоналъ-либералы» (кн. 6), «Главная заслуга М. Н. Каткова» (кн. 11), «Истинное значеніе грамотности» (кн. 12), «Фальшивая тревога» (1896 г., кн. 2), «Наша партія» (кн. 3), «Николаевскія времена» (кн. 8) и—въ особенности—необыкновенно разносторонняя оцѣнка дѣятельности Государя Императора Александра III подъ названіемъ: «Памяти Великаго Самодержца» (Р у с с к о е О б о з р ѣ н і е 1895 г., кн. 11).

Вотъ эта-то статья въ связи со многими другими рѣшеніями «Современныхъ вопросовъ», рельефно выразившими credo нашего публициста, и послужила, какъ указалъ намъ одинъ высокопоставленный современникъ, твердымъ основаніемъ, по Высочайшему соизволенію, къ передачѣ съ 1897 года М о с к о в с к и х ъ В ѣ д о м о с т е й, помимо другихъ многочисленныхъ претендентовъ, въ руки достойнаго редактора-издателя, Владиміра Андреевича Грингмута. Государю Императору при утвержденіи Грингмута редакторомъ газеты, благоугодно было на представленіи Особаго Совѣщанія 17 апрѣля 1896 г. начертать: О ч е н ь р а д ъ э т о м у в ы б о р у. (Сообщ. попеч. Уч. Окр. Правленію М. Ун., № 12868).

Казалось бы, что при такой непрерывной учено-литературной дѣятельности и при постепенно усложнявшихся лицейскихъ занятіяхъ Владиміръ Андреевичъ могъ обратиться скорѣе въ «кабинетнаго» труженика и, пожалуй, сухого, замкнутаго въ себѣ, «казеннаго педагога», между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, онъ постоянно былъ человѣкомъ весьма общительнымъ, жизнерадостнымъ, необыкновенно сердечнымъ и образцовымъ семьяниномъ.

Вотъ, для образца, одинъ примѣръ его теплой заботы и нѣжной любви къ своимъ дѣтямъ. Когда его старшей дочери Людмилѣ Владиміровнѣ исполнилось восемь лѣтъ, онъ посовѣтовалъ ей вести «дневникъ» и самъ написалъ къ нему слѣдующее замѣчательное предисловіе, которое приводится здѣсь въ его автографѣ:

Дарю тебѣ, драгоцѣнная Люминька: „Дневникъ"
Записывай въ него каждый день то, что не каждый день бываетъ. Тебѣ можетъ быть удастся то, что мнѣ не удалось довести свой дневникъ до глубокой старости и на склонѣ лѣтъ своихъ любоваться ихъ зарею. Жизнь человѣческая есть великій даръ Божій и мы должны дорожить каждымъ днемъ, принимать его съ благодарностью и по возможности дольше сохранять его въ памяти, такъ какъ каждый день, не только счастливый, но и горестный, содержитъ въ себѣ безчисленныя свидѣтельства премудрости и всеблагости Господа и даетъ намъ тысячи драгоцѣнныхъ указаній и наставленій не на одинъ день и не на одинъ годъ, а на всю нашу жизнь.

Твой папа

Москва 27 декабря
1884 г.

IX.

Владиміръ Андреевичъ—редакторъ и издатель «Московскихъ Вѣдомостей».

Высочайше одобренное постановленіе Особаго Совѣщанія о назначеніи редакторомъ Московскихъ Вѣдомостей дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владиміра Андреевича Грингмута—невольно заставило послѣдняго рѣшать трудный вопросъ: возможно ли ему соединить издательство большой газеты съ званіемъ директора Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Ни-

колая. Предъ его глазами ясно возникалъ живой примѣръ въ лицѣ М. Н. Каткова, который, послѣ смерти П. М. Леонтьева, фактически исполнявшаго должность лицейскаго директора, при большой редакторской работѣ затруднялся обязанностями главнаго начальника въ Лицеѣ и большею частію поручалъ исполненіе ихъ другимъ довѣреннымъ лицамъ. Естественно, что и Владиміръ Андреевичъ, не безъ долгаго колебанія, рѣшилъ, что совмѣщеніе директорства съ дѣломъ отвѣтственнаго публициста представляетъ для него много трудностей, а потому 1 сентября 1896 года подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ исполненія директорской должности въ Лицеѣ. «Ему пришлось,—говоритъ В. В. Глазковъ—разстаться съ горячо любимымъ преподавательскимъ дѣломъ, съ искренно уважаемыми своими сослуживцами. На добрую память о совмѣстной службѣ отъ лица преподавателей былъ поднесенъ ему роскошный серебряный альбомъ съ ихъ фотографіями. Тронутый такимъ вниманіемъ своихъ товарищей-сослуживцевъ, Владиміръ Андреевичъ устроилъ въ гостиницѣ Эрмитажъ прощальный обѣдъ: здѣсь въ простой бесѣдѣ много было высказано восторженныхъ похвалъ педагогической дѣятельности Грингмута и той теплотѣ, съ которой онъ относился ко всѣмъ; выражалась въ концѣ концовъ всѣми увѣренность, что Владиміръ Андреевичъ не порветъ тѣсныхъ узъ съ тѣмъ заведеніемъ, которому отдалъ лучшіе годы, надъ реформами по благоустройству котораго онъ положилъ такъ много беззавѣтной энергіи, труда...» «И сбылись надежды сотрудниковъ Владиміра Андреевича,—заключаетъ тотъ же повѣствователь,—оставивъ постъ директора, Грингмутъ сохранилъ за собой званіе почетнаго члена Правленія и Совѣта въ Лицеѣ».

Вслѣдъ за оставленіемъ должности директора Владиміръ Андреевичъ осенью переѣхалъ изъ Лицея на временную квартиру въ домѣ Молчанова (на углу Тверской улицы и Пименовскаго переулка). Тамъ, въ виду скораго начала аренды Московскихъ Вѣдомостей, была начата имъ предварительная организація редакціи газеты. Такъ, по его плану, завѣдующимъ редакціей газеты и Университетскою типографіей былъ намѣченъ родной братъ Д. А. Грингмутъ (тогда управлявшій Кіевскою страховою транспортною конторой), начальникомъ газетной конторы—П. Я. Матасовъ, зять Владиміра Андреевича (также ранѣе служившій въ Лицеѣ), помощникомъ редактора—Л. А. Тихомировъ (нынѣшній редакторъ-издатель Московскихъ Вѣдомостей), секретаремъ редакціи—баронъ А. Э. Нольде, продолжающій и до сихъ поръ состоять въ той же должности. Сверхъ давнишнихъ участниковъ въ газетѣ были приглашены многіе новые сотрудники.

Среди этихъ хлопотъ по организаціи изданія незамѣтно прибли-

зился декабрь 1896 года, и предъ Владиміромъ Андреевичемъ возникъ очень важный вопросъ: не войти ли въ переговоры съ прежнимъ арендаторомъ газеты С. А. Петровскимъ о начатіи изданія Московскихъ Вѣдомостей нѣсколько ранѣе января 1897 года. Вѣдь ему живо вспоминался эпизодъ, разыгравшійся съ Катковымъ и Леонтьевымъ, при переходѣ къ нимъ той же газеты въ 1863 году, и ярко переданный Н. А. Любимовымъ. «Съ внѣшней стороны,—говоритъ послѣдній,—нелегко было новымъ издателямъ приступить къ печатанію Вѣдомостей въ новыхъ условіяхъ. Завѣдывавшій Университетскою типографіею профессоръ О. М. Бодянскій, почтенный ученый, но человѣкъ въ личныхъ сношеніяхъ не особенно покладистый, объявилъ, что не позволитъ новымъ арендаторамъ шагу сдѣлать въ типографіи ранѣе наступленія срока аренды, и отворилъ для нихъ ворота типографіи лишь въ полночь 1 января 1863 года... Первый номеръ не вышелъ во-время и не разосланъ правильно...» (См. книгу: «М. Н. Катковъ и его историческая заслуга», С.-Пб. 1889 г., страп. 217—218.) Такой печальный примѣръ изъ прошлаго и заставилъ Владиміра Андреевича войти въ переговоры съ С. А. Петровскимъ о болѣе ранней передачѣ послѣднимъ редакторскихъ обязанностей. Къ счастію, соглашеніе состоялось, и Владиміръ Андреевичъ, 9 декабря 1896 года, послѣ молебствія въ Иверской часовнѣ предъ чудотворною иконою Богоматери, а затѣмъ панихиды надъ могилою Каткова въ Алексѣевскомъ монастырѣ, явился вечеромъ въ помѣщеніе редакціи Московскихъ Вѣдомостей. Встрѣченный тамъ привѣтливо, какъ дорогой старинный другъ, онъ со своей стороны выразилъ радость, что снова вступаетъ въ знакомый ему «газетный кругъ», и затѣмъ передалъ для помѣщенія въ завтрашнемъ номерѣ свою первую передовую статью. Она и явилась во вторникъ 10 декабря 1896 года, на первой страницѣ Московскихъ Вѣдомостей (№ 340), въ слѣдующемъ видѣ:

«Отъ новаго редактора. — Приступая съ 1 января 1897 года къ завѣдыванію изданіемъ и редакціей Московскихъ Вѣдомостей, нижеподписавшійся уже нынѣ, съ декабря мѣсяца, принялъ на себя редакціонныя обязанности, дабы должнымъ образомъ подготовить себя къ тому многообразному и отвѣтственному труду, который ему предстоитъ съ будущаго года и дабы постепенно вводить въ содержаніе газеты дальнѣйшія усовершенствованія, соотвѣтствующія ея достоинству и значенію.

«Измѣненія эти, само собой разумѣется, отнюдь не будутъ касаться той ясной, опредѣленной политической программы, которую завѣщалъ своимъ преемникамъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, прозрѣвшій уже съ начала шестидесятыхъ годовъ тотъ идеалъ Рус-

скаго Самодержавія, который съ такимъ величіемъ воплотилъ въ Себѣ въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III. Держаться программы Каткова значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ хранить святые завѣты Царя-Самодержца, избавившаго Россію отъ пучины безвластія, призвавшаго къ новой жизни всѣ ея духовныя и физическія силы и возвысившаго ее до подобающаго ей міроваго значенія. Нѣтъ высшей отрады для Русскаго человѣка—какъ всецѣло посвятить себя служенію этимъ идеаламъ и быть вѣрнымъ подданнымъ Государя, Который и Самъ провозгласилъ эти идеалы дорогимъ для Себя завѣтомъ.

«Но служба эта возлагаетъ на несущаго ее серіозныя обязанности, такъ какъ ее приходится нести не только на томъ отвѣтственномъ посту, который впервые въ Россіи создалъ для государственнаго служенія М. Н. Катковъ, но и сообразно съ тою великою идеей этого служенія, которую онъ заповѣдалъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, къ числу которыхъ имѣлъ великую честь принадлежать и пишущій эти строки. Право пользоваться такимъ сильнымъ орудіемъ, какъ печатное слово, мыслимо лишь въ неразрывной связи съ серіознымъ долгомъ никогда не злоупотреблять этимъ правомъ для какихъ-либо личныхъ цѣлей, всегда имѣть въ виду одни лишь высшіе интересы отечества, быть далекимъ отъ всякаго сомнѣнія, но, ясно сознавая свои убѣжденія, отстаивать ихъ съ твердою рѣшимостью, по мѣрѣ своихъ силъ, служа своему Царю вѣрой и правдой.

«Трудная задача, выпавшая на долю новаго редактора Московскихъ Вѣдомостей, облегчается тѣмъ, что онъ находитъ въ личномъ составѣ редакціи старыхъ товарищей своихъ, которые большею частью выбраны были еще самимъ М. Н. Катковымъ и послѣ его смерти все время не отступали отъ намѣченнаго имъ прямого, яснаго пути. Къ этому ядру испытанныхъ борцовъ присоединились и еще присоединятся новыя силы, столь же твердо убѣжденныя въ томъ, что другого пути служить Россіи на поприщѣ печатнаго слова нѣтъ и не будетъ. Всѣ они стремятся къ тому, чтобы тѣсно сплотиться со всѣми своими, разсѣянными по Россіи, единомышленниками, дабы въ сомкнутомъ строю бороться за высокіе идеалы Александра III.

«Въ глубокомъ уповаціи на то, что Божья помощь ихъ не оставитъ въ этомъ дѣлѣ, они приступаютъ къ своему труду со свѣтлою надеждой на великую будущность Россіи, залогомъ которой является ея вѣра, ея мощь, ея единство и ея достоинство подъ охраной Самодержавной власти ея Царя. В. Грингмутъ.»

Такою вступительною «рѣчью-программой» на первомъ листѣ газеты Владиміръ Андреевичъ открылъ свою самостоятельную публицистическую дѣятельность въ званіи редактора-издателя Москов-

скихъ Вѣдомостей. «Съ этой поры,—по выраженію одного писателя,—началась его служба,—служба, въ законѣ не писанная, но добровольная, исполняемая по долгу присяги». Съ этого времени изъ-подъ пера новаго редактора-издателя передовыя статьи появлялись непрерывной чередой (за исключеніемъ отъѣздовъ за границу) и продолжались вплоть до начала его предсмертной болѣзни: послѣдняя изъ такихъ статей, завершившая публицистическую работу Владиміра Андреевича показалась въ № 204, отъ 5 сентября 1907 года, и заканчивалась не менѣе характернымъ указаніемъ на современное положеніе Россіи, явившимся точно политическимъ завѣщаніемъ умиравшаго публициста. «Пусть наконецъ,—писалъ дрожащею рукою Владиміръ Андреевичъ,—окончательно проснется Русское Правительство и станетъ въ полнотѣ своей несокрушимой власти на защиту Царя и Россіи; пусть оно однимъ ударомъ, честно и открыто, безо всякихъ полумѣръ и колебаній, разобьетъ на голову преступную крамолу; пусть оно освободитъ разъ навсегда Россію отъ еврейскаго рабства,—и Русскій народъ спокойно возвратится къ своимъ мирнымъ занятіямъ и перестанетъ даже думать о какомъ-либо «самосудѣ», о «боевыхъ дружинахъ» или объ «активной борьбѣ съ революціей». Вотъ ясный, прямой долгъ Правительства; вотъ единственный путь къ спасенію Россіи»...

Всѣ такія передовыя статьи, напечатанныя въ періодъ 1896—1907 годовъ, теперь вошли въ «Собраніе трудовъ В. А. Грингмута», составленное заботами вдовы его и изящно изданное ею на свои средства (М. 1908—1910 гг., четыре тома, 1394 стран.) Каждый образованный читатель, внимательно ознакомившійся съ этимъ замѣчательнымъ «Собраніемъ», самъ можетъ легко согласиться съ давно установившимся мнѣніемъ, что Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ явился по всей справедливости достойнѣйшимъ преемникомъ знаменитаго публициста М. Н. Каткова. Онъ даже самъ, незадолго до смерти, въ одной изъ статей выразилъ такое скромное признаніе: «Мы теперь, въ сущности, въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ повторяемъ лишь то, что̀ двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ писалъ Катковъ» (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 166).

Однако, не довольствуясь почти ежедневными передовыми статьями политическаго характера, Владиміръ Андреевичъ задумалъ открыть въ Московскихъ Вѣдомостяхъ особую еженедѣльную рубрику подъ заглавіемъ «Вопросы русской жизни». Въ этомъ отдѣлѣ, обыкновенно появлявшемся по воскресеньямъ (начиная съ 5 января 1903 г, до 11 сентября 1905 г.), онъ, подъ прежнимъ псевдонимомъ «Spectator», рѣшился продолжить рядъ статей, появлявшихся, десять лѣтъ тому назадъ, въ Русскомъ Обозрѣніи подъ названіемъ «Современные вопросы»,—только

съ тѣмъ отличіемъ, что въ журналѣ ежемѣсячно, въ видѣ большого трактата, выяснялось то или другое общественное явленіе, тогда какъ въ газетѣ еженедѣльно, въ легкой литературной формѣ, выражался живой, здравый откликъ на различные текущіе «вопросы дня». Церковь и школа, центръ и окраины, правительственныя реформы и соціалистическая пропаганда, запросы интеллигенціи и нужды простого народа, а также тому подобныя явленія тогдашней русской общественной жизни, бойко и часто даже остроумно обсуждались Владиміромъ Андреевичемъ, «съ точки зрѣнія примѣнимости ихъ къ нормальному порядку въ Россіи», и затѣмъ вошли въ уже упомянутое отдѣльное «Собраніе статей» его, изданное Л. Д. Грингмутъ (т. II и III). Теперь эти «Вопросы русской жизни» являются какъ бы ясною и вѣрною «лѣтописью протекшихъ дней и прошлыхъ событій», а съ теченіемъ времени могутъ послужить въ будущемъ отраженіемъ часто пророческихъ предсказаній «здравомыслящаго русскаго публициста», какимъ въ этихъ статьяхъ блестяще выказалъ себя В. А. Грингмутъ.

Два названные отдѣла—«Передовыя статьи» и «Вопросы русской жизни», на которые было обращено особое вниманіе Владиміра Андреевича, составляли только часть его газетной работы. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, онъ не переставалъ также разрабатывать вопросы о театрѣ и интересоваться судьбою современнаго русскаго искусства. Такъ, изъ первой категоріи трудовъ, кромѣ разбора одной изъ драмъ А. П. Чехова (Московскія Вѣдомости 1901 г., № 33) и большого отчета объ одномъ изъ благотворительныхъ спектаклей (1907 г., № 44), слѣдуетъ назвать превосходный трактатъ о комедіи Аристофана «Лизистрата», поставленной въ Москвѣ (1898 г., № 343), фельетонъ, подъ заглавіемъ «Лучъ истинной поэзіи», посвященный пьесѣ Эдмонда Ростана: «Сирано де-Бержеракъ» (1900 г., № 253), статью: «Декадентство и невѣжество на образцовой сценѣ» (1901 г., №№ 65—67) и замѣчательно всестороннее разсмотрѣніе «Постановки Юлія Цезаря въ Московскомъ Художественномъ театрѣ» (1903 г., №№ 317—319), а также «Привѣтственное слово» по поводу «Ярославскаго торжества»—открытія памятника артисту Ѳ. Г. Волкову (1900 г., № 127).

Что же касается художественнаго отдѣла газеты, то здѣсь Владиміръ Андреевичъ, какъ испытанный боецъ за истинное искусство, какъ непримиримый противникъ декадентства и разныхъ «новшествъ» въ живописи, ежегодно самъ лично обозрѣвалъ всевозможныя художественныя выставки и давалъ о нихъ мастерскіе отчеты, при чемъ своимъ перомъ и широко развитымъ эстетическимъ сужденіемъ отмѣтилъ нѣсколькихъ лицъ, которыя теперь стали извѣстными художни-

ками, особенно же постоянно указывая на высокое достоинство работъ кисти В. М. Васнецова. Чтобы ярче освѣтить такую дѣятельность Владиміра Андреевича, указываемъ слѣдующіе его труды, напечатанные въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: «Вырожденіе искусствъ въ Россіи» (1898 г., № 117), «Весеннія выставки картинъ (1899 г., №№ 83, 93, 95, 96, 125, 126, 136, 137), «Plener» (1901 г., № 37), «Симпатичная выставка» (1901 г., № 40), «Весеннія выставки картинъ» (1901 г., №№ 121 и 125), «Выставка петербургскихъ акварелистовъ» (1902 г., №№ 267 и 268), «Ученическая выставка» (1903 г., №№ 7 и 8), «Выставка картинъ 36 художниковъ» (1903 г., № 19), «Выставка новаго стиля» (1903 г., № 21), «Періодическая выставка» (1903 г., № 23), «Весеннія выставки» (1903 г., №№ 125 и 128), «Акварельная выставка» (1903 г., № 313), «Ученическая выставка» (1904 г., № 5), «Выставка Союза Русскихъ Художниковъ» (1904 г., № 7), «Періодическая выставка» (1904 г., №№ 13 и 14), «Выставка 28 художниковъ» (1904 г., № 18), «XXV-я выставка картинъ» (1905 г., № 334) и замѣчательная статья «Новое произведеніе Васнецова» (1906 г., № 307). Къ сожалѣнію, всѣ эти художественные разборы Владиміра Андреевича еще не вошли въ отдѣльное «Собраніе» его трудовъ: они, прочитанные въ свое время подписчиками газеты, такъ и остались погребенными на столбцахъ Московскихъ Вѣдомостей. Но несомнѣнно, что будущій историкъ русскаго искусства, при собираніи матеріаловъ для своего труда, непремѣнно обратитъ вниманіе на художественныя оцѣнки, вышедшія изъ-подъ пера такого компетентнаго знатока, какимъ въ теченіе многихъ лѣтъ безспорно считался Владиміръ Андреевичъ.

Изъ другихъ важныхъ статей описываемаго времени, помѣщенныхъ въ газетѣ съ иниціалами редактора-издателя (В. Г.), необходимо назвать: по библіографіи глубоко прочувствованные отзывы о патріотическихъ брошюрахъ генерала Е. В. Богдановича (1903 г., № 77; 1905 г., №№ 201 и 249; 1906 г., № 258), разборъ второго изданія «Сказки про Щелкуна» (1903 г., № 311) и «По поводу разсказа Маня» (1907 г., № 21); по отдѣлу «Памяти почившихъ»—любопытныя и трогательныя воспоминанія о друзьяхъ Владиміра Андреевича и сотрудникахъ Московскихъ Вѣдомостей, напримѣръ: объ И. П. Архиповѣ (1897 г., № 339), о графѣ И. Д. Деляновѣ (№ 359), Г. А. Захарьинѣ (1898 г., № 353), князѣ Н. П. Мещерскомъ (1901 г., №№ 21—22), С. В. Флеровѣ (1901 г., № 274), В. Л. Величко (1904 г., № 3), А. В. Половцовѣ (1905 г., № 29), Л. Л. Кисловскомъ (1907 г., № 22), а въ числѣ беллетристическихъ работъ—небольшой, полный юмора, разсказъ подъ заглавіемъ: «Графинъ воды» (1906 г., № 157).

При такой почти непрерывной и напряженной работѣ для Московскихъ Вѣдомостей Владиміру Андреевичу естественно оставалось мало досуга для трудовъ въ другихъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе, въ первые годы своей редакторской дѣятельности, онъ нашелъ время для двухъ превосходныхъ характеристикъ своего ментора и предшественника по редактированію газеты: это были двѣ большія статьи въ Русскомъ Вѣстникѣ—«М. Н. Катковъ, какъ государственный дѣятель» (1897 г., кн. 8, стран. 50—80) и «Заслуги Каткова по просвѣщенію Россіи» (тамъ же, стран. 81—100), написанныя Владиміромъ Андреевичемъ по поводу десятилѣтія со дня кончины знаменитаго московскаго публициста. Тогда же изъ-подъ его пера вышелъ рядъ педагогическихъ этюдовъ, а именно: «О взаимномъ довѣріи между школой и семьей» (Календарь Императорскаго Лицея Цесаревича Николая М. 1896 г.), «Значеніе и средства эстетическаго образованія въ классической школѣ» (тамъ же), «Къ вопросу о воспитаніи вниманія» (тамъ же, М. 1899 г. и отдѣльный оттискъ: М. 1899 г., 29 стр.), «Опытъ характеристики М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева» (Историческая записка Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая за XXX лѣтъ, М. 1899 г.), который, по отзыву Историческаго Вѣстника (1899 г., кн. 8, стран. 683), «останавливаетъ на себѣ вниманіе, какъ тепло написанный трудъ»,—и замѣчательное по религіознымъ мыслямъ «Письмо къ редактору богословско-апологетическаго журнала Вѣра и Церковь» (1899 г., кн. 10).

Наконецъ, отдѣльною брошюрой появилась его солидная работа: «О нѣкоторыхъ мѣрахъ, могущихъ способствовать улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ» (М. 1899 г.), какъ результатъ занятій Владиміра Андреевича въ комиссіи о наиболѣе нормальной постановкѣ классическаго образованія въ нашей средней школѣ.

Какъ видно изъ перечисленныхъ трудовъ, Владиміръ Андреевичъ и при сложной редакторской работѣ не переставалъ интересоваться такъ называемымъ «школьнымъ вопросомъ» и—въ частности—лицейскими дѣлами. По словамъ В. В. Глазкова, Владиміръ Андреевичъ, послѣ директорства сохранивъ званіе члена Правленія и Совѣта Лицея, несъ это званіе не формально, на что̀ онъ никогда не былъ способенъ; онъ со свойственною ему горячностью попрежнему принималъ къ сердцу всѣ интересы заведенія, постоянно участвовалъ въ засѣданіяхъ лицейскаго Совѣта, гдѣ своимъ опытомъ и вдохновенными рѣчами не мало послужилъ на благо заведенія; своимъ знаніемъ дѣла онъ оказывалъ энергичное содѣйствіе комиссіи, дважды

созывавшейся по Высочайшему повелѣнію для разработки вопроса о реформѣ университетскихъ курсовъ Лицея; онъ, наконецъ, принесъ и весьма существенную матеріальную помощь дорогому для него заведенію: въ теченіе всего времени газетной аренды, соединенной съ Университетской типографіей, печатаніе Лицейскаго Календаря и различныхъ бланковъ для заведенія, по распоряженію Владиміра Андреевича, производилось безплатно, что̀ составляло ежегодное пожертвованіе на сумму свыше двухъ тысячъ рублей, — вкладъ крупный, если принять во вниманіе длинный рядъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ Лицей пользовался щедростію своего прежняго директора.

Съ другой стороны, продолжаетъ тотъ же современникъ, Владиміръ Андреевичъ не оставлялъ своимъ расположеніемъ и прежнихъ своихъ сослуживцевъ: двери его квартиры всегда были открыты для нихъ; къ нему попрежнему нерѣдко обращались они со своими недоумѣніями и невзгодами; не взирая на массу сложнаго труда, онъ всѣхъ охотно выслушивалъ и съ готовностью поддерживалъ; а когда заходилъ вопросъ о любимомъ его предметѣ—преподаваніи, онъ съ былой энергіей и увлеченіемъ отдавался живой бесѣдѣ, которая иногда затягивалась на очень долгое время.

Тотъ же В. В. Глазковъ, которому мы много обязаны живыми воспоминаніями о Лицеѣ, передаетъ мало извѣстный, но важный по значенію фактъ изъ послѣднихъ дней жизни Владиміра Андреевича. Захваченный кипучей публицистической дѣятельностью, которой Владиміръ Андреевичъ съ особеннымъ жаромъ, не щадя своихъ силъ, отдавался въ недавно пережитые смутные годы, онъ въ послѣднее время сравнительно рѣдко показывался въ Лицеѣ, на глазахъ учениковъ, такъ что подростающее поколѣніе лицеистовъ знало о немъ лишь по разсказамъ своихъ наставниковъ, да по его портрету, помѣщенному въ пріемной Лицея. Тѣмъ болѣе замѣчательнымъ для Лицея было послѣднее появленіе Владиміра Андреевича въ его стѣнахъ 15 сентября 1907 года, на чествованіи бывшаго своего ученика, лицейскаго директора (нынѣ сенатора) Л. А. Георгіевскаго, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія его педагогической дѣятельности. Уже одно появленіе величаваго, убѣленнаго сѣдинами, старца произвело сильное впечатлѣніе на юныхъ лицеистовъ, а когда раздался его могучій голосъ, когда полилась его вдохновенная рѣчь,—вниманіе всѣхъ сразу сосредоточилось на блестящемъ ораторѣ и не ослабѣвало до конца. По замѣчанію г. Глазкова, «не говоря объ огромномъ воспитательномъ значеніи рѣчи Владиміра Андреевича, его послѣднее появленіе оставило въ юныхъ слушателяхъ неизгладимое впечатлѣніе о личности самого оратора: онъ, словно по волѣ Провидѣнія, явился

въ этотъ день, чтобы оставить яркое воспоминаніе о себѣ, какъ о человѣкѣ, который до конца жизни неизмѣнно сочувствовалъ дѣятелямъ Лицея и горячо любилъ это заведеніе...»

Вмѣстѣ съ званіемъ почетнаго члена Лицея, Владиміръ Андреевичъ, во все время своего редакторства, около четырехъ трехлѣтій необыкновенно плодотворно исполнялъ должность ктитора при церкви св. преподобнаго Сергія Радонежскаго, на Большой Дмитровкѣ. Несмотря на то, что этотъ храмъ расположенъ почти въ центрѣ Москвы, на одной изъ большихъ столичныхъ улицъ, онъ имѣлъ довольно ограниченный кругъ прихожанъ: не болѣе пяти-шести домовъ, большею частію принадлежавшихъ иностранцамъ, при чемъ въ двухъ большихъ владѣніяхъ—Университетской и Городской типографіяхъ—большинство трудящихся только занимались здѣсь работами, но жили въ другихъ, болѣе отдаленныхъ кварталахъ. По малочисленности прихожанъ храмъ имѣлъ скудныя средства, такъ что казался какъ бы забытымъ богомольцами: главы почернѣли и заржавѣли, штукатурка во многихъ мѣстахъ осыпалась, даже въ фундаментѣ и цоколѣ выпало много кирпичей; внутри же—облупившійся иконостасъ, потемнѣвшія краски церковной живописи на стѣнахъ, разсѣвшійся каменный полъ съ многочисленными выбоинами... Въ такомъ печальномъ видѣ церковь св. Сергія представилась взорамъ новаго старосты—Владиміра Андреевича Грингмута въ 1897 году. Съ первыхъ же дней своего ктиторства онъ задумалъ, на свои средства, хотя частично, исправить нѣкоторыя существенныя поврежденія внутри храма, а затѣмъ «кликнулъ кличъ», т.-е. помѣстилъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ тепло написанное «воззваніе къ благотворителямъ». Эта безкорыстная забота новаго ктитора, уже давшая, какъ мы видѣли раньше, благія послѣдствія для лицейскаго храма, сопровождалась большимъ успѣхомъ и для возобновленія Сергіевской церкви. Въ короткое время она стала неузнаваема и предстала предъ москвичами въ самомъ благолѣпномъ видѣ, въ какомъ остается и до сихъ поръ, какъ наглядный памятникъ «дѣятельной религіозности» покойнаго заботливаго ктитора.

Сюда, въ эту обновленную имъ и дорогую для него церковь Владиміръ Андреевичъ любилъ призывать семью, членовъ редакціи, сотрудниковъ, служащихъ въ типографіи и конторѣ газеты, къ общей молитвѣ въ знаменательные дни для Московскихъ Вѣдомостей. Однимъ изъ такихъ торжественныхъ дней каждый годъ являлось 26-е апрѣля—день начала изданія Московскихъ Вѣдомостей въ 1756 году. Такъ какъ въ это число воспоминается кончина святого Стефана, епископа Пермскаго, просвѣтителя зырянъ

и русскаго дѣятеля-миссіонера на далекой окраинѣ, то Владиміръ Андреевичъ, имѣя въ виду, что въ 1896 году исполнилось пятисотлѣтіе со дня смерти этого великаго святителя, съ 26 апрѣля 1897 года установилъ редакціонное празднованіе ему, какъ «патрону Московскихъ Вѣдомостей», что совершается въ редакціи газеты и до нынѣшняго времени. Кромѣ того, желая увѣковѣчить нагляднымъ образомъ этотъ праздникъ, онъ въ 1902 году, на свое иждивеніе, помѣстилъ три большія иконы св. Стефана: одну—въ храмѣ св. Сергія, вторую—въ Университетской типографіи и третью—для редакціи Московскихъ Вѣдомостей; послѣдній образъ и до сихъ поръ осѣняетъ большую редакціонную залу, нынѣ украшенный изящною лампадою. При этомъ слѣдуетъ также отмѣтить, что въ Сергіевскомъ храмѣ Владиміръ Андреевичъ установилъ и одинъ добрый обычай ежегодно поминать всѣхъ покойныхъ, при жизни потрудившихся на пользу Московскихъ Вѣдомостей. Для этого онъ завелъ особую книжку—«сѵнодикъ», куда постепенно заносилъ имена своихъ почившихъ сотрудниковъ по газетѣ, а въ день 26 апрѣля просилъ церковный причтъ поминать ихъ по этому списку на эктеніи во время литургіи. Несомнѣнно, такое церковное воспоминаніе о покойныхъ труженикахъ являлось благодарною данью сердечнаго и заботливаго редактора-издателя.

Можно назвать еще большой рядъ обществъ и учрежденій, къ которымъ Владиміръ Андреевичъ, въ эпоху своего редакторства, прилагалъ свои обширныя знанія, сочувственное живое перо и нерѣдко собственныя денежныя средства. Такъ мы отмѣчаемъ «Кружокъ гимназическихъ преподавателей древнихъ языковъ», въ которомъ онъ являлся ревностнымъ участникомъ засѣданій и гдѣ читалъ свои рефераты по греческой литературѣ, потомъ, какъ мы упоминали раньше, напечатанные въ Филологическомъ Обозрѣніи. Затѣмъ слѣдуетъ «Славянское Благотворительное Общество» въ Москвѣ и нѣкоторыя другія славянскія учрежденія. По свидѣтельству одного славянина, Владиміръ Андреевичъ, самъ потомокъ онѣмеченной славянской фамиліи, былъ слишкомъ добръ и отзывчивъ къ нуждамъ славянской учащейся молодежи: многимъ изъ нихъ онъ оказывалъ посильную помощь изъ личныхъ средствъ, а также содѣйствовалъ опредѣленію въ русскія учебныя заведенія или полученію стипендій. Кромѣ того, Владиміръ Андреевичъ былъ всецѣло преданъ славянскому дѣлу и въ своей газетѣ то радовался отъ чистаго сердца каждому проявленію славянскаго единства, то горевалъ одинаково какъ за Галичину и Славонію, такъ и за Македонію и Боснію съ Герцеговиной. Поэтому, заключаетъ упомянутый славянинъ, «Владиміръ Андреевичъ былъ очень популяренъ въ славяно-

фильскомъ мірѣ и состоялъ почетнымъ или дѣйствительнымъ членомъ почти во всѣхъ славянскихъ обществахъ». Далѣе, приходится назвать: Императорское Московское Археологическое Общество, гдѣ онъ, считаясь членомъ-корреспондентомъ съ 1888 года, принималъ участіе въ трудахъ особенно восточной комиссіи; Московское Общество Любителей Художествъ, признававшее его своимъ дѣятельнымъ членомъ—знатокомъ искусства; Общество Любителей Духовнаго Просвѣщеніи, избравшее его дѣйствительнымъ членомъ и, наконецъ, Попечительный Совѣтъ студенческаго общежитія имени Императора Николая II при Московскомъ Университетѣ, гдѣ Владиміръ Андреевичъ состоялъ не только жертвователемъ, но и много потрудившимся постояннымъ членомъ (см. Отчетъ Московскаго Университета за 1898 годъ, стр. 216).

Даже внѣ Москвы Владиміръ Андреевичъ завязывалъ живыя сношенія съ разными благотворительными или политическими учрежденіями. Нельзя забыть, что онъ былъ однимъ изъ постоянныхъ жертвователей для японской миссіи и находился въ дѣятельной перепискѣ съ нынѣ почившимъ архіепископомъ Николаемъ. При первомъ же слухѣ объ основаніи Русскаго Собранія въ Петербургѣ, Владиміръ Андреевичъ завелъ живой обмѣнъ мнѣній съ В. Л. Величко и, много способствуя выработкѣ національной программы этого учрежденія, вступилъ въ него дѣйствительнымъ членомъ. Стоило лишь возникнуть мысли о такъ называемыхъ «Бобриковскихъ обѣдахъ», какъ Владиміръ Андреевичъ, высоко цѣня объединеніе почитателей (нынѣ покойнаго) финляндскаго генералъ-губернатора, «крѣпко стоявшаго за русское дѣло на Балтійской окраинѣ», тотчасъ же присоединился къ этому кружку. «Какъ его удивительному перу,—говоритъ извѣстный знатокъ финляндскаго вопроса Н. А. Талинъ,—принадлежитъ лучшая оцѣнка государственной дѣятельности Н. И. Бобрикова (Московскія Вѣдомости 1904 г., № 154), такъ ему же принадлежало, можно сказать, пророческое слово о той важной роли, которой суждено въ будущемъ сыграть Бобриковскимъ обѣдамъ. Помнится, уже на второмъ изъ нашихъ собраній онъ призывалъ насъ не ограничиваться однѣми ежегодными поминками только при жизни неутомимаго труженика, какъ Н. И. Бобриковъ, а распространять зарождающуюся на нихъ связь и на всѣ прочіе 364 дня года. Онъ призывалъ насъ къ неослабной дѣятельности, къ дружной работѣ и, оправдывая его слова, отсюда родилось Русское Окраинное Общество, отсюда развилась та работа, которая приноситъ столько пользы Государству въ дѣлѣ того же финляндскаго вопроса, образуя русскихъ знатоковъ его и развивая эти знанія все шире и шире....»

Подобнымъ же образомъ Владиміръ Андреевичъ высоко оцѣнилъ дѣятельность другого государственнаго дѣятеля на Привислинской окраинѣ—графа М. Н. Муравьева: онъ, по приглашенію предсѣдателя Комитета по сооруженію памятника князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго, охотно отправился въ Вильну и 8 ноября 1898 года при открытіи памятника «усмирителю Польши» сказалъ энергичную политическую рѣчь, вызвавшую необыкновенное одобреніе среди многочисленнаго Русскаго Собранія. Такое искреннее почитаніе заслуженныхъ русскихъ дѣятелей, принесшихъ пользу Родинѣ, обратило вниманіе на Владиміра Андреевича со стороны сочувствующихъ ему нѣсколькихъ московскихъ изданій: они, при праздновaніи столѣтія со дня рожденія Пушкина (26 мая 1899 г.), предложили ему составить объединенный адресъ и прочесть его въ торжественномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, что̀ и было исполнено имъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Этотъ адресъ, до сихъ поръ хранящійся въ названномъ Обществѣ, по справедливости можетъ назваться выдающимся по высокой «проникновенной» оцѣнкѣ Пушкинской поэзіи и по теплому чувству, которымъ дышетъ каждая его строка. Не даромъ произнесеніе этого адреса авторомъ—образцовымъ ораторомъ—было принято съ большимъ одушевленіемъ громадною публикою Московскаго Благороднаго Собранія.

Такимъ разностороннимъ и весьма энергичнымъ дѣятелемъ высказалъ себя Владиміръ Андреевичъ до 1905 года. Но въ тотъ же восьмилѣтній періодъ своей дѣятельности (1897—1904 гг.), особенно въ кругу наиболѣе ближайшихъ къ нему лицъ (членовъ редакціи, сотрудниковъ, служащихъ при конторѣ газеты, работающихъ въ Университетской типографіи и др.) онъ не разъ обнаружилъ такія замѣчательныя черты своего характера, которыя, по чистой правдѣ, заставляли называть его человѣкомъ рѣдкой души. Для подтвержденія мы приведемъ слѣдующія интересныя наблюденія, изложенныя въ воспоминаніяхъ (еще до сихъ поръ неизданныхъ) одного изъ многолѣтнихъ членовъ редакціи Московскихъ Вѣдомостей.

«По переѣздѣ съ половины января 1897 года на редакторскую квартиру въ домѣ Университетской типографіи,—сообщаетъ этотъ очевидецъ,—Владиміръ Андреевичъ не занялъ того обширнаго и свѣтлаго помѣщенія (съ видомъ на Страстной бульваръ), которое служило кабинетомъ для Каткова. Взамѣнъ того онъ облюбовалъ для себя лично двѣ небольшія комнаты, выходившія окнами на дворъ дома съ южной стороны и примыкавшія черезъ коридоръ къ помѣщенію рабочихъ залъ самой редакціи. Въ первой изъ избранныхъ

нимъ комнатъ вниманіе посѣтителя невольно обращалось на передній уголъ, гдѣ цѣлый рядъ иконъ днемъ и ночью озарялся свѣтомъ неугасимой лампады: то были образа чтимыхъ имъ святыхъ, пріобрѣтенные Владиміромъ Андреевичемъ во время богомольныхъ поѣздокъ или поднесенные ему отъ разныхъ лицъ въ знакъ благословенія. Затѣмъ выдѣлялся обширный столъ, поставленный между двухъ оконъ, за которымъ обыкновенно работалъ нашъ дорогой редакторъ; далѣе—двѣ горки со справочными изданіями и другой длинный столъ, занятый въ замѣчательномъ порядкѣ послѣдними книжками періодическихъ изданій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ; темная простая мебель довершала обстановку. Въ другой сосѣдней комнатѣ, имѣвшей также два окна, помѣщались по всѣмъ тремъ стѣнамъ чернаго цвѣта книжные, открытые шкапы, гдѣ въ образцовомъ, чисто библіофильскомъ видѣ была расположена замѣчательная по своему подбору личная библіотека Владиміра Андреевича; здѣсь же находился большой диванъ, на которомъ онъ, во время недомоганья, отдыхалъ и днемъ. Такая почти спартанская простота, по замѣчанію одного лица, необыкновенно гармонировала съ характеромъ самого обитателя, всегда такого скромнаго, не выставлявшагося на показъ, не гнавшагося ни за громкой славой, ни за шумихой, а тихо, про себя, дѣлавшаго свое огромное дѣло.»

«Въ такой самой скромной обстановкѣ каждый день спозаранку начиналась редакторская работа Владиміра Андреевича. Послѣ молитвы и чаю, уже въ восьмомъ часу онъ садился за свой рабочій столъ и начиналъ просмотръ свѣжаго, еще не высохшаго нумера Московскихъ Вѣдомостей, только что принесеннаго изъ типографіи, при чемъ обыкновенно краснымъ карандашомъ отмѣчалъ мѣста, косо или неотчетливо вышедшія изъ-подъ печати, корректурныя ошибки и другія неточности, чтобы потомъ, при удобномъ случаѣ, деликатно, точно дружески, попенять виновнымъ: обыкновенно при подобныхъ казусахъ изъ устъ Владиміра Андреевича слышалось такое замѣчаніе: «конечно, это не важный недосмотръ, и, надѣюсь, онъ не повторится...» Послѣ разсмотрѣнія своихъ Вѣдомостей и доставленныхъ другихъ газетъ онъ принимался за отвѣты на письма, полученныя имъ вчера. Можно легко представить ихъ разнообразіе: начиная отъ серіозной бумаги изъ Университета или Лицея, продолжая многочисленными запросами отъ сотрудниковъ или отъ подписчиковъ и кончая также немалыми просьбами о пособіяхъ,—все это, по заведенному имъ обычаю, не оставлялось безъ вниманія, не откладывалось на долгій срокъ, а вызывало изъ-подъ пера Владиміра Андреевича или собственноручный отвѣтъ, или письмо, продиктованное личному секре-

тарю. Конечно, такая работа часто отнимала почти цѣлое утро, но, по признанію Владиміра Андреевича, «это вниманіе къ запросамъ другихъ необходимо: вѣдь подписавшіеся обратились лично ко мнѣ, желаютъ слышать мое мнѣніе; поэтому было бы невѣжливо, даже преступно, если бы я не исполнилъ ихъ просьбы или даже мольбы». Только послѣ такого «исполненія ежедневнаго долга» Владиміръ Андреевичъ переходилъ къ другимъ занятіямъ по редактированію своей газеты.

«Къ полудню уже приносили первыя набранныя статьи для слѣдующаго нумера Вѣдомостей, и Владиміръ Андреевичъ, уже прочитавшій ихъ въ оригиналѣ, теперь снова просматривалъ въ печатномъ видѣ, особенно «передовыя» и другія главныя статьи, при чемъ очень часто исполнялась самая внимательная корректура, т.-е. многочисленныя исправленія въ духѣ лучшей стилистики, усиленіе выраженій въ отдѣльныхъ мѣстахъ, съ частыми вставками и перечеркиваніями, такъ что нерѣдко иная «гранка» по обѣимъ чистымъ полямъ покрывалась сѣтью новыхъ строкъ, написанныхъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ,—словомъ производился процессъ, получившій между сотрудниками и наборщиками особый характерный терминъ: «Грингмутовская правка».

«Такое внимательное отношеніе къ своему редакторскому труду часто не прерывалось до завтрака, послѣ котораго, если не было необходимости выѣзжать изъ дома по какому-нибудь экстренному дѣлу, съ двухъ часовъ дня начинался пріемъ посѣтителей и сотрудниковъ. Незабвенны для послѣднихъ и до сихъ поръ всѣ часы, проведенные въ «редакторской комнатѣ». Владиміръ Андреевичъ, по природѣ своей, былъ человѣкомъ мягкимъ, простымъ и доброжелательнымъ: онъ умѣлъ дѣлать всѣмъ своимъ сотрудникамъ трудъ легкимъ и пріятнымъ, подавая первый примѣръ своею неутомимостью. И какъ хорошо, какъ пріятно было работать съ нимъ; какъ прекрасны были его совѣты, всегда даваемые съ доброю улыбкою и открытымъ, довѣрчивымъ взглядомъ его свѣтлыхъ, ясныхъ глазъ. Что же касается его чисто редакторскаго отношенія къ сотрудникамъ, особенно отвѣтственнымъ и главнымъ, то трудно и представить болѣе деликатнаго и бережнаго обращенія съ ихъ трудами. Многіе могутъ засвидѣтельствовать, что рѣдко можно припомнить случай, когда статья давнишняго и опытнаго сотрудника пострадала бы отъ властной руки редактора; если же, съ точки зрѣнія послѣдняго, оказывались необходимыми поправки, то онѣ дѣлались всегда съ вѣдома и согласія автора.

«Подобныя же доброжелательныя отношенія существовали между Владиміромъ Андреевичемъ и служащими при редакціи, конторѣ, типографіи, а также другими лицами. Они и до сихъ поръ вспоминаютъ

Владиміръ Андреевичъ въ своемъ рабочемъ редакторскомъ кабинетѣ.

о немъ съ истинною признательностію. Онъ, по ихъ словамъ, прощалъ всякія упущенія, ошибки, даже обиды, не помня зла, шелъ съ распростертыми объятіями ко всѣмъ, кто къ нему обращался; самъ безконечно добрый, онъ какъ бы не признавалъ личныхъ враговъ. Когда его сотрудники порывались отвѣчать на личныя клеветы и нападки, Владиміръ Андреевичъ останавливалъ порывавшихся и говорилъ: «Въ полемику и перебранку на личной почвѣ я никогда не вступалъ и не вступлю; пусть обо мнѣ говорятъ, что̀ хотятъ; говорить о дѣлѣ, о нуждахъ родины будемъ, но никогда никакихъ личностей...» Поистинѣ было что-то трогательное въ незлобивости этого человѣка!

«Мы уже не говоримъ о пріемахъ посѣтителей по дѣламъ редакціи: само собою понятно, что и при этомъ Владиміръ Андреевичъ не измѣнялъ своему природному благожелательному отношенію, часто очаровывавшему многихъ лицъ. Но мы должны упомянуть о «посѣтителяхъ особаго рода»,—о тѣхъ многихъ бѣднякахъ, которые со дня вступленія Владиміра Андреевича въ должность редактора получали ежемѣсячныя и еще болѣе частыя пособія: то были ослѣпшіе наборщики, изнеможенные служащіе, въ родѣ разносчиковъ газеты, больные прежніе сотрудники, не успѣвшіе отложить ни одной копейки подъ старость, несчастныя вдовы когда-то состоявшихъ при Московскихъ Вѣдомостяхъ рабочихъ... Всѣ такія лица, по распоряженію Владиміра Андреевича, чуть ли не каждый день отпускались изъ пріемной или передней редакціи то съ положенною пенсіей, то съ внѣочередной помощью. Вотъ почему весьма искренна и замѣчательна была слѣдующая телеграмма по поводу кончины благодѣтеля-редактора: «Сѣдлецъ. Для меня смерть Владиміра Андреевича—смерть второго отца. Зная его безграничную доброту, я провижу, что тысячи облагодѣтельствованныхъ имъ и нынѣ осиротѣлыхъ плачутъ горькими слезами надъ бездыханнымъ тѣломъ наставника жизни...» Вотъ почему также необыкновенно вѣрна была надпись: «Безгранично доброму В. А. Грингмуту» при одномъ изъ вѣнковъ, возложенныхъ на его гробъ...

«Среди описанныхъ пріемовъ сотрудниковъ, посѣтителей или просто просителей незамѣтно проходили цѣлые часы до обѣда, послѣ котораго, въ видѣ отдыха, Владиміръ Андреевичъ принимался за разборку «дневной почты», привозимой (а не приносимой) изъ почтамта каждый день въ необыкновенномъ изобиліи. Часть ея, имѣвшая на пакетахъ надпись «въ редакцію», обыкновенно разбиралась секретаремъ, но другая, тоже большая часть, адресованная на имя редактора, лично вскрывалась имъ самимъ; при этомъ статьи бѣгло разсматривались и тотчасъ же при помощи личнаго секретаря

направлялись на обсужденіе членовъ редакціи (смотря по спеціальности) съ просьбою дать «возможно скорѣйшій отзывъ», письма же, помѣченныя вверху датою полученія, записывались подъ номерами въ особую книгу и въ порядкѣ складывались въ портфель для «завтрашняго отвѣта».

«Наступалъ вечеръ. Если не было всенощныхъ подъ праздникъ, засѣданій въ Лицеѣ или въ какомъ-либо обществѣ, гдѣ Владиміръ Андреевичъ состоялъ членомъ, то онъ, за рѣдкими выѣздами въ театръ по пригласительному билету, принимался за «окончательное формированіе» очередного нумера Московскихъ Вѣдомостей. Снова прочитывались уже выправленныя гранки всѣхъ статей и на нихъ ставились инициалы его имени и фамиліи (В. Г.), послѣ чего уже направлялись къ дежурному лицу, выпускающему завтрашній нумеръ газеты. Это «пересматриваніе» продолжалось до поздняго времени и было, по словамъ Владиміра Андреевича, его «долгомъ». Въ этомъ случаѣ можно привести интересныя строки одного давняго сотрудника: «Вопреки современному обычаю, когда люди черезъ день послѣ того, какъ напечатаютъ или произнесутъ публично что-либо, отрекаются отъ того, что произнесли или напечатали, говоря, что это—недоразумѣніе, Владиміръ Андреевичъ не хотѣлъ выпускать ни одной строки своей газеты, не прочитавъ ея. Однажды, когда я въ поздній часъ, увидавъ его, узналъ, что ему предстоитъ выпустить нумеръ, и сталъ уговаривать его отказаться отъ этой формальной работы, которую можетъ исполнить всякое довѣренное лицо, онъ сказалъ: «Никогда я этого не сдѣлаю. Разъ я подписываю нумеръ, я долженъ самъ прочитать все».

«Только окончивъ этотъ «редакторскій долгъ», Владиміръ Андреевичъ около полуночи принимался за свой «дневникъ», на страницы котораго имъ заносились всѣ событія и впечатлѣнія истекшаго дня, и который, если только увидитъ когда-нибудь свѣтъ печати, несомнѣнно еще болѣе ярко озаритъ его жизнь и труды. Послѣ такого второго «личнаго долга» и молитвы Владиміръ Андреевичъ ложился въ постель, но передъ сномъ имѣлъ обыкновеніе прочесть ту или иную заинтересовавшую его статью въ послѣдней книжкѣ какого-либо журнала или полученное съ почты новое изданіе по разнымъ научнымъ и литературнымъ вопросамъ. Но даже и необходимый сонъ много потрудившагося за день редактора иногда не былъ покоенъ и продолжителенъ. Въ этомъ можетъ убѣдить слѣдующее собственное его распоряженіе: «Покорнѣйше прошу гг. выпускающихъ нумера газеты обязательно ставить въ выпускаемый ими нумеръ всѣ помѣченныя мною статьи и замѣтки; если же встрѣтятся тому

какія-либо препятствія, то прошу непремѣнно меня о томъ увѣдомлять, если бы даже пришлось меня для этого разбудить». И нерѣдко приходилось, скрѣпя сердце, нарушать сонъ Владиміра Андреевича; но онъ не обижался этимъ: напротивъ, скоро уладивъ дѣло, даже благодарилъ за такое предупрежденіе...»

«Да,—сообщаетъ одинъ сотрудникъ—поразительны были трудолюбіе Владиміра Андреевича и его преданность дѣлу. Въ этомъ отношеніи онъ былъ, можно вѣрно сказать, «несчастнымъ человѣкомъ». Почти все время имъ проводилось въ двухъ маленькихъ низенькихъ комнатахъ. Въ любой часъ дня, вечера и даже ночи его можно было застать тамъ за письменнымъ столомъ. Единственно, что онъ позволялъ себѣ—это какой-нибудь мѣсячный отпускъ въ годъ, да и то по настоянію врачей. Но даже и во время заграничнаго путешествія «для отдыха» Владиміръ Андреевичъ не оставлялъ пера для своей газеты и иногда для другихъ изданій. Напримѣръ, намъ извѣстенъ такой любопытный случай. Во время своей поѣздки за границу въ 1902 году, Владиміръ Андреевичъ проѣздомъ черезъ Берлинъ прочелъ одинъ изъ майскихъ нумеровъ журнала Zukunft, гдѣ неправильно, съ большими неточностями излагалась дѣятельность русскаго писателя Гоголя (по поводу пятидесятилѣтія со дня его смерти). Онъ встрѣтился съ редакторомъ названнаго журнала Максиміліаномъ Гарденомъ и въ разговорѣ съ нимъ подробно указалъ на многіе промахи статьи. Редакторъ берлинскаго журнала усердно просилъ издателя Московскихъ Вѣдомостей, не стѣсняясь размѣромъ исправленій, написать наиболѣе обстоятельную статью. Тотъ скоро исполнилъ просьбу, и его замѣчательная статья о Гоголѣ появилась въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ Zukunft».

Наконецъ, нельзя не указать еще на одну симпатичную черту въ характерѣ Владиміра Андреевича: это—радушное гостепріимство съ чисто русскимъ хлѣбосольствомъ. «Нельзя забыть,—пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ,—что съ первыхъ же дней своего редакторства онъ нашу редакціонную семью слилъ со своею родною кровною семьей: онъ дѣлился съ нами своими семейными радостями и горестями, а также вполнѣ раздѣлялъ горе и радость каждаго изъ насъ. Особенно это «сліяніе» и тѣсная близость редактора со своими сотрудниками и служащими сказывались при различныхъ случаяхъ, при которыхъ собиралась вся редакціонная семья во главѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Напримѣръ, «въ ознаменованіе своего вступленія на постъ редактора», онъ 28 января 1897 года устроилъ для московскихъ и иногороднихъ сотрудниковъ многолюдный обѣдъ въ «Русской Палатѣ» Славянскаго Базара и съ большимъ одушевленіемъ произнесъ рѣчь, въ которой, «ясно обрисовавъ со-

временное положеніе Россіи и охарактеризовавъ значеніе консервативной русской печати, призывалъ своихъ дорогихъ друзей-сотрудниковъ на дальнѣйшую неустанную работу, для ко-

Эмблема Московскихъ Вѣдомостей,
исполненная по мысли В. А. Грингмута къ полуторавѣковому юбилею газеты.

торой требуется одно важное условіе—полное товарищеское единеніе...» Съ той поры наставалъ ли канунъ 1-го января,—нашъ редакторъ, послѣ всенощной и домашней молитвы, приглашалъ наличный составъ редакціи до корректоровъ включительно къ своему ужину съ

семьей и здѣсь, въ 12 часовъ, произнося нѣсколько теплыхъ словъ и пожеланій каждому, привѣтствовалъ съ наступленіемъ «новаго года» для бодрой дѣятельности и счастливой жизни. Совершались ли въ его семьѣ радостныя событія (напримѣръ, свадьбы дочерей), Владиміръ Андреевичъ, по свойственному его натурѣ радушію, самъ адресовалъ «приглашенія» къ каждому члену редакціонной семьи, прося раздѣлить съ нимъ такія «семейныя радости». Особенно же такая «теплота отношеній» редактора къ редакціонному кружку выражалась на традиціонныхъ обѣдахъ обыкновенно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, устраивавшихся Владиміромъ Андреевичемъ ежегодно за исключеніемъ времени русско-японской войны. «Тутъ,—по выраженію одного сотрудника,—было не одно хлѣбосольство, но и прекрасный примѣръ той крѣпкой связи, какая существовала между сотрудниками и редакторомъ; при этомъ обыкновенно послѣднимъ произносилась вступительная рѣчь съ яркою обрисовкою радостныхъ и тяжелыхъ событій, пережитыхъ Московскими Вѣдомостями...»

Такъ жилъ и дѣйствовалъ, какъ редакторъ, Владиміръ Андреевичъ до 1905 года, когда къ описанной дѣятельности и симпатичнымъ сторонамъ его характера присоединились новыя черты: онъ явился могучимъ до конца жизни борцомъ за святыню Православной Вѣры, за Самодержавнаго Царя и за недѣлимый Русскій Народъ.

X.

Владиміръ Андреевичъ—вождь монархистовъ.

«Съ высоты Царскаго Престола,—писалъ Владиміръ Андреевичъ въ передовой статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей» отъ 19 февраля 1905 года (№ 50),—раздалось державное слово, котораго Русскій народъ ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Нынѣ, какъ четверть вѣка тому назадъ, Русскій Императоръ успокаиваетъ свой народъ Своимъ словомъ объ освященныхъ Православною Церковью и утвержденныхъ законами основныхъ устояхъ Государства Россійскаго и о вящшемъ укрѣпленіи истиннаго Самодержавія... Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь Императоръ обращается къ Своему народу со слѣдующимъ призывомъ: Мы призываемъ благомысля-

щихъ людей всѣхъ сословій и состояній, каждаго въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ соединиться въ дружномъ содѣйствіи Намъ словомъ и дѣломъ въ святомъ великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго (т.-е. Японіи), въ искорененіи въ землѣ Нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней». «Да, каждый изъ насъ,—энергично прибавлялъ редакторъ,—въ своемъ мѣстѣ долженъ дружно содѣйствовать Государю и словомъ, и дѣломъ, въ Его благихъ заботахъ о Россіи. А потому всѣ истинно Русскіе люди съ готовностью отзовутся на призывный кличъ своего Монарха: Да станутъ же крѣпко вокругъ Престола Нашего всѣ Русскіе люди, вѣрные завѣтамъ родной старины, радѣя честно и совѣстливо о всякомъ Государевомъ дѣлѣ въ единомысліи съ Нами. Да пошлетъ же Господь Царю вѣрныхъ, искреннихъ и неподкупныхъ слугъ, которые бы съ точностію исполняли Его Державную Волю, честно и совѣстливо радѣя о всякомъ Государевомъ дѣлѣ и руководствуясь не тщеславнымъ властолюбіемъ и не личными цѣлями, а истиннымъ благомъ Русскаго народа!»

Знакъ Р. М. Партіи.

Такими одушевленными строками Владиміръ Андреевичъ встрѣтилъ Высочайшій манифестъ, подписанный Императоромъ 18-го февраля того же года, и, какъ испытанный публицистъ, зорко слѣдившій за настроеніемъ Россіи, тотчасъ же рѣшилъ «соединиться въ дружномъ содѣйствіи Государю словомъ и дѣломъ»: онъ сразу же, не теряя ни одного часа, началъ организовывать силы правыхъ членовъ русскаго общества, образовывать такъ называемую Монархическую Партію.

Едва прошло полторы недѣли послѣ обнародованія Манифеста, какъ Владиміръ Андреевичъ бодро началъ «содѣйствовать Монаршей волѣ», прежде всего, своимъ живымъ, увлекательнымъ перомъ: на страницахъ издаваемой имъ газеты онъ сталъ помѣщать свои передовыя статьи то объ «организаціи партіи» (№ 61 и 62), то о «необходимости» ея при тогдашнемъ состояніи Россіи (№№ 109, 114, 115), то о «главной задачѣ» Монархическаго кружка (№ 134), при чемъ

самъ выработалъ слѣдующую программу партіи, состоявшую изъ одиннадцати пунктовъ (№ 240):

1) Укрѣпленіе неограниченной Монархической, Самодержавной Власти на Руси.

2) Возвеличеніе единой Православной Церкви въ истинно-христіанскомъ и апостольскомъ ея призваніи.

3) Свободное развитіе русской національной и культурной идеи на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, безъ стѣсненія мѣстныхъ этнографическихъ особенностей, не имѣющихъ политическаго значенія.

4) Широкое, децентрализованное, плодотворное развитіе мѣстной экономической и общественной жизни, не стѣсненной ни правительственнымъ, ни земскимъ бюрократизмомъ, но и не вторгающейся въ область государственной политики.

5) Неустанное попеченіе о матеріальномъ и, въ особенности, духовномъ благѣ крестьянскаго и рабочаго сословія, и о добромъ воспитаніи его въ правилахъ религіозной нравственности, любви къ Царю и Отечеству и законнаго гражданскаго общежитія.

6) Водвореніе въ нашемъ правосудіи строгой справедливости, дабы честные граждане находили себѣ въ судахъ вѣрную опору, а порочные—законное возмездіе за свои злодѣянія.

7) Нравственное оздоровленіе всѣхъ сферъ государственной службы, на которой могутъ быть терпимы лишь лица, свято, строго и безкорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и дорогою Родиной.

8) Водвореніе порядка въ наши школы, дабы онѣ соотвѣтствовали своему прямому назначенію,—нравственному національному воспитанію юношества, доброму его просвѣщенію и серіозному служенію истинной наукѣ.

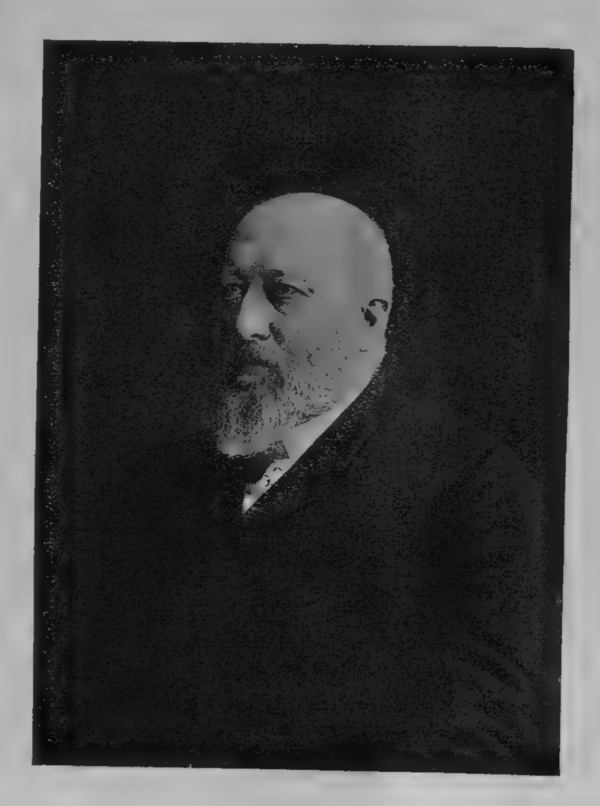
9) Установленіе прочнаго порядка и мирнаго житія, какъ въ городахъ, такъ, въ особенности, въ сельскихъ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣльческій трудъ, составляющій основу благосостоянія Россіи, возможенъ лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, среди незыблемыхъ гарантій нерушимости права собственности какъ земледѣльцевъ, такъ и землевладѣльцевъ.

10) Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія путемъ раціональной организаціи переселенческаго дѣла.

11) Вообще созданіе и сохраненіе единой, недѣлимой, крѣпкосплоченной Россійской Имперіи.

На такой призывъ Владиміра Андреевича, сначала робко, по новизнѣ дѣла, откликнулось нѣсколько человѣкъ, горячо сочувствовавшихъ ясно выраженной «программѣ», и основаніе Русской Монар-

хической Партіи было положено въ тѣсномъ кружкѣ редактора Московскихъ Вѣдомостей, 24 апрѣля 1905 года, за два дня до 99-й годовщины этой газеты. «Затѣмъ,—по словамъ самого же иниціатора,—начался ежедневный притокъ новыхъ членовъ и было

В. А. Грингмутъ (въ 1905 г.).

образовано Центральное Бюро партіи на первое время при редакціи Московскихъ Вѣдомостей. Въ теченіе наступившаго лѣта, однако, нельзя было еще думать о какихъ-либо собраніяхъ партіи, которая тѣмъ временемъ неудержимо росла въ количественномъ отношеніи, распространяясь по всей Россіи, такъ что къ началу осени она имѣла уже свои центры болѣе, чѣмъ въ шестидесяти провинціальныхъ городахъ». Лишь 1-го и 9-го сентября состоялись два частныя собранія, на которыхъ былъ опредѣленъ составъ избира-

тельнаго комитета Монархической Партіи, немедленно принявшійся за разработку подробной программы Партіи и воззваній ея къ избирателямъ въ первую Государственную Думу. Послѣ цѣлаго мѣсяца усерднѣйшей работы, избирательный комитетъ окончилъ порученный ему первый подготовительный къ выборамъ трудъ, и Центральное Бюро могло созвать 6-го октября болѣе многочисленное собраніе, однако же, и на это собраніе, въ виду отсутствія у Бюро достаточно обширнаго помѣщенія, могла быть приглашена лишь одна треть московскихъ членовъ партіи. На этомъ собраніи прибывшіе члены были ознакомлены съ выработанною программою Монархической Партіи и планомъ выборной кампаніи.

Такъ Русская Монархическая Партія, имѣя во главѣ Владиміра Андреевича, открыла свою начальную дѣятельность: «первые шаги ея,—по собственнымъ его словамъ,—совершились при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, дающихъ возможность надѣяться, что Господь не оставитъ ее и въ дальнѣйшихъ ея начинаніяхъ...» (Московскія Вѣдомости 1905 г. № 267).

Между тѣмъ для Москвы приближалось тяжелое, ужасное время. Манифестъ 17-го октября и докладъ графа Витте, возбудившіе въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ «вольнолюбивыя мечты», вызвали такъ называемое «освободительное движеніе». «Уже на другой день, говорится въ одномъ современномъ документѣ,—Москва сдѣлалась сценой возмутительныхъ революціонныхъ манифестацій; на разныхъ пунктахъ столицы демонстранты разрывали національные флаги и, нося на палкахъ куски красной ткани, пѣли революціонныя пѣсни, выражали свое недовольство Манифестомъ, требуя полнаго сверженія Самодержавія; даже надъ домомъ тогдашняго Московскаго генералъ-губернатора (генералъ-адъютанта П. П. Дурново) нѣкоторое время развѣвались красные флаги, самовольно водруженные крамольниками; на площадяхъ говорились зажигательныя и мятежныя рѣчи; на улицы стало страшно выходить; столица сдѣлалась неузнаваемой; наконецъ, въ вечернемъ засѣданіи Московской Городской Думы, революціонные вожаки, въ думскомъ постановленіи по поводу Высочайшаго Манифеста, упорствовали въ недопущеніи и намека на благодарность за дарованныя имъ въ Манифестѣ милости, считая эти милости не добровольнымъ актомъ Верховной Воли, а результатомъ первой побѣды «народа» (?) надъ Самодержавіемъ...»

Этотъ первый мрачный день былъ величайшимъ испытаніемъ для Владиміра Андреевича. Вечеромъ 18-го октября состоялось экстренное собраніе Русской Монархической Партіи. «Выслушавъ,— говорится съ его словъ въ протоколѣ этого засѣданія,—свидѣтель-

скія показанія о возмутительныхъ явленіяхъ московской жизни за пережитый день, все собраніе пришло къ тому заключенію, что теперь Монархической Партіи предстоитъ болѣе широкая задача, нежели та предвыборная кампанія, ради которой Монархическая Партія первоначально была образована. Въ виду этого, Монархическая Партія намѣтила себѣ, на этомъ новомъ поприщѣ охраненія и возстановленія Самодержавной Власти Русскихъ Царей, цѣлый рядъ безусловно законныхъ средствъ, которыми она, соблюдая строгую дисциплину, будетъ пользоваться для достиженія своей главной цѣли, памятуя свой вѣрноподданническій долгъ передъ Царемъ и свои обязанности передъ Русскимъ народомъ, свято чтущимъ своего Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго Батюшку-Царя» (№ 279).

Интересныя воспоминанія сохранилъ одинъ изъ участниковъ этого замѣчательнаго собранія.—«Свое боевое крещеніе,—пишетъ онъ—Монархическая Партія получила 18 октября 1905 года: было назначено обычное частное собраніе еще въ то время, когда никто не подозрѣвалъ, что 17-го октября явится на свѣтъ Манифестъ. Подъ окнами бушевала пьяная толпа съ красными тряпками... Можно было ожидать, что съ минуты на минуту разгромятъ все помѣщеніе редакціи и квартиры Владиміра Андреевича. Подъ звуки Марсельезы, подъ свистъ и гиканье кошачьяго концерта, шло это историческое засѣданіе, которымъ руководилъ спокойный по наружности и, какъ всегда, увѣренный въ себѣ Владиміръ Андреевичъ. Присутствовало человѣкъ 40—50. Раздался чей-то одинокій, неувѣренный голосъ: «Разъ самъ Царь отказался отъ своего Самодержавія, имѣемъ ли мы право отстаивать его, не идемъ ли мы противъ воли Царя?»—«Часовой былъ поставленъ на стражѣ у самаго драгоцѣннаго въ мірѣ сокровища; пользуясь нерадивостью или усталостью этого часового, враги украли это сокровище... Что же долженъ дѣлать часовой? Неужели онъ долженъ положить ружье и отправиться на покой,—разъ украли, значитъ—ему и дѣлать больше нечего. Неправда! Если это такъ, то онъ преступникъ и измѣнникъ! Чтобы хоть сколько-нибудь искупить свою вину, онъ долженъ идти, бѣжать вслѣдъ за грабителями; онъ долженъ нагнать ихъ, онъ долженъ бороться съ ними и долженъ или голову свою положить въ этой борьбѣ, или возвратиться съ тѣмъ сокровищемъ, которое у него украли. У насъ Царя украли, у насъ украли Россію! Идите, ищите, бѣгите, чтобы найти снова Царя, чтобы вернуть Его, чтобы спасти Россію». Вотъ то, что̀ сказалъ тогда намъ въ отвѣтъ Владиміръ Андреевичъ. Это было новой боевой программой Монархической Партіи. Съ этимъ лозунгомъ войны, я помню, мы, расходясь съ этого собранія,

Хоругвь Русской Монархической Партіи.

Лицевая сторона.

Хоругвь Русской Монархической Партіи.

вышли на улицу къ бушующему сброду безумцевъ и несли въ своей груди залогъ борьбы, залогъ побѣды».

«Но что же значитъ боевая программа?»—задаетъ вопросъ тотъ же участникъ собранія 18-го октября и прибавляетъ въ разъясненіе: «Это была программа безкровной борьбы съ нашей стороны. Мы были готовы умирать, но убивать никого не хотѣли». «Никогда не смѣйте объ этомъ и думать,—говорилъ Владиміръ Андреевичъ,—помните, что всякій, кто борется за извѣстную идею, никогда не будетъ убивать, иначе этимъ онъ распишется въ томъ, что онъ не вѣритъ въ торжество своей идеи. Дѣйствительно жизнеспособная, дѣйствительно святая идея можетъ ороситься кровью только своихъ приверженцевъ. Каждая новая жертва изъ нашихъ рядовъ приближаетъ насъ къ побѣдѣ, но да будетъ стыдно тому, кто подумаетъ поднять братоубійственную руку противъ своего врага: этимъ онъ наложитъ позорное пятно на наше святое дѣло! Мирнымъ путемъ, устилая его нашими трупами и ни одной іоты не уступая изъ нашихъ вѣрованій, мы дойдемъ до нашей цѣли, мы одержимъ побѣду...»

Послѣ такого «историческаго засѣданія», Владиміръ Андреевичъ созвалъ Монархическое собраніе 20-го ноября, несмотря на продолженіе тяжелой обстановки, среди которой, при почтовой, желѣзнодорожной, типографской и иныхъ забастовкахъ, протекала жизнь Москвы. На этомъ собраніи энергичнымъ предсѣдателемъ были предложены два важные вопроса: 1) вопросъ о союзѣ Монархической Партіи съ другими монархическими, противореволюціонными кружками, обществами и союзами для совмѣстной борьбы законными средствами съ крамолой, поставившей себѣ задачу добиться посредствомъ всеобщей анархіи низверженія Самодержавія Русскихъ Царей,—и 2) вопросъ о непосредственномъ обращеніи коренного Русскаго Православнаго Народа къ своему Царю съ торжественнымъ заявленіемъ, что Русскій Народъ, вопреки увѣреніямъ петербургскихъ сферъ, остается вѣрнымъ своей присягѣ и желаетъ не умаленія, а укрѣпленія Царскаго Самодержавія, видя въ немъ единственное спасеніе Россіи отъ грозящей ей близкой гибели. «Оба вопроса,—по словамъ протокола,—были единодушно рѣшены въ утвердительномъ смыслѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, были произведены соотвѣтствующіе этимъ рѣшеніямъ выборы особыхъ делегатовъ отъ Русской Монархической Партіи». Такимъ образомъ, по мысли и стараніямъ Владиміра Андреевича, Монархическая Партія въ Москвѣ сблизилась съ Союзомъ Русскихъ Людей, Кружкомъ Москвичей, Обществомъ Хоругвеносцевъ, Добровольной народной охраной, Союзомъ Русскаго Народа, Союзомъ Землевладѣльцевъ, Сусанинскимъ Кружкомъ, Обществомъ Русскихъ Патріотовъ, Союзомъ законности и порядка, Круж-

Депутаціи, имѣвшія счастье представляться Государю Императору
1 декабря 1905 г. въ Царскомъ Селѣ.

комъ Русскихъ студентовъ и другими, объединившимися въ общую организацію—во «Всенародный Русскій Союзъ»,—по признанію одного безпристрастнаго изслѣдователя—«организацію теперь всероссійскую и необыкновенно многочисленную» (№ 308).

Что касается второго, утвердительно рѣшеннаго на собраніи вопроса, то онъ также скоро былъ осуществленъ въ дѣйствительности и—притомъ—при заботливомъ содѣйствіи Владиміра Андреевича: семь депутацій отъ правыхъ организацій были милостиво приняты Государемъ Императоромъ 1-го декабря въ Александровскомъ Дворцѣ Царскаго Села. При этомъ пріемѣ Владиміръ Андреевичъ, какъ предсѣдатель-делегатъ Русской Монархической Партіи въ Москвѣ, обратился къ Государю со слѣдующими словами отъ лица многочисленныхъ членовъ: «Мы счастливы, Ваше Величество, что можемъ порадовать Ваше сердце доброю вѣстью изъ Москвы. Вѣрноподданническое населеніе Первопрестольной Столицы съ восторгомъ встрѣтило рѣшеніе Вашего Величества назначить Московскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Дубасова. Мы видимъ въ немъ представителя той твердой Власти, которая одна только можетъ возстановить въ Россіи миръ и законный порядокъ, которые столь желательны Вашему Величеству и всему Русскому народу». (№№ 321—322).

По возвращеніи изъ Петербурга, Владиміръ Андреевичъ задумалъ и, при содѣйствіи духовной власти, съ полнаго согласія московской администраціи, осуществилъ «всенародное моленіе за Царя и Родину». «Совершенно естественно,—писалъ онъ,—возникла мысль у преданныхъ Царю москвичей собраться 6-го декабря всѣмъ вмѣстѣ и сотворить всенародную молитву на славной нашей Красной площади, подъ стѣнами Кремлевскими... Торжественное молебствіе прошло не только въ полномъ порядкѣ и благочиніи, но носило съ начала и до конца возвышенно-благоговѣйный, церковно-патріотическій характеръ... Вся исполинская площадь была залита народомъ... Намъ дорогъ этотъ великій народъ съ его цѣльною, искреннею вѣрой, съ его беззавѣтною преданностью Самодержавному Царю, съ его неустрашимою рѣшимостью всюду открыто и честно исповѣдывать свои думы и свои чувства. Поучимтесь, господа, у этого народа!» (№ 323).

На призывъ Владиміра Андреевича сочувственно откликнулось большинство благоразумныхъ людей изъ разныхъ круговъ общества, и столичная жизнь, повидимому, потекла по прежнему руслу, какъ вдругъ въ Москвѣ разразилась страшная кровавая гроза: то было «вооруженное декабрское возстаніе». «На улицахъ Первопрестольной столицы,—пишетъ самъ Владиміръ Андреевичъ,—цѣлую недѣлю не только развѣвались красныя знамена революціи,—къ

этому Москва привыкла еще съ 17-го октября,—но разбушевался кровавый уличный мятежъ съ баррикадами, забастовками, взрывами, человѣческими жертвами, безпощаднымъ терроромъ, парализовавшимъ всю общественную жизнь столицы и повлекшимъ за собою милліонные убытки для Правительства, для общества и населенія не одной только Москвы!» (№ 324).

При видѣ такихъ страшныхъ «кровавыхъ картинъ», при каждомъ слухѣ о новомъ ужасающемъ злодѣйствѣ, тяжело было на душѣ редактора-патріота. Не разъ близкія къ нему лица находили его въ рабочемъ кабинетѣ со склоненною на грудь головою, съ потухшимъ взоромъ и сжатымъ въ рукѣ перомъ, точно въ какомъ-то душевномъ оцѣпенѣніи и въ горькомъ раздумьѣ... Рельефно изобразилъ такое душевное состояніе Владиміра Андреевича одинъ московскій епископъ, самъ пережившій эту ужасную пору. «Вспоминаю,—пишетъ онъ,—тяжелые и позорные для Москвы дни октябрскихъ забастовокъ и декабрскаго возстанія. Приходилось служить въ Храмѣ Христа Спасителя подъ звуки пушечныхъ выстрѣловъ; приходилось ночи проводить безъ сна, въ ожиданіи нападенія безумной толпы забастовщиковъ; насъ, Русскихъ людей, носителей родныхъ завѣтовъ Святой Руси, поносили, оплевывали, а въ революціонныхъ подпольныхъ листкахъ приговаривали и къ смерти. Оставалось одно утѣшеніе: Богу молиться, да взаимно ободрять, нравственно поддерживать другъ друга. И вотъ, съ тоскующей душой, бывало, подходишь къ телефону, звонишь и спрашиваешь: живы ли вы, Владиміръ Андреевичъ? Все ли благополучно? И слышишь въ отвѣтъ: «За всё слава Богу: сегодня сподобилъ Богъ Св. Таинъ пріобщиться, и чувствую себя спокойно»... Вотъ въ чемъ,—заключаетъ святитель,—онъ искалъ себѣ подкрѣпленія—въ общеніи съ Господомъ! Въ Вѣрѣ Православной онъ видѣлъ единственный якорь спасенія и для Родной Земли...»

Не смотря на тяжелое нравственное состояніе своей души, Владиміръ Андреевичъ, сознавая, что «нѣтъ мѣста унынью тамъ, гдѣ царитъ гражданскій долгъ», и въ ужасные декабрскіе дни бодро работалъ публицистическимъ перомъ. Тогда Московскія Вѣдомости являлись почти единственнымъ столичнымъ органомъ, поддерживавшимъ распоряженія власти, охранявшимъ законность и порядокъ въ обществѣ, вливавшимъ энергію въ сердца истомленныхъ москвичей. Для большаго распространенія своихъ патріотическихъ идей Владиміръ Андреевичъ даже рѣшился поступиться частью доходовъ, какіе доставляли ему Московскія Вѣдомости: еще съ іюля 1905 года онъ установилъ плату за свою газету въ восемь рублей для рабочихъ, воинскихъ чиновъ, волост-

ныхъ правленій, сельскихъ священниковъ и крестьянъ, а съ 1 января 1906 года понизилъ общую цѣну Вѣдомостей до 12 рублей (вмѣсто 17 р.). На листахъ своей газеты редакторъ-патріотъ печаталъ собственныя передовыя статьи, то громившія революціонныхъ дѣятелей Москвы, то ободрявшія читателей надеждою на скорое прекращеніе мятежа; помѣщалъ «воззванія», призывавшія злонамѣренныхъ горожанъ образумиться и начать прежнюю мирную жизнь... Такую высоко-патріотическую дѣятельность, по словамъ одного очевидца, ему «приходилось вести въ постоянномъ боевомъ огнѣ, не въ переносномъ, а въ настоящемъ смыслѣ слова, разъѣзжать по Москвѣ въ то время, когда по улицамъ летали пули, печатать и выпускать номеръ въ то время, когда типографію Московскихъ Вѣдомостей и внутри, и снаружи охраняла рота солдатъ... Борьбу приходилось вести на два фронта: и съ анархіей, и съ предательствомъ людей, захватившихъ рычагъ государственной власти...»

Естественно, что эта необыкновенно энергичная работа на благо родины и Москвы «въ злосчастномъ декабрѣ» 1905 года не могла пройти даромъ для высокаго подвига Владиміра Андреевича въ борьбѣ съ крамолой. «Трудно,—пишетъ одинъ уважаемый сотрудникъ его,— представить себѣ, что вытерпѣлъ этотъ человѣкъ исключительно за свои убѣжденія, за свою стойкость... Во время смутныхъ московскихъ дней Грингмутъ всегда жилъ подъ опасеніемъ покушенія на него и разгрома редакціи. А эта постоянная ежедневная травля почти во всѣхъ русскихъ газетахъ! Укажите мнѣ хоть одинъ номеръ самаго ничтожнаго уѣзднаго листка либеральнаго направленія (а ихъ подавляющее большинство), въ которомъ не поносилось бы имя Грингмута. Онъ не могъ подойти къ телефону безъ того, чтобы не рисковать услышать самую грубую брань, угрозы смерти и т. п.».—«Помню,— сообщаетъ другое уважаемое лицо, протоіерей І. И. Соловьевъ,— одно холодное утро 1905 года: безусые освободители, съ красными тряпками на шестахъ, окружили домъ его и ворвались во дворъ, готовые совершить насиліе надъ людьми честнаго труда на благо Родины, а, можетъ быть, и надъ нимъ самимъ. Не знали они, что въ это самое время онъ, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ своего дома, послѣ молитвъ и исповѣди, приступалъ къ Св. Тайнамъ Христовымъ». «Вѣдь съ Нимъ, со Христомъ,—говорилъ онъ тогда мнѣ,—и во адѣ не страшно...»—«Св. крестъ на груди и молитва Св. Царя Давида (псаломъ 90-й) на устахъ,—вотъ его оружіе, съ которымъ такъ спокойно, безтрепетно и, для дорожившихъ имъ, часто страшно-рискованно ходилъ онъ всюду открыто, и—и не разъ бывало то—среди явныхъ опасностей Богъ хранилъ его, когда кругомъ иногда даже стражею

Второй Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ Людей въ Москвѣ въ 1906 г.

Засѣданіе въ Русскомъ Охотничьемъ Клубѣ

окруженные падали мертвыми отъ вражескихъ пуль...» Нѣсколько позже (въ мартѣ 1906 г.) на него даже было организовано дерзкое, по безстыдству выдающееся, покушеніе: являлась дѣвушка съ бомбой, напередъ по телефону назвавшись женой убитаго революціонерами офицера; однако, къ счастію, «опасность миновала»,—говоритъ лицо, вспомнившее про этотъ злобный замыселъ враговъ...

Но вотъ ужасный мятежъ прекратился: декабрское возстаніе было подавлено... Наступилъ новый 1906 годъ, принесшій для Москвы и для всей Россіи небывалую новость—подготовительныя работы по выборамъ въ первую Государственную Думу. Въ этомъ новомъ дѣлѣ Владиміръ Андреевичъ, согласно присягѣ—«служить вѣрою и правдою Царю», принялъ самое живое участіе и обнаружилъ въ себѣ не только выдающагося современнаго публициста, но и крупнѣйшаго политическаго дѣятеля. Онъ самъ говаривалъ, что «по нынѣшнимъ временамъ нельзя довольствоваться изданіемъ газеты: необходимо заняться организаціей національно-русскихъ охранительныхъ силъ». Ради этой цѣли имъ и была начата энергичная предвыборная дѣятельность, въ которой онъ проявилъ поразительную стойкость, рѣшимость и необычайную работоспособность. Прежде всего Владиміръ Андреевичъ то пишетъ краснорѣчивыя «воззванія къ избирателямъ» (1906 г., №№ 3 и 78), то обращаетъ горячіе «призывы къ русскимъ людямъ» (№№ 14 и 25)—стоять твердо «за Помазанника Божія, православнѣйшаго и самодержавнѣйшаго Русскаго Царя», какъ за главную основу Монархической Партіи при выборахъ; затѣмъ печатаетъ «разъясненіе» о другихъ политическихъ партіяхъ, уклоняющихся отъ этого основного начала (№№ 6, 7, 9), при чемъ впервые на Руси вводитъ и способъ «предвыборной борьбы», издавна извѣстный за границей: открыто проситъ, напримѣръ, Торгово-Промышленную Партію въ теченіе недѣли сказать да или нѣтъ относительно «сохраненія Самодержавія» (№ 13) и, не получивъ черезъ семь дней отвѣта, печатно объявляетъ: «Итакъ, знайте, русскіе люди: Торгово-Промышленная Партія стоитъ не за неограниченнаго Самодержавнаго Царя, а за какого-то полу-царя, связаннаго конституціей» (№ 21); наконецъ, не ограничиваясь только «печатною агитаціей», устраиваетъ въ Москвѣ, такъ называемыя имъ, «районныя собранія» Русской Монархической Партіи. Въ теченіе только одной первой половины марта состоялось семь такихъ собраній (а именно: 2 числа—въ Грузинскомъ Народномъ Домѣ, 6—на Бутыркахъ, 7—въ залѣ Ремесленной управы, 13 марта—тамъ же, 15—въ Сухаревскомъ Народномъ Домѣ, 16—снова въ Грузинскомъ Домѣ и 17 марта—въ аудиторіи Сергіевской церкви, въ Рогожской). На всѣхъ этихъ собраніяхъ неизмѣнно не только присутствовалъ Вла-

диміръ Андреевичъ, но произносилъ одушевленныя патріотическія рѣчи и затѣмъ, послѣ напечатанія ихъ въ своей газетѣ, раздавалъ желающимъ въ большомъ числѣ оттисковъ. Одинъ изъ слушателей Владиміра Андреевича, присутствовавшій на такихъ «районныхъ собраніяхъ», сообщаетъ слѣдующее свое впечатлѣніе: «Каждый помнитъ этого могучаго борца за наше русское дѣло, высокаго, коренастаго старика, съ лицомъ, напоминающимъ патріарха библейскихъ временъ, который, когда начиналъ говорить, говорилъ краснорѣчиво, сильно, хорошо и, увлекаясь, самъ весь преображался, показывая этимъ необычайную силу своего духа и увлекая этимъ всю внемлющую ему аудиторію». Къ этому отзыву одна изъ слушательницъ прибавляетъ: «Дѣйствительно, чѣмъ были, по сути, блестящія, всѣмъ памятныя рѣчи Владиміра Андреевича, оглашавшія изъ конца въ конецъ Россію, на собраніяхъ монархическихъ союзовъ,—чѣмъ онѣ были, какъ не талантливѣйшимъ изложеніемъ основъ Русскаго государственнаго ученія, освѣщеннаго глубокимъ знаніемъ родной и міровой исторіи, которымъ въ такомъ совершенствѣ обладалъ Грингмутъ? Слушая Владиміра Андреевича, увлекаясь его рѣчью, доступною, по ясности изложенія, и простолюдину, русскіе люди, стекавшіеся тысячами послушать Грингмута, узнавали, и едва ли (большинство) не впервые, о міровыхъ задачахъ, предопредѣленныхъ Промысломъ Божіимъ Россіи, о существѣ Русскаго Царскаго Самодержавія, столь отличающагося, по характеру и духу, отъ иныхъ монархическихъ формъ. Узнавали слушатели и о тѣсной связи Русской государственности съ ученіемъ Христовой Православной Церкви, подъ сѣнію которой создалось и самое Русское Государство. Кто не помнитъ этихъ бесѣдъ, запечатлѣнныхъ блескомъ ума и таланта Владиміра Андреевича, согрѣтыхъ и одухотворенныхъ его живою вѣрою въ Россію, въ ея великое историческое призваніе! Кто сумѣлъ бы измѣрить спасительное вліяніе вдохновенной рѣчи, призывавшей темный когда-то народъ и русское культурное, растерявшееся общество къ бодрой патріотической работѣ, къ объединенію, во имя національныхъ идеаловъ»!..

Не ограничиваясь только столичными районными собраніями, Владиміръ Андреевичъ, и па время предъ выборами въ первую Думу, и позднѣе, переносилъ свою кипучую патріотическую дѣятельность въ подмосковные города, а затѣмъ и въ разныя мѣстности другихъ губерній. Въ тѣ же мартовскіе дни 1906 года, описанные выше, онъ успѣлъ открыть отдѣлы своей партіи въ Егорьевскѣ (5 марта), въ Богородскѣ (6 числа) и въ Павловскомъ посадѣ (10 марта), позднѣе—въ Бронницахъ (11 мая), Ивановѣ-Вознесенскѣ (19 іюня) и въ Маливской волости, Рязанской губерніи (29 іюня); при открытіи каждаго

изъ этихъ отдѣловъ, смотря по переживаемымъ обстоятельствамъ, имъ и другими его сотрудниками говорились рѣчи, выслушивались запросы отъ простыхъ слушателей, на что̀ получались отъ него обыкновенно живые, «обстоятельные» отвѣты «о необходимости отстаивать крѣпкіе, непоколебимые устои русской жизни, т.-е. Православіе, Самодержавіе и «Русскую Народность». «Едва ли,—говоритъ одно высокопоставленное лицо,—кто такъ ясно, художественно-ярко, неопровержимо-убѣдительно и писалъ, и говорилъ объ этой завѣтной святынѣ русскаго сердца. За то и любили, любили горячо, этого истинно-Русскаго человѣка всѣ истинно-Русскіе люди. За то и ждали его въ провинціальныхъ городахъ, какъ желаннаго гостя и блестящаго оратора-патріота». По этому поводу приводимъ интересный разсказъ провинціалки о вліяніи рѣчи Владиміра Андреевича въ одномъ изъ городовъ близъ Москвы. «Въ одинъ прекрасный день по городу разнеслась сенсаціонная новость:—слышали, Грингмутъ ѣдетъ?—встрѣтила меня одна барышня изъ сознательныхъ.—Знаю и собираюсь идти на лекцію. А вы?—Вотъ еще!... Я въ балаганы не хожу. Интеллигенція заволновалась.—Послушайте, полковникъ,—обращалась она къ мѣстному блюстителю городского порядка и спокойствія,—какъ это вы допускаете? Вы знаете, этотъ... Грингмутъ... Вѣдь, онъ вліяетъ на дикую массу... Можетъ, Богъ знаетъ, что̀ произойти: волненія... погромъ... Вы отвѣтственны за спокойствіе гражданъ...—Полковникъ пожималъ плечами.—Что̀ же прикажете дѣлать?.. Реакція... Мы сдѣлали, что̀ могли. Программу не разрѣшили печатать. Афишу—только сегодня. Врядъ ли они и успѣютъ расклеить ихъ. Потому народа, вѣроятно, будетъ мало...—Но предусмотрительный полковникъ ошибся. Хотя афиши были расклеены только въ самый день лекціи, публика валомъ валила. Въ длинномъ хвостѣ у кассы вижу и знакомую барышню.—Вѣдь вы не хотѣли?—спрашиваю ее.—Да такъ. Посмѣяться думаю,—нехотя отвѣтила она...—Наконецъ, получаю билетъ. Вхожу. Громадный залъ набитъ биткомъ, и кромѣ нумерованныхъ мѣстъ, занято все. Негдѣ упасть яблоку. Хоръ прекрасно исполняетъ молитву. На эстраду, принявъ благословеніе отъ епископа, всходитъ высокій, осанистый человѣкъ. Всѣ взоры, частью съ любопытствомъ, частью съ недоброжелательствомъ, обращаются на него. «Поклонъ вамъ, Русскіе люди, отъ Первопрестольнаго города Москвы»,—раздался во всей залѣ звучный голосъ, и Владиміръ Андреевичъ величаво поклонился на всѣ стороны. Зала встрепенулась и насторожилась... И бурнымъ потокомъ потекла пламенная, образная рѣчь народнаго трибуна. Своимъ энтузіазмомъ онъ невольно захватывалъ и увлекалъ, будя въ душѣ чувства, давно уже, «казалось», забытыя. Чувствовалось, что этотъ человѣкъ крѣпко,

Третій Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ Людей въ Кіевѣ въ октябрѣ 1906 г.

пламенно вѣритъ въ то, что̀ говоритъ, что онъ изъ тѣхъ мучениковъ идеи, которые готовы идти за нее и на плаху, и на костеръ... Какъ одинъ мигъ, пролетѣло нѣсколько часовъ, а въ публикѣ ни шороха, ни звука. Такъ поглощено было ея вниманіе. Но вотъ лекція кончена. Точно вода, прорвавшая плотину, хлынули слушатели къ эстрадѣ. Загремѣли аплодисменты. Восторженная толпа на рукахъ, при громовомъ крикѣ у р а, вынесла Владиміра Андреевича до подъѣзда. Здѣсь его ожидала новая толпа, запрудившая всю улицу.—Спасибо, спасибо, нашъ родной!—кричала она ему,—дай Богъ тебѣ здоровья, не забудемъ тебя, не забудь и ты насъ... Какая-то старушка изъ простыхъ, протѣснившись сквозь толпу, кинулась въ ноги Владиміру Андреевичу.—Родимый... утѣшилъ, спасибо тебѣ, кормилецъ!... А то вся душенька изболѣла. Какъ эти нехристи-то... краснотряпичники... все такое негожее брешутъ... Долго обступившая съ благодарностью толпа не отпускала Владиміра Андреевича... Кони тронулись. Толпа, наконецъ, съ громкимъ, оживленнымъ говоромъ стала расходиться по домамъ.—Что не смѣетесь? Вѣдь смѣшно... Не правда ли?—обратилась я къ своей знакомой.—Голова ужасно болитъ... Духота была страшная,—пробормотала она, не отвѣчая на мой вопросъ и торопливо прощаясь со мной...»

Еще болѣе широко развѣтвилась знаменитая патріотическая дѣятельность Владиміра Андреевича и необыкновенно высоко возросъ его политическій авторитетъ, благодаря Всероссійскимъ съѣздамъ правыхъ организацій, которые возникали и почти всегда осуществлялись при полномъ содѣйствіи «вождя монархистовъ». Въ теченіе 1906 года состоялись три такіе Съѣзда: первый—въ Петербургѣ при Русскомъ Собраніи (8—11 февраля), второй—въ Москвѣ (6—12 апрѣля) и третій въ Кіевѣ (1—7 октября). Ни одинъ изъ нихъ не обошелся безъ присутствія Владиміра Андреевича, безъ его опытнаго руководительства и воодушевленныхъ рѣчей. «Тѣ, кто бывалъ на Всероссійскихъ Съѣздахъ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ,—хорошо помнятъ, какую дѣятельную роль игралъ Владиміръ Андреевичъ на всѣхъ Съѣздахъ, помнятъ, какъ онъ своимъ талантливымъ предсѣдательствомъ не разъ выносилъ на своихъ плечахъ Съѣздъ въ трудныя минуты». «Достаточно было видѣть,—добавляетъ другой депутатъ Съѣздовъ,—какъ одно слово, одинъ жестъ Владиміра Андреевича приводилъ въ порядокъ 900 слишкомъ бушевавшихъ голосовъ, съѣхавшихся на Съѣздъ съ разныхъ концовъ Россіи, чтобы убѣдиться, какимъ уваженіемъ пользовался онъ въ русскихъ кругахъ». Третій очевидецъ еще полнѣе сообщаетъ: «Постоянное самоуглубленіе, громадная работоспособность, желѣзная энергія и умѣнье объединять, сглаживая крайности, особенно ярко сказывались на Всероссій-

скихъ Съѣздахъ объединившихся Русскихъ людей. Здѣсь въ полномъ блескѣ обнаруживались организаторскій талантъ и могучее личное вліяніе Владиміра Андреевича. Участники Съѣздовъ знаютъ, что много разъ, единственно благодаря ему, пресловутая славянская рознь не приводила къ разладу, трудно поправимому и вредному для русскаго дѣла. Какъ опытный кормчій, глава Монархической Партіи умѣлъ обходить подводные камни мелкихъ самолюбій и честолюбій, являющихся главною помѣхой объединенію любящихъ родину Русскихъ людей...» Но, кромѣ этого умѣнья «направлять пренія къ добрымъ и полезнымъ цѣлямъ», всѣхъ слушателей невольно привлекала на Съѣздахъ ораторская дѣятельность Владиміра Андреевича. Въ самомъ дѣлѣ, на первомъ Съѣздѣ онъ произноситъ пламенную рѣчь о Самодержавіи и заканчиваетъ ее одушевленнымъ призывомъ: «Освободимъ Двухглаваго Орла, расправимъ ему крылья, возвратимъ ему свободу величаваго полета! Отнынѣ неустанно мы будемъ возглашать наши требованія: «Свободу Царю, Свободу Царю, Неограниченную Ему свободу!..» (Московскія Вѣдомости 1906 г., № 46). Онъ встрѣчаетъ второй Съѣздъ глубоко-прочувствованнымъ «привѣтомъ» отъ имени Москвы,— «того храма, алтаремъ котораго высится Кремлевская святыня»,— и прибавляетъ: «Гдѣ Русскіе люди могутъ почерпнуть бо́льшую духовную силу, какъ не въ Москвѣ, какъ не въ Кремлѣ, гдѣ каждый камень говоритъ о русской славѣ? Гдѣ Русскіе люди могутъ соединиться въ одинъ общій, крѣпкій союзъ, какъ не въ той же Москвѣ, собирательницѣ всей Земли Русской? Такъ добро же пожаловать, братья дорогіе, къ намъ въ Москву, для образованія дружескаго, нерасторжимаго союза на спасеніе Родины, на возстановленіе святости Церкви Христовой, на огражденіе Царя Самодержавнаго отъ всѣхъ происковъ враговъ Россіи, на укрѣпленіе достоинства и благоденствія Русскаго народа, на возсіяніе лучезарной славы Москвы златоглавой!..» (Московскія Вѣдомости 1906 г., № 89.) «Горячо встрѣченный при своемъ появленіи» на третьемъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, Владиміръ Андреевичъ со своей стороны произнесъ «привѣтственное слово Матери городовъ Русскихъ—Кіеву» съ такимъ заключеніемъ: «Русская Монархическая Партія увѣрена, что Господь Вседержитель окажетъ Свою святую помощь Русскимъ людямъ, съѣхавшимся сюда, на берега древняго Днѣпра, дабы вторично получить подъ сіяніемъ Святого Животворящаго Креста обновленіе отъ всего вреднаго, наноснаго зла, что̀ накопилось за послѣднія 200 лѣтъ вокругъ многострадальной нашей Родины...» (Московскія Вѣдомости 1906 г., № 239.) На томъ же Кіевскомъ Съѣздѣ имъ была произнесена вторая рѣчь подъ заглавіемъ: «Рус-

скіе люди», тоже съ бодрымъ заключеніемъ: «Вы—видите; Русскіе люди, наша беретъ. Вѣруйте же: наша возьметъ» (№ 247).

О силѣ и блескѣ такихъ рѣчей Владиміра Андреевича прекрасно говоритъ жительница Петербурга и посѣтительница перваго Съѣзда: «Многіе петербуржцы, воздавая должную дань нашимъ здѣшнимъ ораторамъ, откровенно утверждали, что В. А. Грингмутъ—ораторъ совершенно особенный, одаренный какимъ-то неуловимымъ обаяніемъ, чѣмъ-то трудно опредѣлимымъ, но неотразимо-ощутимымъ, что заставляетъ видѣть въ немъ единственнаго въ своемъ родѣ оратора... Такъ говорили петербуржцы, изъ которыхъ многіе и многіе понимали, что Владиміръ Андреевичъ обладалъ тѣмъ, что французы называютъ le rayonnement extérieur du fluide personnel той или другой личности, опредѣляя это обыкновенно выразительнымъ словечкомъ: «обаяніе».

Историческій Музей, въ которомъ происходили собранія Русской Монархической Партіи.

Одновременно съ описанными «районными собраніями передъ выборами», открытіемъ провинціальныхъ «правыхъ отдѣловъ» и Всероссійскими съѣздами, подъ опытнымъ руководствомъ Владиміра Андреевича, росла и крѣпла Русская Монархическая Партія въ Москвѣ. Благодаря его неутомимымъ заботамъ, она въ теченіе 1906 года получила стройную, прочную и необыкновенно широкую организацію. Прежде всего, прошлогоднія частныя засѣданія, обыкновенно бывавшія въ его квартирѣ и по необходимости собиравшія лишь небольшой кружокъ монархистовъ, теперь, при большомъ числѣ членовъ, увеличивавшемся съ каждымъ днемъ, были замѣнены ежемѣсячными общими собраніями. Съ 5 февраля и по 17 декабря 1906 года были устроены Владиміромъ Андреевичемъ одиннадцать такихъ собраній то въ Историческомъ Музеѣ, то въ Епархіальномъ Домѣ. Такія собранія обыкновенно начинались молитвой: пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній, часто молебномъ (по поводу какого-либо радостнаго

событія въ Россіи), а иногда служеніемъ паннихиды (по случаю кончины какой-либо изъ несчастныхъ жертвъ, павшей отъ крамолы). Затѣмъ почти всегда самъ Владиміръ Андреевичъ дѣлалъ краткій обзоръ всего отраднаго или печальнаго, что̀ за цѣлый мѣсяцъ случилось въ Россіи, предлагая слушателямъ какъ бы живую лѣтопись пережитаго и испытаннаго на Руси, а затѣмъ непремѣнно произносилъ одушевленную рѣчь, посвященную самому близкому, животрепещущему современному вопросу. Послѣ докладовъ другихъ членовъ Партіи почти на каждомъ собраніи провозглашались телеграммы на Высочайшее Имя, всеподданнѣйшіе адресы, обыкновенно составленные Владиміромъ Андреевичемъ постоянно въ чисто-народномъ духѣ,—привѣтствія государственнымъ дѣятелямъ или «изъявленія соболѣзнованія» семьямъ, потерявшимъ отца, мужа или сына при исполненіи служебнаго долга... При этомъ иногда торжественно подносились иконы, хлѣбъ-соль, читались благодарственные адресы тѣмъ административнымъ лицамъ, которыя, по постановленію Монархической Партіи, заслуживали ободренія и признательности за свои подвиги въ дѣлѣ «успокоенія Россіи». Заканчивались такія общія собранія московскихъ монархистовъ всегда благоговѣйнымъ и многократнымъ исполненіемъ народнаго гимна съ одушевленными кликами у р а.

«Несомнѣнно,—пишетъ одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей,—такія собранія имѣли громадное значеніе для населенія Москвы. Изъ Замоскворѣчья, Дорогомилова, Бутырокъ, Благуши и другихъ предмѣстій тянулись толпы простого народа и часто подъѣзжали экипажи къ Историческому Музею и Епархіальному Дому... Вся эта русская масса собиралась не ради зрѣлища, а прямо по душевному и сердечному влеченію. Вѣдь здѣсь, съ возвышеннаго мѣста, говорились рѣчи, будившія русскія чувства, слышались ободренія для малодушныхъ, разъяснялись такія истины, которыя были милы, и близки всѣмъ патріотамъ отъ низшаго слоя до образованнаго класса. Несомнѣнно и то, что такія живыя лекціи, особенно главы монархистовъ—В. А. Грингмута, произносимыя не по тетрадкѣ, а въ изустной бесѣдѣ, не на безпорядочномъ, бурливомъ языкѣ митинговъ, а въ прекрасной, образной, искромечущей формѣ, производили удивительное, неотразимое впечатлѣніе: всегда, насколько я помню, самъ я и мои сосѣди уходили съ такихъ собраній растроганными, точно очарованными отъ всего, что̀ слышали и видѣли. Вотъ такія-то впечатлѣнія, передаваемыя затѣмъ съ восторгомъ изъ устъ въ уста, съ каждымъ новымъ собраніемъ неизбѣжно вербовали большіе кадры свѣжихъ посѣтителей и увеличивали монархическій кружокъ въ Москвѣ...»

Особенно важными по послѣдствіямъ оказались два такія общія собранія—26 февраля и 9 іюля 1906 года. Первое изъ нихъ состоялось черезъ десять дней послѣ того, какъ 16 февраля Государь Императоръ, предъ Иваново-Вознесенской депутаціей, произнесъ знаменательныя слова:

«Самодержавіе Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь».

Такія драгоцѣнныя слова Монарха явились лучшею, высокою наградою для монархистовъ вообще, но особенно—для Владиміра Андреевича, не перестававшаго во всю свою публицистическую и политическую дѣятельность твердо стоять за самодержавную власть русскихъ Государей. «Не забудемъ,—пишетъ одинъ изъ освѣдомленныхъ людей,—что Катковъ, силою своего пера, спасъ Россію отъ разложенія, сохранилъ ей Царство Польское. Но не забудемъ, что В. А. Грингмутъ совершилъ другое, еще болѣе важное для Россіи, дѣло: никто, какъ онъ, силою своего слова, силою пера спасъ Россіи то, безъ чего Россія не могла бы жить и неминуемо должна была идти къ разложенію,—Грингмутъ спасъ Россіи Самодержавіе. Онъ спасъ его тогда, когда, казалось, всѣ потеряли голову, всѣ потеряли на то надежду, когда всѣ органы прессы, за исключеніемъ Московскихъ Вѣдомостей, склонили головы и готовы были признать конституцію, какъ совершившійся фактъ...» По предложенію необыкновенно обрадованнаго Владиміра Андреевича, «Русская Монархическая Партія тутъ же, на второмъ собраніи, рѣшила слова Государя избрать своимъ постояннымъ девизомъ» для нагруднаго знака, который въ драгоцѣнной оправѣ затѣмъ, 23-го апрѣля, поднесла своему Предсѣдателю, какъ «видимую эмблему его побѣды».

Такимъ же знаменательнымъ явилось шестое общее собраніе, созванное Владиміромъ Андреевичемъ на другой день послѣ подписанія 8-го іюля Высочайшаго указа «о роспускѣ первой Думы». Вождь монархистовъ, не умолкавшій въ теченіе долгаго времени осуждать первый призывъ думцевъ за ихъ противогосударственныя постановленія, ратовавшій и въ своей газетѣ, и на ораторской трибунѣ, и даже въ цѣломъ рядѣ всеподданнѣйшихъ адресовъ, о прекращеніи вредной для государства перводумской дѣятельности,—теперь былъ нравственно удовлетворенъ и, въ знакъ своей новой побѣды, предложилъ своей партіи ознаменовать день Монаршаго указа 8-го іюля, когда совершается праздникъ въ честь чудотворной иконы Казанской Богоматери, принесеніемъ къ Ея образу въ московскомъ Казанскомъ соборѣ серебряно-вызолоченной съ эмалью лампады, украшенной драгоцѣнными камнями, со слѣдующею надписью: «Русскіе монар-

Четвертый Всероссійскій Съѣздъ "Русскихъ Людей" въ Москвѣ въ 1907 году.

Литературно-музыкальный вечеръ въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи.

хисты въ призываніе молитвенной помощи отъ Царицы Небесной Царю Самодержцу Всероссійскому въ память дня 8 іюля 1906 года». Такое предложеніе Владиміра Андреевича, восторженно одобренное всею Монархическою Партіей, торжественно было осуществлено 27-го декабря того же года,—и теперь эта лампада наглядно напоминаетъ о высокомъ порывѣ, охватившемъ москвичей - монархистовъ послѣ чтенія Высочайшаго указа, оправдавшаго ихъ задушевныя стремленія...

Упомянемъ также объ успѣшной дѣятельности монархистовъ и ихъ вождя на общихъ собраніяхъ по поводу ожидавшейся Государственною Думою англійской депутаціи и предполагавшагося Московскою Городскою Думою ознаменованія памяти перводумца Герценштейна, прославившагося своею рѣчью «объ иллюминаціи Россіи», т. е. призывомъ къ сожженію помѣщичьихъ усадебъ... Обѣ эти затѣи другихъ партій не удались: англійская депутація, уже собравшаяся, такъ и не пріѣхала въ Россію, а докладъ объ увѣковѣченіи еврея-демократа въ православной Москвѣ не приведенъ въ исполненіе...

Но успѣхъ Монархической Партіи въ столицѣ, выразившійся въ огромномъ притокѣ новыхъ членовъ, заставилъ Владиміра Андреевича подумать объ одной необходимой мѣрѣ: при громадной массѣ монархистовъ на общихъ собраніяхъ нельзя было обсуждать нѣкоторые важные вопросы, вести пренія и тутъ же вырабатывать ту или иную резолюцію. Вотъ почему онъ сначала сохранилъ «частныя совѣщанія» съ нѣкоторыми избранными членами, а затѣмъ избралъ комиссію для выработки «Устава Русскаго Монархическаго Собранія». По его предложенію, такое учрежденіе, по примѣру петербургскаго Русскаго Собранія, должно было явиться политическимъ клубомъ Московскихъ монархистовъ, въ который еженедѣльно по установленнымъ днямъ могли собираться избранные по голосамъ члены для взаимнаго общенія, для партійной бесѣды, для выслушиванія рефератовъ и обсужденія текущихъ дѣлъ. Уставъ въ такомъ духѣ былъ выработанъ, подъ руководствомъ Владиміра Андреевича, зарегистрированъ Городскимъ Присутствіемъ по дѣламъ объ Обществахъ (26 августа 1906 г.), затѣмъ напечатанъ (Московскія Вѣдомости 1906 г., № 249), а чрезъ полтора мѣсяца приведенъ въ дѣйствіе: 11 октября, въ прекрасномъ помѣщеніи Общества распространенія практическихъ знаній между образованными женщинами, на Никитскомъ бульварѣ, открылось въ Москвѣ Русское Монархическое Собраніе и до конца года, на ряду съ общими собраніями, имѣло уже десять «сходовъ» или засѣданій для «бесѣдъ», при которыхъ неизбѣжно присутствовалъ Владиміръ Андреевичъ, какъ

предсѣдатель Собранія и какъ постоянный ораторъ. Этимъ предпріятіемъ онъ положилъ начало существующему и донынѣ учрежденію, которое, по его собственному опредѣленію, «должно давать возможность своимъ членамъ, убѣжденнымъ монархистамъ, объединяться въ средѣ единомышленниковъ и въ этомъ тѣсномъ, живомъ объединеніи защищать законными, мирными средствами основныя начала нашей государственной и народной самобытности».

Тогда же имъ было написано, въ видѣ «политическаго катихизиса», любопытное «Руководство черносотенца-монархиста» (см. Московскія Вѣдомости 1906 г., № 141), въ которомъ онъ, преимущественно для простыхъ, малообразованныхъ членовъ своей партіи ясно и убѣдительно, въ вопросахъ и отвѣтахъ, изложилъ правила, которыхъ долженъ держаться каждый изъ вѣрноподданныхъ при оцѣнкѣ современныхъ событій въ Россіи.

Домъ Общества распространенія практическихъ знаній, въ которомъ открылись бесѣды Русскаго Монархическаго Собранія.

Широко развивая дѣятельность своей партіи, Владиміръ Андреевичъ очень охотно соглашался на открытіе отдѣловъ ея даже въ Москвѣ. «Наша столица—говорилъ онъ—такъ обширна и монархическое населеніе ея такъ многочисленно, что управлять ими становится невозможнымъ одному предсѣдателю Монархической Партіи: необходимо, чтобы въ каждой части Москвы, въ каждой изъ обширныхъ ея слободъ, существовали самостоятельные отдѣлы Монархической Партіи, сносящіеся чрезъ своихъ предсѣдателей съ Центральнымъ Бюро Монархической Партіи и ея предсѣдателемъ». На этомъ основаніи, во второй половинѣ 1906 года, имъ самимъ радушно были открыты отдѣлы Монархической Партіи въ Москвѣ: Дорогомиловскій (7 августа), Лефортовскій (27 октября) и Басманный (2 ноября). Мало того: когда учреждались новыя монархическія содружества,

напримѣръ, отдѣлы Союза Русскаго Народа въ Москвѣ, Владиміръ Андреевичъ привѣтствовалъ ихъ также съ горячею радостью, бывалъ на ихъ открытіи и собраніяхъ, руководилъ первыми шагами такихъ кружковъ. «Чѣмъ больше будетъ нашихъ обществъ,—говаривалъ онъ,—тѣмъ это будетъ лучше. Всѣ мы преслѣдуемъ одну и ту же цѣль, а соревнованіе—душа успѣха; энергія наша, конечно, не будетъ уходить на раздоры, а напротивъ, каждое изъ нашихъ содружествъ будетъ думать о томъ, чтобы не отстать отъ другихъ въ борьбѣ и въ движеніи впередъ во имя нашей великой идеи; поэтому, чѣмъ больше будетъ нашихъ обществъ, тѣмъ вѣрнѣе будетъ наша побѣда...» Такимъ образомъ и въ Москвѣ, и по городамъ, даже и по селеніямъ, зарождались новые монархическіе кружки, которые въ своихъ привѣтствіяхъ объ открытіи всегда заявляли, что они «зажгли свой свѣточъ отъ того яркаго пламени, что̀ горитъ и блещетъ въ Первопрестольной, благодаря стараніямъ и заботамъ В. А. Грингмута».

Казалось бы, что такая выдающаяся дѣятельность публициста-патріота и энергичнаго вождя Монархической Партіи должна была найти полное поощреніе и крѣпкую поддержку со стороны правительственныхъ лицъ. Между тѣмъ, надъ Московскими Вѣдомостями все еще тяготѣло «предостереженіе», данное за смѣлую статью противъ генерала Ванновскаго, вводившаго, по мнѣнію Владиміра Андреевича, свою «безтолковщину въ дѣло народнаго просвѣщенія»; за рѣзкія нападки на Витте у его газеты были отняты объявленія отъ Дворянскаго Банка и переданы въ другой органъ печати; въ заключеніе всего, въ серединѣ 1906 года, за напечатаніе въ № 141 Московскихъ Вѣдомостей «Руководства черносотенца-монархиста» Московская Судебная Палата привлекла автора къ судебной отвѣтственности, усмотрѣвъ въ означенномъ «Руководствѣ» возбужденіе вражды одной части населенія противъ другой. Привлеченный къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, В. А. Грингмутъ, не признавая себя виновнымъ, объяснилъ, что «Руководство черносотенца-монархиста» составлено лично имъ, но въ немъ онъ вовсе не желалъ возбуждать вражды одной части населенія противъ другой, а хотѣлъ лишь снять съ членовъ Монархической Партіи, называемыхъ черносотенцами, несправедливое обвиненіе въ устройствѣ погромовъ. Далѣе, признавая выдающееся участіе евреевъ въ современной смутѣ, Владиміръ Андреевичъ объяснилъ, что призывать къ насильственнымъ дѣйствіямъ морально противъ евреевъ онъ считаетъ беззаконнымъ и такихъ призывовъ въ указанной статьѣ не содержится. Судебная Палата такъ и не собралась, въ теченіе года, назначить день для судебнаго засѣданія: «стыдно было,—говоритъ

одно освѣдомленное лицо,—и приступить къ нему его судьямъ: такъ шатко было обвиненіе...»

Зато въ началѣ и концѣ 1906 года Владиміръ Андреевичъ былъ необыкновенно порадованъ двумя въ честь его грандіозными манифестаціями. Первая изъ нихъ относилась къ нему, какъ къ «знаменитому руководителю», редактору-издателю старѣйшей русской

Четвертый Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ Людей въ Москвѣ въ 1907 г.
Литературно-музыкальный вечеръ въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи.

газеты. 26-го апрѣля исполнялось стопятидесятилѣтіе Московскихъ Вѣдомостей. Въ этотъ день, послѣ торжественнаго богослуженія, Владиміръ Андреевичъ былъ удостоенъ Высочайшаго привѣтствія; затѣмъ сотрудники, выдающіеся москвичи и многочисленныя иногороднія депутаціи выражали ему сочувственныя поздравленія, читали восторженные адресы и подносили драгоцѣнные подарки; наконецъ, со «всей Руси великой» прилетѣло такое большое количество радостныхъ телеграммъ, что онѣ по нѣскольку столбцовъ долго занимали мѣсто въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (№№ 109—120). Самъ Владиміръ Андреевичъ, выпустившій 26-го апрѣля особый «юбилейный нумеръ» съ исторіей газеты и

иллюстраціями (нынѣ—большая библіографическая рѣдкость) и затѣмъ давшій парадный завтракъ «для своихъ дорогихъ сотоварищей-сотрудниковъ», нашелъ въ этомъ праздникѣ, по его собственнымъ словамъ, «самое большое утѣшеніе и побужденіе твердо оправдать свой обычный девизъ: безъ страха впередъ за правое дѣло».

Другая манифестація состоялась въ концѣ года, среди монархическаго собранія. Уже не разъ, даже въ началѣ 1906 года, Владиміръ Андреевичъ получалъ изъявленіе благодарности отъ членовъ своей партіи. Довѣріе и даже благоговѣніе ихъ къ своему вождю росли съ каждымъ днемъ. Часто присылались даже издалека благодарныя привѣтствія ему (напримѣръ: изъ Ростова Великаго, отъ Астраханской народной Монархической Партіи, отъ Корсунскаго отдѣла и мн. др.) или подносились иконы «на память», какъ это сдѣлали жители Павловскаго Посада (22 мая). Но 17-е декабря въ дѣятельности Владиміра Андреевича ознаменовалось особеннымъ торжествомъ среди многочисленной Монархической Партіи. Въ этотъ день состоялось одиннадцатое общее собраніе, на повѣсткѣ котораго значилось избраніе предсѣдателя партіи на 1907 годъ. Одинъ изъ членовъ съ мѣста обратился къ Владиміру Андреевичу со слѣдующими простыми, но сердечными словами: «Позвольте отъ лица всѣхъ Русскихъ Монархистовъ выразить вамъ въ настоящемъ собраніи нашу искреннюю благодарность за вашу стойкую и самоотверженную дѣятельность на пользу нашей Родины. Не намъ судить васъ, какъ дѣятеля историческаго,—это дѣло безпристрастнаго историка; мы же, современники, вами гордимся и восхищаемся вашею открытою и честною дѣятельностью, горячо благодаримъ васъ, желаемъ вамъ здоровья и силъ на пользу нашей Родины-матери и просимъ васъ принять нашъ глубокій поклонъ». Эти слова встрѣтили горячій откликъ во всѣхъ присутствовавшихъ. Все многолюдное собраніе, какъ одинъ человѣкъ, поднялось со своихъ мѣстъ и просило Владиміра Андреевича принять вполнѣ заслуженное имъ званіе «пожизненнаго предсѣдателя» Монархической Партіи. Онъ, только уступая настойчивой и усиленной просьбѣ всего собранія, согласился принять это необыкновенно почетное избраніе... Затѣмъ открылось чествованіе его чтеніемъ адреса отъ Монархической Партіи и поднесеніемъ иконы, изображающей Св. Владиміра (ангелъ Грингмута) и Св. мученицу Любовь (ангелъ его супруги),—принесеніемъ привѣтствій отъ отдѣловъ Партіи, единоличныхъ поздравленій, произнесеніемъ многихъ рѣчей и стихотвореній, прочтеніемъ писемъ и телеграммъ, присланныхъ къ этому торжеству изъ многихъ мѣстъ Россіи. То былъ день, когда Владиміръ Андреевичъ, растроганный до глубины души, громко заявилъ, что «нынѣ будетъ работать съ удвоенной

Съ фот. М. Грибова.

Шествіе монархистовъ съ хоругвями во время IV Съѣзда Русскихъ Людей.

На Красной площади.

энергіей и никогда не сойдетъ съ того пути, по которому онъ теперь идетъ, какія бы клеветы, интриги и угрозы ему ни пришлось встрѣтить на этомъ пути» (Московскія Вѣдомости 1906 г., № 305).

Скоро послѣ такого сердечнаго чествованія насталъ новый 1907 годъ въ жизни Владиміра Андреевича, точнѣе—наступили послѣдніе девять мѣсяцевъ для его знаменитой дѣятельности. Уже во второмъ мѣсяцѣ новаго года, именно 18-го февраля, совершилось выдающееся событіе—объединеніе Русской Монархической Партіи съ Московскимъ Союзомъ Русскаго Народа и—притомъ—подъ могучимъ, искуснымъ руководительствомъ Грингмута. Самъ Владиміръ Андреевичъ прекрасно объяснилъ значеніе этого «великаго акта». «Союзъ Русскаго Народа—говорилъ онъ,—былъ основанъ въ Москвѣ благодаря стараніямъ всѣмъ извѣстнаго, стойкаго патріота Н. Н. Ознобишина, съ которымъ мы дружно вели рядомъ каждый свою организацію съ однѣми и тѣми же идеями, къ одной и той же цѣли. Часто намъ приходилось слышать вопросы: «Да какая же разница между Монархической Партіей и Союзомъ Русскаго Народа?»—«Никакой», отвѣчали мы.—«Такъ почему же они не сольются вмѣстѣ?..» Сліяніе это нынѣ совершилось. Глубокоуважаемый Николай Ниловичъ великодушно отказался отъ предсѣдательствованія въ созданномъ имъ Союзѣ, Совѣтъ котораго, избравъ его почетнымъ предсѣдателемъ Союза за выдающіеся его труды и заслуги, почтилъ меня предложеніемъ взять на себя фактическое завѣдываніе дѣлами Московскаго Союза. Я принялъ это предложеніе съ тѣмъ, чтобы до конца года вести обѣ организаціи параллельно, не сливая ихъ кассъ и дѣлопроизводства и объединяя ихъ лишь на общихъ собраніяхъ; а если въ концѣ года Совѣтъ Союза найдетъ это возможнымъ, то съ 1 января 1908 года можно будетъ окончательно слить обѣ организаціи въ одну подъ названіемъ: Монархическій Союзъ Русскаго Народа. А пока давайте дружно работать вмѣстѣ, не покладая рукъ, открывая все новые и новые Союзы Русскаго Народа и поддерживая дружественныя связи съ родственными намъ организаціями...» «Но,—смѣло прибавилъ онъ,—наше Всероссійское единеніе явится въ полномъ блескѣ передъ глазами всего міра на четвертомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ Объединеннаго Русскаго Народа» (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 42).

Слова Владиміра Андреевича оправдались во всей точности: дѣйствительно, названный Съѣздъ, созванный въ Москвѣ съ 26-го апрѣля по 1-е мая, представилъ «предъ глазами всего міра» единственное, до сихъ поръ не повторившееся, явленіе. Въ Первопрестольную,

по призыву Совѣта Союза, собрались члены въ числѣ до 900 человѣкъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи—изъ Сибири, Кавказа, Холмской Руси, Поволжскихъ губерній, при чемъ впервые наблюдались прибывшія группы крестьянъ и мѣщанъ изъ даль-

Шествіе монархистовъ съ хоругвями и знаменами въ Москвѣ во время IV Съѣзда Русскихъ Людей.

У памятника Минина и кн. Пожарскаго.

ней провинціи, напримѣръ, особенно изъ Казанской губерніи. Наканунѣ самаго открытія Съѣзда всѣхъ заинтересовало до тѣхъ поръ невиданное зрѣлище: въ Епархіальномъ Домѣ освящались болѣе ста знаменъ для разныхъ правыхъ организацій, по примѣру, передъ тѣмъ (15 апрѣля) освященной для Русской Монархической Партіи хоругви, представлявшей нѣсколько видоизмѣненную копію знамени князя Пожарскаго, которое хранится въ Оружейной Палатѣ, и исполненной, по просьбѣ Владиміра Андреевича, иконописцемъ В. П. Гурьяновымъ, при содѣйствіи профессора В. М. Васнецова и инокинь Ивановскаго монастыря. Эти-то священные стяги, названные «путеводителями Русскаго Народа», приняли участіе въ томъ грандіозномъ крестномъ ходѣ, который 26-го апрѣля направился изъ Епархіальнаго Дома въ Кремль, при громадномъ числѣ членовъ Съѣзда и большой толпы народа, присоединявшагося по пути. По прибытіи въ Успенскій соборъ, участники Съѣзда слушали литургію

и молебенъ, а затѣмъ присутствовали при освященіи иконы Покрова Пресвятыя Богородицы, исполненной самимъ В. М. Васнецовымъ для Съѣздовъ Объединеннаго Русскаго Народа. Послѣ того съ этимъ образомъ крестный ходъ, при участіи всѣхъ стяговъ, направился обратно, сначала на Красную Площадь, къ памятнику гражданина Минина и князя Пожарскаго, гдѣ была отслужена литія съ провозглашеніемъ вѣчной памяти спасителямъ Отечества въ лихолѣтье 1612 года,—отсюда къ Воскресенскимъ воротамъ, при чемъ у Иверской часовни совершено краткое молитвословіе, а далѣе, по Тверской, къ генералъ-губернаторскому дому, на площади котораго состоялась внушительная патріотическая манифестація съ народнымъ гимномъ и могучими криками ура; наконецъ, по проѣзду Страстного бульвара, близъ котораго жилъ «главный руководитель Монархической Партіи и Союза Русскаго Народа», крестный ходъ вернулся въ Епархіальный Домъ. Такою необыкновенно торжественною процессіей ознаменовалось начало четвертаго Всероссійскаго Съѣзда.

Безспорно, только благодаря стараніямъ Владиміра Андреевича, хлопотавшаго предъ высшимъ московскимъ духовенствомъ и свѣтскими властями, было совершено такое выдающееся празднество. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ одинъ изъ присутствовавшихъ на Съѣздѣ. «Владиміръ Андреевичъ,—говоритъ онъ,—имѣлъ не мало случаевъ воочію убѣдиться въ плодотворности своего дѣла на пользу Россіи. Одинъ изъ нихъ, особенно яркій и наглядный, имѣлъ мѣсто на Пасхѣ 1907 года, предъ открытіемъ IV Съѣзда Русскаго Народа. Въ церкви Епархіальнаго Дома, въ присутствіи множества съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Россіи русскихъ патріотовъ, подъ сѣнью многочисленныхъ хоругвей-знаменъ, совершено было архіерейскимъ служеніемъ торжественное молебствіе. Настроеніе у всѣхъ было восторженное, радостно умилительное. По окончаніи молебна Владиміръ Андреевичъ вошелъ въ алтарь, чтобы благословиться у духовныхъ лицъ, и вотъ здѣсь, гдѣ его не видѣлъ народъ, онъ, устремивъ свой взглядъ на святой престолъ, не могъ уже сдержать волновавшихъ его чувствъ: изъ глазъ его брызнули слезы. Несомнѣнно, это были слезы радости, что не напрасны оказались труды его по возбужденію и усиленію въ русскихъ людяхъ національнаго самосознанія, что дѣло спасенія Россіи отъ революціоннаго движенія крѣпнетъ и ширится, что можно теперь смѣло сказать: Русь идетъ на свою собственную защиту! Помню, подошелъ тогда къ Владиміру Андреевичу со словомъ благодарности достопочтенный депутатъ отъ Кіевской губерніи, протоіерей К. Н. Рознатовскій, также горячій патріотъ; оба крѣпко облобызались и склонились другъ къ другу на грудь... Обмѣнявшись привѣ

ствіями съ другими, находившимися въ алтарѣ, духовными лицами, Владиміръ Андреевичъ тщательно отеръ слезы и вышелъ къ народу, какъ будто бы и не плакалъ... И вотъ, съ этой поры личность Владиміра Андреевича стала для меня особо обаятельною, дорогою, какъ личность великаго патріота, всѣмъ сердцемъ любившаго Россію и отдавшагося дѣлу спасенія ея со всею искренностью своей благородной души...»

Самъ Владиміръ Андреевичъ, «не смотря на препятствія, какія были встрѣчены при устройствѣ Съѣзда», былъ вполнѣ вознагражденъ и Высочайшею телеграммою, въ которой Государь Императоръ заявилъ: «Искренно благодарю членовъ Четвертаго Всероссійскаго Съѣзда Русскихъ Людей за горячія чувства любви и преданности, желаю имъ мирной и плодотворной работы на пользу нашей дорогой, многострадальной Родины»,—и единодушнымъ благодарнымъ при-

Храмъ-памятникъ Русской скорби на Ходынскомъ Полѣ.

вѣтствіемъ всѣхъ членовъ къ нему, какъ дѣятелю, «по инціативѣ котораго зародились патріотическіе союзы и который такъ много трудится надъ національнымъ дѣломъ въ Москвѣ». Онъ также былъ счастливъ, что во время Съѣзда, на средства почетнаго члена Русскаго Монархическаго Собранія И. А. Колесникова, былъ заложенъ въ мѣстности Ходынскаго поля, «Храмъ-памятникъ Русской скорби», посвященный памяти Великаго Князя Сергія Александровича и вмѣстѣ съ тѣмъ предназначенный для увѣковѣченія вѣрныхъ долгу, при-

сягѣ и родинѣ царскихъ слугъ, крамолою убіенныхъ, о чемъ имъ давно писались сочувственныя статьи и говорились рѣчи на собраніяхъ.*) Наконецъ, Владиміръ Андреевичъ былъ вполнѣ удовлетворенъ «постановленіями Съѣзда»—по вопросамъ о государственной безопасности, объ окраинахъ, земельномъ и переселенческомъ дѣлѣ, объединеніи патріотическихъ союзовъ и—особенно—по школьному вопросу, который преимущественно былъ близокъ его наболѣвшему сердцу.

Какъ опытный педагогъ, прошедшій всѣ стадіи учебной службы въ Императорскомъ Лицеѣ Цесаревича Николая, и какъ выдающійся знатокъ педагогической литературы, Владиміръ Андреевичъ уже давно былъ занятъ мыслію—устроить русскую образцовую школу. И въ цѣломъ рядѣ статей, какъ напримѣръ, «О національной школѣ» (Московскія Вѣдомости 1906 г., №№ 258, 261, 262, 263), и почти въ каждой рѣчи на собраніяхъ своей партіи, напримѣръ, даже за недѣлю до своей кончины (1907 г., № 217) онъ рѣзко порицалъ современныя школы въ Россіи и рисовалъ предъ читателями или слушателями будущее образцовое учебное заведеніе, какое необходимо для нашего обновленнаго Отечества. «Противопоставимте,—напримѣръ говорилъ Владиміръ Андреевичъ въ Монархическомъ Собраніи (22 октября 1906 г.),—какъ нынѣшнимъ безбожнымъ и революціоннымъ школамъ, такъ и будущимъ школамъ жидовскимъ, наши родныя православныя Русскія школы, которыя въ научномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ не должны уступать никакимъ лучшимъ образцовымъ школамъ Европы, но сами должны представлять образцы религіозно-нравственнаго, русскаго, національнаго воспитанія. При томъ варварскомъ разореніи, въ которомъ нынѣ находится русская школа, намъ придется строить и создавать ее съ самаго начала, а потому я предлагаю поставить ее подъ покровительство тѣхъ двухъ святыхъ угодниковъ, которые являются для насъ идеаломъ православія и національнаго самосознанія, подъ покровительство Кирилла и Меѳодія, учителей Словенскихъ. Покроемъ Россію густою сѣтью «Кирилло-Меѳодіевскихъ» школъ—низшихъ, среднихъ, а съ помощію Божіею и высшихъ,

---

*) Мало того: кромѣ рѣчей и статей, Владиміръ Андреевичъ и своими дѣйствіями не разъ доказывалъ, какъ сердечно относился къ «невиннымъ жертвамъ, павшимъ отъ рукъ крамольниковъ». Такъ, при нѣсколькихъ похоронахъ убитыхъ въ Москвѣ околоточныхъ, городовыхъ и даже простыхъ рядовыхъ солдатъ, онъ неизмѣнно являлся въ храмъ, возлагалъ вѣнки на гробы и своимъ присутствіемъ при отпѣваніи ясно показывалъ, какъ онъ глубоко чтитъ память этихъ вѣрныхъ присягѣ людей, положившихъ свою жизнь на ввѣренномъ имъ посту.

въ которыхъ широко процвѣтало бы научное преподаваніе, на здоровыхъ, религіозно-нравственныхъ и національныхъ основахъ воспитанія. Но, прежде всего, учредимте въ Москвѣ съ будущаго года (т.-е. съ сентября 1907 г.) первую образцовую Кирилло-Меѳодіевскую школу» (см. Московскія Вѣдомости 1906 г., № 258). По мысли Владиміра Андреевича, скоро послѣ того, съ 9-го ноября, были образованы особыя «школьныя коммиссіи», для которыхъ онъ самъ составилъ три доклада: «О педагогическихъ конференціяхъ», «Объ экзаменахъ» и «О значеніи классицизма въ среднемъ образованіи» (см. Труды религіозно-нравственной и національной комиссій по организаціи Кирилло-Меѳодіевской гимназіи, подъ редакціей В. А. Истомина, М. 1908 г.). Выработанные въ этихъ комиссіяхъ планы были внесены Владиміромъ Андреевичемъ на Четвертый Съѣздъ въ томъ совѣщаніи, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ иниціаторъ этого «школьнаго вопроса»,—и члены Съѣзда единогласно присоединились къ докладу Грингмута. Обрадованный такимъ единодушнымъ одобреніемъ своей «завѣтной мечты», онъ надѣялся осуществить ее скоро послѣ Съѣзда, но не дожилъ даже и до предположеннаго имъ открытія, въ сентябрѣ 1907 года, 1-го класса Кирилло-Меѳодіевской гимназіи *).

Вслѣдъ за описаннымъ Четвертымъ Съѣздомъ, при заботливомъ содѣйствіи и живомъ участіи Владиміра Андреевича, были устроены также въ Москвѣ еще два частные Съѣзда: первый, подъ названіемъ: «Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ Союза Русскаго На-

---

*) Съ кончиною Владиміра Андреевича устройство Кирилло-Меѳодіевской гимназіи въ Москвѣ не получило дальнѣйшаго движенія. Въ то же время идея о насажденіи патріотическихъ школъ въ странѣ имѣла большое развитіе: во многихъ городахъ монархическими союзами былъ открытъ цѣлый рядъ школъ разнаго типа, причемъ въ Петербургѣ Русскимъ Собраніемъ, а въ Одессѣ Союзомъ Русскихъ Людей, были открыты гимназіи, успѣшно развивающія свою дѣятельность. Въ Москвѣ Русское Монархическое Собраніе открыло двухклассную церковно-приходскую школу имени В. А. Грингмута, которая съ 1911 года преобразована въ церковно-учительскіе курсы его же имени, помѣщающіеся въ особомъ зданіи Московскаго Петровскаго монастыря. Кромѣ того, въ Первопрестольной столицѣ была учреждена возникшимъ послѣ смерти В. А. Грингмута Обществомъ содѣйствія религіозно-нравственному и патріотическому воспитанію дѣтей еще новая патріотическая школа, которая нынѣ представляетъ уже второклассную церковно-приходскую школу, помѣщающуюся въ Епархіальномъ Домѣ. Замѣчательная же библіотека покойнаго Грингмута, которую онъ предназначалъ для проектируемой имъ гимназіи, послѣ его кончины пріобрѣтена Монархическимъ Собраніемъ и теперь находится въ помѣщеніи Московской Епархіальной Библіотеки.

рода и другихъ Монархическихъ Обществъ», состоялся 15—19-го іюля, а второй, подъ именемъ: «Московскій губернскій Съѣздъ Союза Русскаго Народа», происходилъ 26-го августа. Оба они имѣли чисто дѣловую цѣль и не обошлись безъ важныхъ докладовъ Владиміра Андреевича, напримѣръ, объ отношеніяхъ монархическихъ обществъ къ партіи 17-го октября, о внутренней организаціи Союза Русскаго Народа, объ устройствѣ чайныхъ и читаленъ, о борьбѣ съ пьянствомъ и основаніи обществъ трезвости (см. Московскія Вѣдомости 1907 г., №№ 167—172 и 197). Между прочимъ, относительно двухъ послѣднихъ вопросовъ Владиміръ Андреевичъ прекрасно мотивировалъ свой докладъ. «Если бы,—говорилъ онъ,—Союзъ Русскаго Народа ограничивался лишь политическою дѣятельностью, напримѣръ выборами въ Государственныя Думы, то значеніе его было бы лишь преходящимъ и временнымъ... Но Союзъ нашъ имѣетъ несравненно болѣе высокую и вѣчную цѣль—національное, религіозно-нравственное возрожденіе Русскаго Народа, дабы сдѣлать его столь сознательнымъ и сильнымъ, что ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ врагамъ не могло бы даже придти въ голову какое бы то ни было покушеніе на славу, цѣлость и державную мощь Россіи. Но тутъ мы при первыхъ же шагахъ встрѣчаемся съ серіознымъ препятствіемъ на пути возрожденія Русскаго Народа—съ его позорнымъ, повальнымъ, развращающимъ пьянствомъ. Поэтому намъ приходится теперь же приступить къ безпощадной борьбѣ съ этимъ великимъ зломъ...» Съѣздъ 26-го августа вполнѣ одобрилъ всѣ предположенія Владиміра Андреевича и поручилъ ему выработать нормальный уставъ Братства трезвенниковъ при Союзѣ Русскаго Народа. Замѣтимъ, что еще до Съѣзда, по совѣту Владиміра Андреевича, были открыты чайная и читальня при Дорогомиловскомъ отдѣлѣ Русской Монархической Партіи (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 15).

Вообще неутомимая и плодотворная дѣятельность Грингмута на этихъ двухъ Съѣздахъ, какъ и предшествовавшихъ, невольно увлекала и всѣхъ присутствующихъ. Одинъ изъ участниковъ іюльскаго Съѣзда вспоминаетъ о немъ такой интересный эпизодъ: «Помнимъ, какъ сегодня, на Съѣздѣ въ Москвѣ 15 іюля, когда, говоря о переживаемомъ нынѣ нами времени, Владиміръ Андреевичъ закончилъ свою рѣчь словами: «Мы должны сказать Царю: Прикажи, Государь, чтобы Тобой поставленное Твое Царское Правительство бросило, наконецъ, всякія колебанія и уступки, встало бы какъ ему это и подобаетъ, во весь ростъ и прекратило бы, наконецъ, крамолу и смуту, губящую Россію»,—эти слова сказаны были такъ вдохновенно, съ такою силою и искренностью, что, вызвавъ громъ

Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ С. Р. Н. и монархическихъ обществъ
въ Москвѣ въ іюлѣ 1907 г.

рукоплесканій, они вдохновили и увлекли всѣхъ бывшихъ на этомъ засѣданіи...

Съ такимъ же пыломъ и съ большою смѣлостью, при выдающемся организаторскомъ талантѣ, Владиміръ Андреевичъ выступалъ въ послѣднее время жизни и въ другихъ сферахъ своей непрерывной дѣятельности. Внѣ обычаевъ для русской газеты онъ съ марта 1907 года на первомъ листѣ Московскихъ Вѣдомостей, послѣ заголовка, каждый день крупнымъ шрифтомъ печаталъ свой политическій призывъ: «А прежде всего Дума должна быть распущена!» Когда же по Высочайшему указу (3 іюня) совершился этотъ роспускъ, онъ также, послѣ заглавія своей газеты, торжественно заявилъ: «Дума распущена» (№ 127), а со слѣдующаго дня (№ 128) вплоть до своей кончины, на томъ же мѣстѣ, такими же жирными буквами, помѣщалъ новое рѣшительное требованіе: «А теперь, прежде всего, нужно прекратить крамолу!». Такое же публичное политическое исповѣданіе своихъ искреннихъ мыслей и чувствъ неизмѣнно отражалось у него въ длинномъ рядѣ рѣчей, докладовъ и даже цѣлыхъ лекцій, произнесенныхъ имъ въ теченіе послѣдняго года дѣятельности. Такъ, въ девять мѣсяцевъ ему удалось подъ своимъ предсѣдательствомъ созвать восемь общихъ собраній Монархической Партіи и Союза Русскаго Народа (по одному—въ мѣсяцъ), устроить пятнадцать частныхъ бесѣдъ въ Русскомъ Монархическомъ Собраніи, нѣсколько «патріотическихъ вечеровъ» и посѣтить, часто для произнесенія рѣчи или привѣтствія, шестнадцать отдѣловъ своей Партіи и Союза—только въ одной Москвѣ. Многія слова и дѣйствія Владиміра Андреевича на этихъ «мирныхъ засѣданіяхъ» были весьма замѣчательны, такъ что мы отмѣчаемъ ихъ для его характеристики. Напримѣръ, на январской частной бесѣдѣ онъ сдѣлалъ смѣлый «вызовъ партіи 17-го октября на словесный турниръ» и затѣмъ, при отказѣ ея, торжественно заявилъ въ особой статьѣ: «Октябристы увильнули» (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 11). Въ Дорогомиловскомъ отдѣлѣ 14-го января имъ призывались русскіе люди къ участію на выборахъ въ Думу такими словами: «Намъ нужно исполнить свой святой долгъ,—тотъ долгъ, на который насъ призываетъ Самъ Царь, нашъ Батюшка» (№ 15). На собраніи 10-го мая Владиміръ Андреевичъ подѣлился съ членами Монархической Партіи печальнымъ извѣстіемъ, «будто бы наше Правительство склонно передать сооруженіе всего новаго нашего флота одной англійской фирмѣ». Эта мѣра, по словамъ докладчика, безусловно нарушаетъ національные интересы Россіи, и, кромѣ того, она можетъ принести новыя неисчислимыя бѣдствія Россіи, такъ какъ въ

Англіи же строится и японскій флотъ, при чемъ между двумя судостроительными фирмами существуетъ синдикатъ. «Если это такъ,— заключилъ онъ,—то русскимъ людямъ необходимо протестовать противъ предположенной мѣры». Все собраніе единодушно присоединилось къ этому мнѣнію (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 108),—и Владиміръ Андреевичъ составилъ «протестъ», отправленный затѣмъ по назначенію, но не дожилъ до радости увидѣть благо-

Шествіе монархистовъ съ хоругвями и знаменами въ Москвѣ во время IV Съѣзда Русскихъ Людей.

У Иверской часовни.

пріятный результатъ: уже послѣ его кончины послѣдовало Высочайшее распоряженіе строить русскія суда новаго флота въ отечественныхъ верфяхъ и портахъ. Подобнымъ же образомъ своимъ ходатайствомъ, чрезъ всеподданнѣйшую телеграмму (6-го сентября), Владиміръ Андреевичъ достигъ того, что «лоцманское дѣло въ Финляндіи было передано въ надежныя русскія руки» (Московскія Вѣдомости 1907 г., №№ 207 и 217). Особенно же одушевленную рѣчь вождь монархистовъ произнесъ 8-го іюля на общемъ собраніи своей Партіи и Союза Русскаго Народа: «Если отъ тумана и обмана освободились Русскій Царь и Русскій Народъ,—воскликнулъ онъ,— то отъ нихъ далеко еще не освободился Петербургъ. Петербургъ... О, величайшее наше зло! Когда и чѣмъ ты замолишь всѣ свои тяжкіе

грѣхи передъ Россіей? Ты все еще, близорукій, въ своихъ бюрократическихъ очкахъ, блуждаешь въ дебряхъ демократическихъ софизмовъ, ты все еще копошишься въ болотѣ конституціонализма и парламентаризма! Ты все еще думаешь, что царственный Орелъ заключенъ у тебя въ клѣткѣ, а Онъ уже однимъ взмахомъ Своихъ могучихъ крыльевъ выпорхнулъ изъ нея и теперь попрежнему паритъ и надъ твоимъ болотомъ, и надъ Русскимъ Народомъ, и надъ всею необъятною Россіей! Жалкій Петербургъ! Что смыслишь ты въ Россіи, въ ея исторіи, въ ея національномъ чувствѣ? Вотъ Государь сказалъ великое слово: Созданная для укрѣпленія Русскаго Государства Государственная Дума должна быть Русскою и по духу. Это говоритъ Русскій Царь. Это говоритъ и чувствуетъ Русскій Народъ. А Петербургъ? Онъ этого не говоритъ и не чувствуетъ. Онъ стыдится Россіи, ему хочется облечь ее въ изношенное европейское отрепье, въ заплеванную всею Европой «конституцію...» (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 174). Наконецъ упомянемъ, что Владиміръ Андреевичъ, интересуясь въ послѣднее время сильнымъ развитіемъ соціализма въ Западной Европѣ и Россіи, какъ только получилъ «Воззванія» къ борьбѣ съ соціальнымъ движеніемъ отъ «Лиги Французскаго Дѣла» и отъ «Національнаго Союза желтыхъ рабочихъ Франціи и Швейцаріи», произнесъ интересный докладъ (26 августа) «О международной борьбѣ противъ революціи и соціализма» и, съ одобренія Собранія, послалъ сочувственный отвѣтъ на «Воззванія». «Въ нашемъ отвѣтѣ французскимъ рабочимъ,—прибавилъ онъ,— мы говоримъ о предстоящихъ международныхъ противосоціалистическихъ конгрессахъ. Мы уже приступили къ ихъ подготовленію. Первый изъ нихъ намѣченъ нами въ Парижѣ, второй—въ Берлинѣ, третій въ Москвѣ...» (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 197). Вотъ какъ широко развивалъ свою политическую программу вождь монархистовъ почти наканунѣ своей смерти...

Среди самаго разгара такой безостановочной политической дѣятельности, какъ бы въ большее ободреніе главнаго дѣятеля-оратора, послѣдовала 15 іюня 1907 года Высочайшая телеграмма «Союзу Русскаго Народа». Въ ней Государь Императоръ соизволилъ сказать:

«Увѣренъ, что теперь всѣ истинно-вѣрные Русскіе, беззавѣтно любящіе свое Отечество сыны, сплотятся еще тѣснѣе и, постоянно умножая свои ряды, помогутъ Мнѣ достичь мирнаго обновленія нашей Святой и великой Россіи и усовершенствованія быта Великаго ея народа. Да будетъ же Мнѣ Союзъ Русскаго Народа надежною опорою, служа

для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка».

На такой Высочайшій актъ благоволенія Владиміръ Андреевичъ отвѣтилъ восторженной статьей: «Царскій призывъ Союза Русскаго Народа» (Московскія Вѣдомости 1907 г., № 129) и горячею рѣчью на общемъ собраніи: «Съ нами Богъ, съ нами Царь!» (*тамъ же*, № 139). Теперь онъ смѣло заявилъ: «Вѣдь, Союзъ Русскаго Народа не какая-нибудь партія—онъ есть не что иное, какъ самъ Русскій Народъ, объединившійся въ общій многомилліонный союзъ на защиту своей Церкви, своего Царя и своей Родины...»

Шествіе монархистовъ съ хоругвями и знаменами въ Москвѣ во время IV Съѣзда Русскихъ Людей.
У дома генералъ-губернатора.

Но не въ одной родимой Москвѣ громко и сильно раздавалась такая «политическая проповѣдь» Владиміра Андреевича. Подобно прошлому году, онъ, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, точно предчувствуя приближающуюся смерть и желая какъ бы наверстать то, что еще не сдѣлано, предпринялъ еще частыя поѣздки по городамъ и весямъ Россіи. Такъ, въ началѣ 1907 года, Грингмутъ два раза посѣтилъ Петербургъ. Въ первый разъ (2 февраля) имъ была прочтена среди Русскаго Собранія большая лекція подъ названіемъ: «Кризисъ міровой исторіи» (напечатанная въ Старой Москвѣ

1908 г., № 7, 10, 14 и вышедшая отдѣльно: М. 1908 г., 47 стр.). «Приступая къ своему докладу,—говоритъ одна слушательница,— г. Грингмутъ, безъ малѣйшей рисовки, въ которую такъ легко впадаютъ вообще модные ораторы, ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, почти не жестикулируя, съ подкупающей простотою, вырвалъ насъ изъ политическихъ дрязгъ, и мало-по-малу передъ очарованною аудиторіей развертывались глубоко интересныя, философско-историческія картины міровой трехтысячелѣтней борьбы Европы съ Азіей и тысячелѣтней борьбы Западной Европы съ Россіей. Рѣчь оратора продолжалась довольно долго безъ перерыва, но никто и не подумалъ бы жаловаться на это,—до того слушатели были захвачены и самымъ предметомъ доклада, и мастерствомъ оратора, порой увлекавшагося до изящныхъ порывовъ настоящаго паѳоса. И не мудрено, что когда онъ кончилъ, то рѣчь его была покрыта бурными, продолжительными рукоплесканіями...» Съ такимъ же успѣхомъ, въ томъ же петербургскомъ Русскомъ Собраніи, былъ прочтенъ имъ (6 апрѣля) второй докладъ «О диктатурѣ». Одинъ слушатель отмѣтилъ слѣдующій интересный эпизодъ при заключеніи этого доклада: «Когда, въ концѣ своей рѣчи В. А. Грингмутъ сказалъ, что диктатура спасетъ все, что все оживетъ, очнется, придетъ въ себя, что при твердой власти диктатора сгинутъ вредные микробы и останутся только вѣрные слуги Царя, Государя Императора нашего Николая Александровича, и воскликнулъ при этомъ у р а, то всѣ присутствующіе стремительно поднялись со своихъ мѣстъ и раздался возгласъ: г и м н ъ!.. Надъ портретомъ во весь ростъ Государя мгновенно зажглись электрическія лампочки, и присутствующіе стройно пропѣли: Б о ж е, Ц а р я х р а н и...»

За этими двумя посѣщеніями Петербурга почти непрерывной чередой слѣдовали поѣздки Владиміра Андреевича по русской провинціи, частію для открытія новыхъ отдѣловъ Монархической Партіи и Союза Русскаго Народа, частію для оживленія дѣятельности прежде учрежденныхъ патріотическихъ кружковъ и обществъ*). О такихъ путешествіяхъ его въ предсмертное время краснорѣчиво свидѣтельствуетъ слѣдующій маршрутъ: 14 марта—въ Зарайскѣ; 18 марта—въ Нижнемъ Новгородѣ; 1 апрѣля—въ Твери; 6 мая—снова въ этомъ городѣ; 17 іюня—въ Рязани; 24 іюня—опять въ Твери; 29 іюня—въ Павловскомъ Посадѣ; 1 іюля—въ Смоленскѣ; 22 іюля—въ Калугѣ; 1 августа—въ Рославлѣ; 15 августа—вторично въ Рязани;

*) Владиміромъ Андреевичемъ въ теченіе двухлѣтней политической дѣятельности было открыто 460 отдѣловъ монархическихъ и вообще патріотическихъ союзовъ.

16 сентября—въ Коломнѣ; 20 сентября—въ третій разъ въ Рязани... Необходимо прибавить, что такіе разъѣзды сопровождались обыкновенно рѣчами и докладами, а при третьемъ посѣщеніи Твери (24 іюня)—даже большой публичной лекціей, на тему: «Психологическая исто-

Шествіе монархистовъ съ хоругвями и знаменами въ Москвѣ во время IV Съѣзда Русскихъ Людей.
У Епархіальнаго Дома.

рія народовластія», затѣмъ напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1907 г., №№ 145—161) и послѣ смерти автора вышедшей отдѣльною брошюрой, подъ заглавіемъ: «Исторія народовластія» (М. 1908 г., 76 стр.). «Надо удивляться,—вспоминаетъ одинъ очевидецъ,—откуда у Владиміра Андреевича взялась сила на ту прямо неимовѣрную дѣятельность, которую онъ развилъ въ дѣлѣ созданія Монархической организаціи. Это было непрерывное кипѣніе въ работѣ, непрерывная, громадная затрата энергіи и жженіе себя съ двухъ концовъ. Не поддается учету то количество верстъ, которое онъ дѣлалъ ежегодно, объѣзжая города и села для открытія новыхъ и поддержанія другихъ молодыхъ отдѣловъ. Всюду и всегда онъ говорилъ, влагая въ свои слова всю свою душу; его рѣчь была зажигательна...» Другой свидѣтель, частый спутникъ Владиміра Андреевича, добавляетъ: «За два послѣдніе года у Грингмута отнимали много времени агитаціонныя поѣздки; онъ ѣздилъ на политическія сходки по

всѣмъ концамъ Россіи въ такой обстановкѣ и съ такими лишеніями, какъ, конечно, не ѣздили ораторы другихъ партій. Безсонныя ночи въ вагонахъ, ночевки на грязныхъ постоялыхъ дворахъ, длинныя рѣчи въ душныхъ, переполненныхъ народомъ, залахъ, необходимость говорить прямо съ дороги, а затѣмъ неизбѣжность браться за тяжелую газетную работу, не отдохнувъ, какъ слѣдуетъ,—вотъ обстановка, въ которой онъ работалъ въ послѣднее время и въ которой онъ надорвалъ свое здоровье...»

Дѣйствительно, такая неимовѣрно громадная дѣятельность съ частыми, лишенными удобствъ, путешествіями рано могла подкосить жизнь Владиміра Андреевича. Его здоровье было серіозно надорвано еще задолго до послѣдняго заболѣванія. Много лѣтъ онъ уже страдалъ рѣзко выраженной формой діабета (сахарной болѣзни) и хроническимъ воспаленіемъ почекъ. Несмотря на такіе серіозные недуги, Владиміръ Андреевичъ не хотѣлъ считать себя больнымъ и не давалъ себѣ ни минуты полнаго отдыха. Ко всему этому, недѣли за три до послѣдняго тяжкаго заболѣванія, у него появились грозные признаки карбункула на почвѣ того же діабета. Первое время Владиміръ Андреевичъ лѣчился «своими средствами» и только, когда уже опасность была налицо, ему былъ сдѣланъ широкій разрѣзъ карбункула. «Въ послѣднее общее наше Собраніе (26 августа),—сообщаетъ очевидецъ, членъ Монархической Партіи,—Владиміръ Андреевичъ говорилъ съ обычнымъ воодушевленіемъ,—а самъ онъ едва сидѣлъ за столомъ, извивался отъ боли мучительнаго карбункула, о которомъ никому изъ членовъ не говорилъ. А вечеромъ онъ уже хотѣлъ ѣхать въ Орелъ, и только передъ самымъ отправленіемъ на поѣздъ телефонировалъ: «не могу; чувствую, что свалюсь...» Никто не зналъ и не вѣдалъ, какъ поздно ночью, буквально «сваливаясь», а не ложась въ постель, онъ только могъ сказать: «ахъ, какъ я усталъ, какъ усталъ!» А утромъ рано онъ опять былъ въ бодрой работѣ, опять на своемъ посту, опять на своемъ дѣлѣ писателя и глашатая о русскомъ дѣлѣ. И такъ безъ отдыха, изо дня въ день».

Повторные нарывы отъ карбункула не заставили Владиміра Андреевича серіознѣе взглянуть на свое здоровье. «Больной, онъ собрался ѣхать 20-го сентября на патріотическое чтеніе въ Рязань. Докторъ уговаривалъ его не ѣздить. Грингмутъ отвѣтилъ: «Нельзя не ѣхать, долгъ велитъ...» Поѣхалъ и, вернувшись, слегъ въ постель, чтобы уже не вставать...»

Послѣ такой предсмертной поѣздки болѣзнь началась въ ночь на 21-е сентября со страшнаго озноба; къ этому присоединилась сильная тяжесть въ головѣ, общая слабость и колющая боль въ боку. При-

Владиміръ Андреевичъ въ гробу.

глашенный на другой день докторъ констатировалъ сухой плевритъ и назначилъ соотвѣтствующее лѣченіе. Еще черезъ день (22 сентября) рѣзко обнаружилось воспаленіе легкихъ. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, болѣзнь шла впередъ, но больной успѣшно боролся со своимъ недугомъ. Не вѣря въ близкую смерть, но продолжая повторять свои девизы: «Я всѣ свои силы отдамъ на борьбу съ крамолой» и «Отъ своей проповѣди не отстану до конца жизни», онъ попрежнему порывался къ работѣ въ свои послѣдніе дни. Не внимая мольбамъ людей близкихъ и собственной семьи, Владиміръ Андреевичъ дрожащею рукой еще 24-го сентября дописывалъ послѣдніе листы «Блокнота профессора Баррикадова» *), интересовался дѣлами своей любимой Русской Монархической Партіи и другихъ патріотическихъ обществъ; составилъ публикацію о «праздникѣ монархическихъ союзовъ» на 1-е октября, которая появилась 28-го сентября (№ 222)—въ день его кончины, и назначилъ общее собраніе членовъ на 3-е октября. Въ эти же тяжелые дни, по словамъ одного свидѣтеля, «Божій Промыслъ далъ ему силы среди друзей, сердца которыхъ бились съ его сердцемъ однимъ біеніемъ, вести горячую бесѣду о просвѣщеніи юношества, которому онъ посвятилъ жизнь, о Православной Церкви, ревностнымъ сыномъ которой онъ былъ, объ истинныхъ задачахъ Русскихъ людей. Въ этой бесѣдѣ ему удалось высказать свои планы на будущее, какъ бы сдѣлать свои предсмертныя распоряженія и указанія своимъ послѣдователямъ и единомышленникамъ...»

Казалось, что при такихъ дѣйствіяхъ больного, его положеніе становилось лучше; даже 26-го сентября явилась надежда на скорое выздоровленіе... Какъ вдругъ съ того же вечера совершенно неожиданно наступило рѣзкое ухудшеніе. Утромъ 27-го сентября больного нельзя узнать. Сердце его рѣзко слабѣетъ и почти отказывается работать. Ночь съ 27-го на 28-е сентября очень тяжелая. Наконецъ, насталъ послѣдній день, 28-е сентября. «Опасность и неизбѣжность скораго конца,—говоритъ протоіерей І. И. Соловьевъ,—ясны были не только для близкихъ его, а и для него самого. Уже мертвѣли члены его тѣла; свѣтъ въ очахъ его потухъ и языкъ коснѣлъ, туго повинуясь его мощному духу... Освятивъ умирающаго святымъ елеемъ и пріобщивъ его Св. Христовыхъ Таинъ, я читалъ надъ головой его молитвы Богородицѣ объ облегченіи узъ его смертныхъ. Жадными устами цѣ-

---

*) Этотъ предсмертный литературный трудъ сначала появился въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (1907 г., съ № 193 отъ 23 августа до № 219 отъ 25 сентября) подъ псевдонимомъ: «Acus», а послѣ смерти В. А. Грингмута вышелъ отдѣльною книжкою съ многими иллюстраціями (М. 1908 г. 105 стр.).

Похороны Владиміра Андреевича.

Выносъ гроба изъ церкви Епархіальнаго Дома.

Литія у редакціи Московскихъ Вѣдомостей.

ловалъ онъ Св. Чашу, медленно, косно говоря: Вѣ...рую, мо... люсь. Пра...во...слав...ные Рус...скіе лю...ди. Со... бирай...теся... мо...литесь — у...хо...жу, ко...нецъ... Вотъ послѣднія слова, которыя произнесъ онъ лишь за нѣсколько минутъ до того таинственнаго мгновенія, когда, осѣняемый благословеніями священника, съ возложенною на главу его епитрахилью, онъ испустилъ послѣдній вздохъ (въ половинѣ второго часа пополудни)... Вотъ завѣтныя слова, которыя, не отдѣляя дѣла своего общественнаго служенія отъ своей личной жизни, произнесъ онъ какъ бы предъ самой вѣчностью, такъ близко и ясно стоявшею предъ его сознаніемъ, предъ лицомъ самого Бога, только что воспринятаго имъ въ себя!..»

Едва ли можно вполнѣ описать то тяжелое горе, какое, съ кончиною Владиміра Андреевича, выпало на долю его семьи, родныхъ, друзей, многочисленнаго штата редакціи и типографіи Московскихъ Вѣдомостей, несмѣтнаго числа членовъ правыхъ организацій и громаднаго круга почитателей. Единственными проблесками утѣшенія всѣмъ имъ могли служить: высокомилостивая депеша отъ Высочайшаго имени, заявлявшая, что «Его Величество выражаетъ искреннее соболѣзнованіе по поводу утраты столь честнаго и мужественнаго борца за достоинство и мощь Россіи»,—безконечное число телеграммъ и писемъ, несшихся со всѣхъ концовъ нашего отечества и передававшихъ вмѣстѣ со скорбными чувствами объ утратѣ «благоговѣніе къ памяти почившаго», огромный рядъ разнообразныхъ вѣнковъ и «цвѣточныхъ крестовъ» съ самыми трогательными надписями, да нескончаемыя вереницы москвичей и пріѣзжихъ, явившихся на прощаніе съ дорогимъ покойникомъ и для молитвы объ его упокоеніи *). «Какъ будто вчера,—пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ,—вспоминается посрединѣ гостиной гробъ, весь въ образахъ и цвѣтахъ. Около него толпятся и проходятъ непрерывныя вереницы знаемыхъ и незнаемыхъ друзей. Помѣщенія личной квартиры покойнаго, помѣщенія редакціи,—все заполнено пришлыми лицами, прощающимися съ почившимъ. Весь домъ кажется принадлежащимъ имъ: они приходятъ сюда, какъ въ свое мѣсто, не видятъ и не признаютъ здѣсь никого, кромѣ дорогого имъ покойника. Какая-то смутная тишина окутываетъ толпу, и только мѣстами слышится разговоръ шопотомъ или сдержанныя

---

*) Всѣ телеграммы, письма, статьи, рѣчи и стихотворенія, посвященныя памяти Владиміра Андреевича, изданы Русскимъ Монархическимъ Собраніемъ въ Москвѣ особою книгой, подъ заглавіемъ: «Богатырь мысли и дѣла» (М. 1909 г., 305 стр.).

Освященіе памятника на могилѣ Владиміра Андреевича.

рыданія, да раздаются надгробныя пѣснопѣнія почти непрерывныхъ панихидъ. Ихъ служили вольно, безъ спросу, приходили со священникомъ, и если не заставали панихиды, служили сами... И такъ весь день, и на другой, пока не настала минута похоронъ...»

Торжественно печаленъ былъ вечеръ 30-го сентября, когда совершился выносъ гроба съ почившимъ изъ квартиры,—«изъ того мѣста, откуда почти одиннадцать лѣтъ слышалось мощное слово этого извѣстнаго московскаго публициста»,—и перенесеніе его въ Епархіальный Домъ, гдѣ, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, онъ, «какъ краснорѣчивый витія, очаровывалъ и увлекалъ за собою всѣхъ своими дивными политическими рѣчами...» Но поразительнѣе для Москвы и всей Россіи явилось 1-е октября—день праздника монархическихъ организацій, и вмѣстѣ съ тѣмъ—день его погребенія. Послѣ литургіи и отпѣванія, совершенныхъ въ церкви Епархіальнаго Дома Московскимъ митрополитомъ съ большимъ соборомъ духовенства, а затѣмъ послѣ долгаго «надгробнаго прощанья», гробъ вынесли изъ храма на площадку, залитую народомъ, и на рукахъ понесли сначала къ дому редакціи Московскихъ Вѣдомостей, гдѣ была литія, а потомъ къ Московскому Скорбященскому монастырю. Среди несмѣтныхъ массъ народа медленно шла процессія. «Впереди ѣхало нѣсколько колесницъ съ вѣнками; за ними шли лицеисты съ образомъ и подушками съ орденами покойнаго, потомъ пѣвческій хоръ, очень многочисленное духовенство и епископъ Серафимъ. По бокамъ неслись хоругви - знамена его мощнымъ словомъ образовавшихся союзовъ и отдѣловъ,—всѣ съ изображеніями святынь и соотвѣтствующими надписями... Процессію кольцомъ охватывали союзники. Всѣ сословія, всѣ состоянія, отъ высшихъ чиновъ до рабочихъ и бѣдняковъ, толпились на пути траурнаго шествія и слѣдовали за нимъ. Но тихо, стройно и благоговѣйно проходила процессія среди безмолвной толпы съ обнаженными головами, и ни одинъ звукъ не слышался въ воздухѣ, кромѣ священныхъ аккордовъ молитвы. Это были истинно-православныя московскія похороны, и духъ покойнаго могъ только радоваться въ томъ мірѣ, глядя на это торжественное, благоговѣйное прощаніе Москвы. Такихъ проводовъ Русскій Народъ не дѣлалъ еще никому за время нашей смуты и никому еще не выразилъ такого трогательнаго, неподдѣльнаго свидѣтельства своего духовнаго родства съ почившимъ...»

Всю дорогу тяжелый дубовый гробъ несли на рукахъ и все по собственному желанію, дожидаясь очереди, и сами предлагали смѣнить другихъ. Наконецъ, приблизились къ Скорбященскому монастырю. Здѣсь въ главномъ храмѣ митрополитъ Владиміръ совершилъ послѣднюю литію, и гробъ съ останками Владиміра Андреевича, въ со-

Памятникъ на могилѣ Владиміра Андреевича.
По рисунку В. М. Васнецова.

провожденіи несмѣтной же толпы народа, отнесли на монастырское кладбище. Тамъ, на правой сторонѣ отъ кладбищенской церкви, уже въ пятомъ часу дня, при яркомъ закатѣ осенняго солнца, гробъ послѣ краткой литіи опустили въ приготовленную могилу, а когда надъ нею вознесся земляной холмъ, покрытый вѣнками и осѣненный временнымъ крестомъ, всѣ присутствующіе невольно преклонили колѣна, тихо произнося послѣднія слова литіи: «вѣчная память»...

. . . .

Теперь, надъ этою дорогой могилой высится художественный памятникъ-крестъ, исполненный по рисунку профессора В. М. Васнецова и торжественно освященный 25 апрѣля 1910 года. На этомъ прекрасномъ монументѣ особенно бросаются въ глаза и трогаютъ душу начертанныя золотомъ предсмертныя слова покойнаго: «Православные русскіе люди, собирайтесь, объединяйтесь, молитесь» и надпись: «Монархисты—своему вождю Владиміру Андреевичу Грингмуту».

И этотъ дивный крестъ на могилѣ, и далекое, на берегу Великаго океана, Грингмутовское селеніе, образовавшееся изъ новоселовъ на Дальнемъ Востокѣ (1909 г.), и рядъ открытыхъ покойнымъ отдѣловъ Монархической Партіи, а также Союза Русскаго Народа, и основанныя имъ самимъ или въ его честь учрежденія, и длинная вереница печатныхъ трудовъ, и, наконецъ, одиннадцатилѣтнее изданіе Московскихъ Вѣдомостей,—все это будетъ краснорѣчиво свидѣтельствовать потомству о знаменитомъ дѣятелѣ въ исторіи Россіи на зарѣ XX столѣтія—Владимірѣ Андреевичѣ Грингмутѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Изъ семейной хроники Владиміра Андреевича 5

II. Воспитаніе Владиміра Андреевича 7

III. «Конфирмація» Владиміра Андреевича и его университетское образованіе 12

IV. Начало педагогической дѣятельности Владиміра Андреевича . . . 17

V. Принятіе православія Владиміромъ Андреевичемъ, его переходъ въ русское подданство и женитьба 23

VI. Владиміръ Андреевичъ—преподаватель Лицея 27

VII. Владиміръ Андреевичъ—директоръ Императорскаго Лицея 32

VIII. Учено-литературные труды Владиміра Андреевича 41

IX. Владиміръ Андреевичъ — редакторъ-издатель Московскихъ Вѣдомостей 52

X. Владиміръ Андреевичъ—вождь монархистовъ 72

Кромѣ рисунковъ въ текстѣ книги помѣщены на отдѣльныхъ листахъ: 1) портретъ Владиміра Андреевича и 2) Снимокъ съ памятника на его могилѣ въ Скорбященскомъ монастырѣ.

Цѣна **1** рубль.

Роскошное изданіе
на мѣловой бумагѣ **2** р.

СКЛАДЪ КНИГИ:

Москва, Зубовскій бульваръ, д. 29, кв. 15,
у Екатерины Петровны Матасовой.

А. А. Левенсонъ Т-во Скоропеч. Москва.

